
Учредитель: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Издается на кафедре государственного и муниципального управления
историко-политологического факультета Пермского государственного национального
исследовательского университета

Журнал включает в себя авторские статьи по вопросам государственного и муниципального управления, экономики и политологии. Издание публикует как теоретические статьи, так и основанные на результатах эмпирических исследований. Особое внимание уделяется теориям управления, пространственной и региональной экономики; эффективности как государственных отраслевых политик в целом, так и различных управленческих структур в частности; роли политико-экономических институтов в развитии государства и общества; управлению публичной политикой; деятельности органов публичной власти; развитию человеческого потенциала, государственной и муниципальной службы; информационным и цифровым технологиям в публичном управлении и экономике; взаимодействию государственных институтов и гражданского общества; локальным управленческим практикам, а также различным аспектам региональной экономики, включая государственное регулирование экономики, проблемы моногородов, территориальную организацию населения, агломерирование и ряд других

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научной специальности:
5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-66778 от 08.08.2016

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны

Подписка на журнал осуществляется на сайте «Урал Пресс»
(<https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8648137/>). Подписной индекс – 41047

Главный редактор журнала – Елена Андреевна Третьякова,
доктор экономических наук, профессор, Пермский государственный
национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, e.a.t.pnru@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9345-1040>

SPIN-код (РИНЦ): 5846-1742

AuthorID (РИНЦ): 453819

Web of Science ResearcherID: M-7494-2017

Scopus Author ID: 55888410400

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Иван Александрович Антипин, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой Региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия

Мария Александровна Богомолова, кандидат технических наук, доцент кафедры математического моделирования в экономике и управлении Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель директора института информационных технологий, математики и механики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Яна Юрьевна Бондарева, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры прикладной экономики и экономической безопасности Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Надежда Владимировна Борисова, доктор политических наук, доцент, декан историко-политологического факультета, профессор кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия

Марина Валентиновна Владыка, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры прикладной экономики и экономической безопасности Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Елена Георгиевна Коваленко, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры статистики и информационных технологий в экономике и управлении Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия

Галина Борисовна Козырева, доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела институционального развития регионов Института экономики Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук», Петрозаводск, Россия

Наталья Сергеевна Козырь, кандидат экономических наук, доцент кафедры кибербезопасности и защиты информации Института компьютерных систем и информационной безопасности Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия

Елена Викторовна Курушина, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и организации производства Тюменского индустриального университета, Тюмень, Россия

Мария Викторовна Назукина, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, Пермь, Россия

Илья Викторович Наумов, кандидат экономических наук, заведующий лабораторией моделирования пространственного развития территорий Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

Антонина Владимировна Селезнева, доктор политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Сергей Алексеевич Сергеев, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия

Александр Владимирович Соколов, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия

Елена Андреевна Третьякова, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой и региональной экономики, экономической теории, профессор кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия – **главный редактор**

Елизавета Александровна Троицкая, кандидат политических наук, исполняющая обязанности заведующей кафедрой государственного и муниципального управления, старший научный сотрудник Центра делового образования Регионального института непрерывного образования Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия – **заместитель главного редактора**

Анна Александровна Урасова, доктор экономических наук, доцент, директор Пермского филиала Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия

Юлия Викторовна Усова, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, политологии и мировой экономики Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия

Марина Валериевна Цуркан, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления Института экономики и управления Тверского государственного университета, Тверь, Россия

Наталья Анатольевна Шибаева, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и государственного управления Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева, Орел, Россия

Станислав Николаевич Шкель, доктор политических наук, доцент, профессор департамента политологии и международных отношений Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

Адрес учредителя и издателя:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Адрес редакции:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
кафедра государственного и муниципального управления

Тел.: (342) 239-66-89

E-mail: arsadmag@yandex.ru

Сайт: ars-administrandi.com

© Редакционная коллегия, 2023

Publisher: Perm State University

Published by Department of State and Municipal Governance, Perm State University

The journal includes the contributory articles on issues of theory and practices of state and municipal governance, economics, and political sciences. We publish both theoretical articles and those based on the results of empirical research. A special emphasis is placed on the issues of governance, spatial and regional economics; the effectiveness of both sectoral public policies in general and various governance structures in particular; the role of political and economic institutions in the state and society development; public policy governance; activities of public authorities; human development management, state and municipal service; information and digital technologies in public administration and economy; interaction between state institutions and civil society; local management practices, as well as various aspects of the regional economy, including state regulation of the economy, problems of single-industry towns, territorial organization of the population, agglomeration, etc.

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific publications
in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science,
for the degree of Doctor of Science should be published for the following academic specialty:
5.5.2. Political institutions, processes, techniques (Political Sciences)

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies
and Mass Communications (Roskomnadzor) – Certificate PI no. FS77-66778 dated Aug. 8, 2016

Distributed within the Russian Federation and abroad

You can subscribe to the journal on the website “Ural-Press” (<https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8648137/>).
Subscription index – 41047

Chief Editor – Elena A. Tretyakova,

Doctor of Economics, Professor, Perm State University, Perm, Russia, e.a.t.pnrpu@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9345-1040>

SPIN-code (RSCI): 5846-1742

AuthorID (RSCI): 453819

Web of Science ResearcherID: M-7494-2017

Scopus Author ID: 55888410400

EDITORIAL BOARD

Ivan A. Antipin, Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Regional, Municipal Economics and Management, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

Maria A. Bogomolova, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Mathematical Modeling in Economics and Management, Nizhny Novgorod Institute of Management, the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Deputy Director for Development of the Institute of Information Technology, Mathematics and Mechanics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Yana Yu. Bondareva, Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Applied Economics and Economic Security, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Nadezhda V. Borisova, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of History and Political Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russia

Elena G. Kovalenko, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Statistics and Information Technologies in Economics and Management, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia

Natalya S. Kozyr, Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Cybersecurity and Information Protection, Institute of Computer Systems and Information Security, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Galina B. Kozyreva, Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Regional Institutional Development, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia

Elena V. Kurushina, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Production Management, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Ilya V. Naumov, Candidate of Economics, Head of the Laboratory for Modeling Spatial Development of Territories, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Maria V. Nazukina, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher of the Institute for Humanitarian Studies, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia

Antonina V. Selezneva, Doctor of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Psychology of Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Sergey A. Sergeev, Doctor of Political Science, Professor, Professor of the Department of Political Science, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Natalya A. Shibaeva, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Management and Public Administration, Orel State University, Orel, Russia

Stanislav N. Shkel, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, St. Petersburg Branch of the National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia

Alexander V. Sokolov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Socio-Political Theories, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

Elena A. Tretyakova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of World and Regional Economy, Economic Theory, Professor of the Department of State and Municipal Governance, Perm State University, Perm, Russia – **Chief Editor**

Elizaveta A. Troitskaya, Candidate of Political Sciences, Acting Head of the Department of State and Municipal Governance, Senior Research of the Center for Business Education at the Regional Institute for Continuing Education, Perm State University, Perm, Russia – **Deputy Chief Editor**

Marina V. Tsurkan, Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Administration, Institute of Economics and Management, Tver State University, Tver, Russia

Anna A. Urasova, Doctor of Economics, Associate Professor, Director of the Perm Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of State and Municipal Governance, Perm State University, Perm, Russia

Yuliya V. Usova, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of International Relations, Political Science and World Economy, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Marina V. Vladyka, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Applied Economics and Economic Security, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Publisher address:

Perm State University, 15 Bukirev Str., Perm, 614068, Russia

Editors address:

Department of State and Municipal Governance, Perm State University,
15 Bukirev Str., Perm, 614068, Russia

Tel. +7(342)239-66-89

E-mail: arsadmag@yandex.ru

Web-site: ars-administrandi.com

© Editorial Board, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОРГАНЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

- Тев Д. Б.** Члены правительств постсоветской России:
историческая динамика занятости после отставки
(от Б. Н. Ельцина к В. В. Путину) 174
- Панов П. В.** Факторы своеобразия партийно-электорального
ландшафта в регионах России 202

II. ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПУБЛИЧНОМ УПРАВЛЕНИИ И ЭКОНОМИКЕ

- Бронников И. А., Беденкова А. С.** Метавселенные и государства:
вместе или порознь 224
- Абрамов В. И., Андреев В. Д.** Цифровая экосистема региона:
практические аспекты реализации и структурные компоненты 251
- Липидус Л. В., Гостилов А. О.** Управление качеством
шеринговых услуг: оценка уровней лояльности и потребительской
удовлетворенности райдшерингом 272

III. УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

- Лавров И. А., Крыштановская О. В.** Социальная мобильность
и конкурс «Лидеры России» 292
- Цыбряева М. В.** Внутристрановая академическая мобильность
как инструмент национального развития (на примере
политологического образования) 311

IV. РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА И РЕГИОНАЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

- Дорошенко С. В.** Государственная политика и структура доходов
населения: эксперимент с samozанятостью 338

CONTENTS

I. PUBLIC AUTHORITIES: INSTITUTIONS AND PROCESSES

- Tev, D. B.** Post-soviet Russian governments members:
Historical dynamics of employment after resignation (from B. N. Yeltsin
to V. V. Putin) 174
- Panov, P. V.** The party-electoral landscape dissimilarity factors
in the regions of Russia 202

II. INFORMATION AND DIGITAL TECHNOLOGIES IN PUBLIC ADMINISTRATION AND ECONOMY

- Bronnikov, I. A. and Bedenkova, A. S.** Metaverses and states:
Together or apart 224
- Abramov, V. I. and Andreev, V. D.** Digital ecosystem of the region:
Practical aspects of implementation and structural components 251
- Lapidus, L. V. and Gostilovich, A. O.** Quality management
of sharing services: Assessment of loyalty levels and customer
satisfaction with ridesharing 272

III. HUMAN DEVELOPMENT MANAGEMENT

- Lavrov, I. A. and Kryshтанovskaya, O. V.** Social mobility
and ‘The Leaders of Russia’ competition 292
- Tsybriaeva, M. V.** Intra-country academic mobility
as a tool of national development (a case study of political
science education) 311

IV. REGIONAL ECONOMY AND REGIONAL ECONOMIC DEVELOPMENT

- Doroshenko, S. V.** State policy and population incomes
structure: An experiment with self-employment 338

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В журнал могут быть представлены материалы по фундаментальным и прикладным проблемам в сфере государственного и муниципального управления, экономики и политологии.

География авторов принимаемых к публикации статей охватывает как российских, так и иностранных научных и научно-педагогических работников, а также депутатов, руководителей и специалистов органов публичной власти. Основным языком журнала является русский. Также статьи могут быть опубликованы на английском языке.

Автору необходимо подать статью через сайт журнала <http://ars-administrandi.com> или направить ее на электронную почту журнала arsadmag@yandex.ru.

Редакция принимает статьи (материалы) объемом от 20 до 60 тыс. печатных знаков (основной текст, с пробелами).

Плата за публикацию рукописей не взимается.

К каждой научной статье должны быть приложены сведения об авторе (соавторах) рукописи, лицензионный договор, согласие на обработку персональных данных.

Автор (соавторы) предоставляет(ют) издателю журнала (Пермский государственный национальный исследовательский университет) право на использование его (их) статьи в составе публикаций журнала, а также на воспроизведение статьи в любых базах данных.

Право использования журнала в целом в соответствии с п. 7 ст. 1260 ГК РФ принадлежит издателю журнала и действует бессрочно на территории Российской Федерации и за ее пределами.

Объем прав издателя на использование журнала в целом соответствует объему принадлежащего автору (соавторам) исключительного права, предусмотренного ст. 1270 ГК РФ. Издатель вправе также разрешить использование журнала в целом другим лицам на определенных условиях по его усмотрению.

Автор (соавторы) включенной в журнал статьи сохраняет(ют) исключительное право на нее независимо от права издателя на использование журнала в целом.

Авторское вознаграждение за предоставление автором (соавторами) издателю указанных выше прав не выплачивается.

Направление автором (соавторами) статьи в журнал означает его (их) согласие на использование статьи издателем на указанных выше условиях и свидетельствует о том, что он (они) осведомлен(ы) об условиях ее использования.

Издатель предлагает любому физическому лицу заключить с издателем безвозмездный лицензионный договор о предоставлении права использования статьи, автором (соавторами) которой он (они) является(ют)ся.

Лицензионный договор является договором присоединения (офертой), условия которого определяются издателем, и может быть подписан другой стороной не иначе как путем присоединения к договору в целом. Направление автором (соавторами) рукописи статьи для опубликования в журнале счита-

ется акцептом, то есть согласием автора (соавтора) на опубликование статьи в соответствии с условиями договора. Факсимильные (электронные) копии собственноручной подписи и текста лицензионного договора действительны и имеют равную юридическую силу наряду с подлинными.

Издатель размещает фамилию, имя, инициалы автора (соавторов), ученую степень, ученое звание, должность, место работы, адрес места работы, идентификационные коды ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID, SPIN-код (РИНЦ), AuthorID (РИНЦ), адрес электронной почты автора (соавторов), название, аннотацию, ключевые слова и текст статьи на сайте журнала.

Издатель включает полнотекстовые варианты статей в «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), а также иные базы данных. Направление автором (соавторами) статьи издателю является согласием автора (соавторов) на подобное размещение и включение.

Гонорар за публикации не выплачивается. Автору высылаются авторский экземпляр по указанному им адресу. В случае если рукопись написана в соавторстве, авторский экземпляр высылается каждому соавтору по указанным ими адресам.

Полученные редколлегией статьи не возвращаются.

Подробные правила оформления и представления рукописей статей размещены на сайте журнала в разделе «Авторам» по адресу: <http://ars-administrandi.com/index.php/arsadm/guide>.

Желающие получить экземпляр журнала или консультацию редакции могут обращаться по адресу: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15, Пермский государственный национальный исследовательский университет, кафедра государственного и муниципального управления. Заместитель главного редактора – Елизавета Александровна Троицкая. Тел./факс (342) 239-68-30, 239-66-89. Сайт: ars-administrandi.com, e-mail: arsadmag@yandex.ru.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 2. С. 174–201.

Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 2, pp. 174–201.

Научная статья

УДК 32(470+571)(092)

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-174-201>

ЧЛЕНЫ ПРАВИТЕЛЬСТВ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ЗАНЯТОСТИ ПОСЛЕ ОТСТАВКИ (ОТ Б. Н. ЕЛЬЦИНА К В. В. ПУТИНУ)

Денис Борисович Тев¹

¹ Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского

социологического центра РАН, Санкт-Петербург, Россия, denis_tev@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-5442-7585>

Аннотация. Введение: динамика постправительственной карьеры является значимым предметом исследования, поскольку ее анализ позволяет прояснить характер взаимоотношений правительства с другими институтами власти, лучше понять поведение его членов, оценить устойчивость членства в элите и степень элитной интеграции в различные периоды. **Цель:** выявление сходств и различий в посткарьере членов правительств России, ушедших в отставку при президенте Ельцине и в послеельцинский период, и факторов, определяющих такие сходства и различия. **Методы:** статистически обработанная база данных, включающая биографические анкеты членов постсоветских кабинетов, которые хотя бы однажды выбывали из правительства. **Результаты:** сравнительный анализ постправительственной карьеры показал, что в послеельцинский период возросла роль федеральных административных органов, прежде всего Администрации Президента Российской Федерации, как места работы. Напротив, переходы в федеральный парламент стали более редкими, чему способствовало ослабление его роли, снизившее привлекательность законодательных позиций и проявившееся в падении значимости законодательного канала рекрутирования министров. Переходы в региональные администрации редки в оба периода, но в послеельцинское время члены правительства чаще становились губернаторами, чему способствовала централизация власти. Наконец, доля переходов из правительства в бизнес сходна в обе эпохи, как и некоторые другие характеристики пантуфляжа. Однако если при Ельцине чиновники, ушедшие в бизнес, чаще оказывались в частном секторе, то в последующее время – в основном в государственном. В оба периода пантуфляжу способствовали высокие доходы в коммерческой сфере и заинтересованность фирм

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

в привлечении на работу чиновников, усиленная кумовским характером капитализма. **Выводы:** постправительственная карьера в ельцинский и послеельцинский периоды демонстрирует значительные различия, что связано с изменениями в политическом и экономическом устройстве России, повлиявшими на привлекательность и доступность позиций в различных властных институтах.

Ключевые слова: постправительственная карьера, федеральная администрация, администрация президента, губернаторы, парламент, бизнес

Для цитирования: Тев Д. Б. Члены правительств постсоветской России: историческая динамика занятости после отставки (от Б. Н. Ельцина к В. В. Путину) // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 2. С. 174–201. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-174-201>.

Original article

POST-SOVIET RUSSIAN GOVERNMENTS MEMBERS: HISTORICAL DYNAMICS OF EMPLOYMENT AFTER RESIGNATION (FROM B. N. YELTSIN TO V. V. PUTIN)

Denis B. Tev¹

¹ Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, St. Petersburg, Russia, denis_tev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5442-7585>

Abstract. Introduction: the dynamics of a post-government career is a significant subject of research, since its analysis allows us to clarify the nature of the relationship between the government and other power institutions, to better understand the behavior of its members, to assess the stability of elite membership and the degree of elite integration in different periods. **Objectives:** to identify similarities and differences in the post-career of the Russian governments' members retired under President Yeltsin and in the post-Yeltsin period, and the factors that determine such similarities and differences. **Methods:** a database (collected data being further statistically processed) that includes biographical questionnaires on members of post-Soviet cabinets who had resigned at least once. **Results:** a comparative analysis of the post-government career has showed that in post-Yeltsin period the role of federal administrative bodies, primarily the Presidential Executive Office, as a place of work has increased. On the contrary, transitions to the federal parliament have decreased, due to the its weakening role, which reduced the attractiveness of legislative positions and manifested itself, in particular, in a decrease in its significance as a channel of ministerial recruitment. Transitions to regional administrations are rare in both periods, but in the post-Yeltsin era, government members more often became governors, due to centralization of power. Finally, the share of transitions from government to business is similar in both periods, as well as some other characteristics of pantouflage. However, while under Yeltsin the officials moving into business most often ended up in the private sector, later they mostly fit into the public sector. In both periods, pantouflage was fueled by high incomes in business and the companies' interest to hiring officials, reinforced by the crony capitalism. **Conclusions:** the post-government career in the Yeltsin and post-Yeltsin periods demonstrates significant differences associated with changes in the political and economic structure of Russia affecting the attractiveness and availability of positions in various power institutions.

Keywords: post-government career, federal administration, presidential administration, governors, parliament, business

For citation: Tев, D. B. (2023), "Post-soviet Russian governments members: Historical dynamics of employment after resignation (from B. N. Yeltsin to V. V. Putin)", *Ars Administrandi*, vol. 15, no. 2, pp. 174–201, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-174-201>.

ВВЕДЕНИЕ

Постправительственная карьера является значимым предметом исследования по ряду причин. Во-первых, ее анализ обнаруживает особенности данной общественно-политической системы, место в ней различных институтов власти (включая правительство, президента и его администрацию, парламент, региональные администрации, бизнес) и характер их взаимоотношений, отражением и закреплением которых в определенной степени служат элитные карьерные траектории. В этом смысле изучение динамики постправительственной карьеры, ее особенностей в различные исторические периоды способствует прояснению того, как эволюционировала рассматриваемая политическая система, как менялись роль и отношения властных структур. Во-вторых, знание карьеры правительственного деятеля после отставки позволяет лучше понять его политическое поведение во время осуществления полномочий. Ведь перспективы будущей занятости способны влиять на поведение представителя публичной власти, который может приспособлять его к интересам потенциального работодателя, что в иных случаях ведет к конфликту интересов и чревато нанесением ущерба государству и обществу (Cerrillo-i-Martínez, 2016, p. 357–358). В-третьих, анализ постправительственной карьеры важен для прояснения вопроса об устойчивости членства в элите в разные эпохи. Влечет ли за собой уход из правительства выпадение из административной элиты федерального уровня, и если да, то происходит ли выбытие из властной элиты вообще или переход в элитные группы иной функциональной специализации или уровня? Наконец, исследование постправительственной карьеры необходимо и для оценки степени внутри- и межфракционной элитной интеграции в различные периоды, одним из показателей и одновременно факторов которой могут выступать переходы членов правительственной элиты в другие властные группы, создающие динамические переплетения между ними (Hoffmann-Lange, 2018, p. 63).

В странах Запада проводился, особенно в последнее десятилетие, ряд исследований постправительственной карьеры в условиях развитых капиталистических демократий (Blondel, 1991; Nicholls, 1991; Claveria and Verge, 2015; Dörrenbächer, 2016; Gill, 2018; Rasmussen et al., 2021). В общем и целом они показали, что эта карьера зависит как от институциональных факторов, так и от политических ресурсов, которыми обладают министры, и существенно варьирует по странам. Обычно политико-административная сфера, включая правительственные органы, парламент (в первую очередь в Европе) и политические партии, играет важнейшую роль в качестве места занятости членов правительства после отставки, однако велико, особенно в США, и значение коммерческой сферы (бизнеса). Что касается динамики постправительственной карьеры, она также затрагивается в ряде работ. В частности,

К. Николс, сравнивая посткарьеру членов кабинетов США до и после 1896 года, приходит к выводу, что среди второй группы чиновников занятость в правительственной сфере после отставки значительно менее распространена, а посткарьеря в бизнесе, напротив, имеет место гораздо чаще. Он связывает эти различия отчасти с «возросшим доминированием делового сообщества в правительственных делах промышленно развитой страны» и существенным снижением привлекательности правительственной карьеры в сравнении с карьерой в бизнесе (Nicholls, 1991, p. 169). Н. Дорренбахер, проанализировав посткарьеру членов правительств ФРГ 1949–2014 годов, утверждает, что практика переходов министров в частный сектор («вращающиеся двери») стала более распространенной с 1980-х годов, и связывает это с тем, что «заинтересованные группы, лоббистские фирмы и транснациональные фирмы все более профессионализируют свои попытки влиять на формирование политики», увеличивая спрос на бывших политиков (Dörrenbacher, 2016, p. 476). Наконец, Т. Гилл, сравнивая роль бизнеса как места работы членов кабинетов при различных президентах США в период с 1968 по 2018 год, показывает, что хотя она существенно варьировала, но всегда была довольно велика: во всех администрациях опыт работы в корпоративной сфере после отставки имели более половины чиновников (Gill, 2018).

Работ, посвященных постправительственной карьере в России, совсем немного. Проведено исследование карьеры членов постсоветских правительств России после отставки в 1991–2017 годах, выявлены ее институциональные каналы (прежде всего это административные органы и бизнес, в меньшей степени – научно-образовательные организации и легислатуры) и факторы, определяющие переходы чиновников в различные сферы занятости (Тев, 2019). Однако предметом указанного исследования были только общие характеристики посткарьеры за весь постсоветский период, а не ее историческая динамика; особенности посткарьеры при различных президентах почти не затрагивались. Этот вопрос отчасти рассматривался в более раннем исследовании О. В. Крыштановской и С. Уайта. Говоря о постправительственной карьере и вообще карьере после отставки с элитной должности при президенте Б. Н. Ельцине, они отмечают, что в этот период исполнительная власть во многом утратила контроль над каналами элитной мобильности, а количество «недовольных и обиженных отставников» увеличилось (Kryshtanovskaya and White, 2005, p. 218–219). При этом между разными правительствами того времени имелись существенные различия в плане каналов карьеры их членов после отставки. Так, бывшие члены правительства Е. М. Примакова гораздо чаще избирались депутатами, а члены правительства Е. Т. Гайдара и В. С. Черномырдина чаще возглавляли предприятия, становились государственными служащими более низкого уровня или возвращались к своей первоначальной профессии (Kryshtanovskaya and White, 2005, p. 214). Что касается изменений, произошедших с приходом к власти В. В. Путина, то отмечается, что он начал восстанавливать контроль над каналами элитной мобильности: на смену «произвольным и стремительным» увольнениям прежнего периода пришла «новая стабильность кадров», перемещения чиновников приняли «более продуманный и систематический характер», вместо перехода в «экс-элитные

зоны» отставники стали получать синекуры. Впрочем, авторы статьи, опубликованной в 2005 году, отмечают, что президентство Путина продолжалось недостаточно долго, чтобы дать возможность для окончательного анализа формирования элиты, и по большинству показателей характер отставок изменился относительно мало (Kryshtanovskaya and White, 2005, p. 219–220).

Несмотря на значимость проведенных исследований постправительственной карьеры в России, ее динамика в постсоветский период изучена недостаточно. Причем особый интерес представляет сравнительный анализ характеристик посткарьеры членов правительств, ушедших в отставку при президенте Ельцине (1991–1999), с одной стороны, и в послеельцинский период, при президентах Путине и Медведеве (2000–2022), с другой. Это связано со значительными изменениями, произошедшими в политической и экономической системе, и прежде всего во взаимоотношениях различных властных акторов. Среди таких изменений можно назвать централизацию власти, усиление президентской власти, ослабление автономии парламента, укрепление государственного сектора в экономике. Эти и другие тенденции могли существенно повлиять как на привлекательность, так и на доступность (Borchert, 2011) различных властных позиций для отставных членов правительства и, в связи с этим, на постправительственную занятость. Таким образом, целью проведенного исследования было выявление сходств и различий в постправительственной карьере членов правительств, ушедших в отставку при разных президентах, а также факторов, обуславливающих такие сходства и различия.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирической основой исследования стала биографическая база данных, включающая сведения о членах постсоветских (действовавших с 6 ноября 1991 года) правительств России, которые по состоянию на январь 2023 года хотя бы однократно выбывали из высшего органа федеральной исполнительной власти. При этом в базу данных не включались две категории должностных лиц. Во-первых, председатели правительств республик в составе Российской Федерации, до декабря 1993 года входившие в правительство. Во-вторых, персоны, которые не были утверждены в качестве «полноправных» министров, но лишь временно исполняли обязанности, нередко оставаясь в должности заместителя министра и иногда сохраняя ее после прекращения их исполнения. Нужно сказать, что правительственные позиции, которые занимали включенные в базу данных персоны, разнообразны. Это не только председатели правительства, вице-премьеры и министры, но и председатели государственных комитетов (до декабря 1993-го), а также председатели Российского фонда федерального имущества, Пенсионного фонда России и Центрального банка России, в 1993 году входившие в состав правительства.

В соответствии с целью исследования база данных была разделена на две основные части: первая включила правительственных деятелей, ушедших в отставку в период президентства Ельцина (до 31 декабря 1999 года), а вторая – членов правительств Российской Федерации, покинувших должность

во время президентств Путина и Медведева (после 31 декабря 1999 года). Целесообразность анализа отставников периодов правления второго и третьего российских президентов в качестве общего массива связана с двумя обстоятельствами. С одной стороны, их количество при Медведеве невелико (всего 14 человек), а с другой – во время его президентства ключевые характеристики политического устройства России, сложившиеся после прихода к власти Путина, в основном сохранялись, хотя и в видоизмененной форме. Впрочем, при изложении результатов исследования будут сделаны оговорки, касающиеся специфики посткарьеры членов правительства, ушедших в отставку при Медведеве.

Как в ельцинский, так и в послеельцинский период некоторые персоны неоднократно, но с перерывом входили в правительство и неоднократно покидали его, поэтому, как показано в таблице 1, число выбытий (исключая один случай смерти в должности) и потенциальных постправительственных карьерных траекторий больше, чем количество персон, включенных в оба подраздела базы данных. При этом в двух случаях, когда члены правительства выбывали из него на очень короткое время (несколько дней) и вновь входили в этот орган, не занимая в промежутке иных позиций, членство в правительстве условно считалось непрерывным.

Таблица 1 / Table 1

**Количественные характеристики исследуемой совокупности /
Quantitative characteristics of the studied population**

Параметр	Президентство Ельцина	Президентства Путина и Медведева
Количество членов правительства, выбывших из него, исключая тех, кто умер в должности, чел.	136	122
Количество выбытий из правительства, исключая случаи смерти в должности	145	131

Источник: составлено автором.

На каждую из включенных в базу данных персон была заполнена биографическая анкета, содержащая, в частности, информацию о дате рождения, типе высшего образования, карьерном пути как до вхождения в правительство, так и после выбытия из него. В качестве источников биографических сведений использовались сайты органов государственной власти, коммерческих организаций и иных структур, отчеты компаний, материалы СМИ, биографические интернет-порталы. Собранные данные затем статистически обрабатывались.

Говоря о предмете исследования, нужно отметить, что под постправительственной карьерой обычно понималась занятость после выбытия из правительства в связи с уходом с соответствующей должности: премьер-министра, вице-премьера, министра и проч. Но ряд должностных лиц, включенных в исследуемую совокупность, выбыли из правительства раньше, чем покинули

свою должность. Это прежде всего председатели государственных комитетов Российской Федерации, после принятия Конституции 1993 года исключенные из правительства. В этих случаях исследовалась занятость после ухода с той должности, пребывание на которой обеспечило в прошлом членство в правительстве.

Необходимо также отметить, что изучалась не вся карьера членов правительства после отставки, а только занятость, более или менее непосредственно следующая за уходом с должности, то есть акцент делался на выявлении того, прямым трамплином к каким позициям была правительственная должность в различные исторические периоды. Это вызвано двумя соображениями. Во-первых, логично предположить, что именно прямые (в сравнении с косвенными) переходы с правительственного поста на иные позиции обычно в наибольшей мере обусловлены спецификой сопряженных с этой должностью ресурсов, возможностей и амбиций. Во-вторых, исследование непосредственной постправительственной занятости предпочтительно в плане обнаружения ее специфики, характерной для времени правления именно того президента, при котором произошла сама отставка, и «привязки» выявленных тенденций карьерной мобильности к особенностям политико-экономической системы данного периода. Говоря конкретнее, при исследовании занятости правительственных деятелей, покинувших свой пост в конце президентства Ельцина, сразу или спустя краткое, например один год, время после отставки мы (почти) не выходим за пределы периода его правления, но если их постправительственную позицию фиксировать на момент через пять или, скажем, десять лет после отставки, то велика вероятность того, что вхождение в нее произошло уже в существенно иных реалиях правления другого главы государства. Учитывая эти обстоятельства, при изучении постправительственной карьеры использовались два показателя: работа сразу после ухода с должности и, поскольку иногда информация о непосредственной занятости отсутствует, работа через один год после ухода с должности. Представляется, что их сочетание позволяет полнее и надежнее раскрыть характер посткарьеры членов правительства. Впрочем, при фиксации занятости допускалась известная приблизительность. В тех случаях, когда вхождение члена правительства в новую должность произошло не совсем сразу, но через небольшой промежуток времени (не более трех-четырех месяцев после отставки), условно считалось, что оно имело место сразу после ухода из правительства (аналогичный подход был принят и при учете постправительственной занятости через один год после отставки).

Наконец, следует отметить, что при анализе постправительственной карьеры акцент был сделан на занятости в трех важнейших сферах, соответствующих основным функциональным фракциям властной элиты: административной, политической и экономической.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Постправительственная занятость в административной сфере

Таблица 2 показывает опыт работы в административных органах бывших членов правительства, покинувших его при разных президентах.

Таблица 2 / Table 2

Постправительственная занятость в административной сфере, % /
Post-government employment in the administrative sphere, per cent

Уровень администрации	Работа сразу после ухода из правительства		Работа через год после ухода из правительства	
	Отставки в период президентства Ельцина (N = 145)	Отставки в период президентств Путина и Медведева (N = 131)	Отставки в период президентства Ельцина (N = 144*)	Отставки в период президентств Путина и Медведева (N = 130**)
Федеральная администрация	32	47	29	49
В том числе:				
Администрация Президента Российской Федерации	10	27	8	28
Элитные должности в федеральных органах исполнительной власти и Администрации Президента Российской Федерации	22	42	24	43
Региональная администрация	2	3	1	3
Местная администрация	0	0	0	0
Всего в административных органах федерального, регионального и местного уровня	34	50	30	52

Примечание: * – в этой и следующих таблицах N для занятости отставников периода правления Ельцина через один год после их ухода из правительства меньше, чем для их занятости сразу после ухода с должности, поскольку один из них умер ранее указанного срока; ** – в этой и следующих таблицах N для занятости отставников периода правления Путина и Медведева через один год после их ухода из правительства меньше, чем для их занятости сразу после ухода с должности, поскольку со времени отставки одного из них к моменту проведения исследования еще не прошел один год.

Источник: составлено автором.

Виден ряд тенденций: в сравнении с членами правительства, выбывшими из него во время президентства Ельцина, среди отставников послеельцинского периода существенно шире распространены переходы в администрацию пре-

зидента (далее – АП), в административную сферу вообще и на элитные должности в федеральных административных органах в частности. В то же время частота переходов в региональную исполнительную власть изменилась незначительно. Рассмотрим эти тенденции и обуславливающие их факторы.

Работа бывших членов правительства в АП

Значение АП как канала непосредственной посткарьеры членов правительства при Путине и Медведеве, в сравнении с ельцинским периодом, возросло примерно втрое. Если из тех, кто ушел в отставку при первом президенте, в его аппарат сразу перешел каждый десятый, то в последующий период – более четверти (причем при Медведеве (N=14) – более трети). Анализ занятости через год после ухода из правительства показывает еще больший разрыв – в три с половиной раза. Чем могут быть обусловлены такие различия?

Говоря о политических событиях, очевидно и довольно сильно способствовавших миграции членов правительства в АП в послеельцинский период, следует назвать рокировку президента и премьер-министра в мае 2012 года, вызвавшую соответствующий переток властных кадров (что неудивительно, учитывая значимость личных связей в России как фактора элитного рекрутирования). Тогда пять бывших министров стали помощниками президента и по одному – его советником, заместителем руководителя АП и заместителем секретаря Совета безопасности Российской Федерации.

Что касается более глубоких и постоянно действующих факторов рассматриваемой миграции, то может иметь значение существенное усиление роли АП в государственной и политической системе России. Оно наблюдалось уже во второй срок президентства Ельцина, после того как в 1996 году АП возглавил А. Б. Чубайс (Зуйков, 2012), но особенно проявилось в период правления Путина, в условиях персоналистской автократии, сложившейся к середине 2000-х годов. В целом за время своего существования АП проделала путь от «относительно скромной группы помощников президента» (Апануев, 2018, р. 39) и, при ее руководителе в 1993–1996 годах С. А. Филатове, «своеобразного научно-исследовательского института по проблемам демократии в России» (Ельцин, 2008, с. 233) до основного политического института, «командного центра, из которого Кремль управляет политикой на всех уровнях» (Апануев, 2018, р. 39), своего рода «второго издания ЦК КПСС» при Путине. Важный показатель увеличения власти и автономии АП, чьи функции постепенно расширялись и дифференцировались, – рост ее доли в государственном бюджете: если в 1994 году она составляла 0,1 %, то к 2000-му превысила 0,55 % (резкий рост произошел в 1999-м), а к 2014 году достигла почти 0,8 % (Burkhardt, 2021, р. 480–482). Увеличение властных возможностей АП, вероятно, повысило привлекательность ключевых позиций в ней для членов правительства, усилив их мотивацию к переходу в аппарат президента после отставки. Тем более что эти должности довольно щедро вознаграждаются: при Путине зарплаты в АП стали одними из самых высоких в федеральной администрации¹.

¹ Иваницкая Н. Генералы в серых костюмах: сколько зарабатывают в Кремле и Белом доме [Электронный ресурс] // Forbes. 2013. 12 марта. URL: <https://www.forbes.ru/sobytiya/vlast/235448-generalny-v-seryh-kostyumah-skolko-zarabatyvayut-v-kremle-i-belom-dome> (дата обращения: 09.02.2023).

В то же время на доступность в различные периоды должностей в АП для отставных членов правительства неоднозначно влиял ряд факторов, определяющих как предложение соответствующих властных позиций, так и спрос на них. С одной стороны, несмотря на усиление АП, численность ее штата после значительного роста в первые годы существования оставалась довольно стабильной с середины 1990-х по настоящее время (Burkhardt, 2021, р. 490–492). В частности, количество таких потенциально доступных отставным членам правительства ключевых позиций, как заместители руководителя АП, помощники и советники президента, значительно колебалось в постсоветский период, хотя при Путине появились новые элитные посты, прежде всего, полномочные представители в федеральных округах. Но нужно учитывать и то, что в постельцинский период стабильность кадров в АП существенно возросла, и сокращение частоты их сменяемости негативно влияло на количество вакансий в этом органе, доступных выходцам из правительства. Как пишет Й. Борхерт, «должности с высокой текучестью кадров, очевидно, более доступны для не-инкубентов, чем другие» (Borchert, 2011, р. 122). С другой стороны, говоря о факторах спроса, важно отметить, что и члены правительства при Путине и Медведеве уходили со своих должностей реже, чем при Ельцине: за восемь лет (1991–1999) было больше отставок, чем за последующие два с лишним десятилетия (2000–2022). Эта разница объясняется особенно большим числом должностей и, соответственно, членов в первых постсоветских кабинетах, которые до 1993 года включали не только премьера, вице-премьеров и министров, но и целый ряд других руководителей, а также менее частой сменяемостью правительственных кадров при Путине, что может быть обусловлено и большей социальной и политической стабильностью этого периода, и складыванием авторитарного режима, и особенностями характера и стиля руководства Путина в сравнении с Ельциным (Стрелец, 2019). Уменьшение количества отставных правительственных кадров в путинский период должно было влиять на спрос на ключевые позиции в АП в направлении, противоположном воздействию роста их привлекательности, – снижая его и тем самым облегчая трудоустройство в этот орган.

Важным показателем возросшей роли АП в постельцинский период может служить и повышение ее значимости как канала рекрутирования членов правительства, особенно вице-премьеров (этому также сильно способствовала рокировка первых лиц государства). Если при Ельцине предшествующий опыт работы в АП имели примерно 11 % членов правительства, вошедших в исследуемую совокупность, причем 8 % были прямыми выходцами из нее, то при Путине и Медведеве – более четверти (26 %), а 15 % вышли непосредственно оттуда. Рост распространенности среди правительственных деятелей предшествующего опыта работы в АП, а значит, и соответствующих компетенций и связей (доверительных отношений с президентом и ключевыми чиновниками его аппарата) также мог способствовать учащению переходов туда после отставки. По крайней мере, среди членов правительства, ушедших в АП, такой опыт встречается заметно чаще, чем во всей исследуемой совокупности.

Вообще, интенсивный обмен кадрами между правительством и АП в путинский период, по-видимому, является во многом результатом сознательной стратегии главы государства. Ведь двустороннее движение персонала благоприятствует взаимопониманию и взаимодействию (и в этом смысле сплочению) соответствующих сегментов административной элиты и обмену компетенциями между ними. Кроме того, обмен кадрами способствует усилению контроля президента над исполнительной властью и смягчению разделяющей правительственную элиту ведомственной и секторальной лояльности, оказывая на нее интегрирующий и дисциплинирующий эффект (Huskey, 2010, p. 367). В частности, перспектива будущей занятости в президентском аппарате может усиливать мотивацию членов правительства к тому, чтобы приспособлять свое политическое поведение к интересам главы государства и его ближайшего окружения.

Работа бывших членов правительства в федеральной администрации в целом и их принадлежность к административной элите федерального уровня

Доля правительственных деятелей, сохранивших членство в федеральной административной элите сразу и через один год после ухода с должности, существенно выше при Путине и Медведеве – более 40 %, чем при Ельцине – не более четверти (см. таблицу 2). К элитным, в частности, относятся и нижестоящие посты в федеральных органах исполнительной власти (заместители министров, руководители комитетов, служб и пр.), на которые иногда переходили члены правительства (14 % отставников эпохи Ельцина и 11 % отставников при Путине и Медведеве). Соответственно, доля тех, кто выпал из федеральной административной элиты сразу после отставки, выше в ельцинский период. В этом смысле можно говорить о том, что с точки зрения посткарьеры членов правительства устойчивость членства в федеральной административной элите повысилась. Значительно возросла в постельцинский период и доля тех, кто сразу или в течение года после отставки продолжил работу в федеральной администрации в целом, в том числе на неэлитных постах (с менее трети до без малого половины). Можно поэтому утверждать, что с точки зрения непосредственной посткарьеры членов правительства федеральная административная элита, частью которой эти деятели являются, стала в постельцинский период более обособленной и замкнутой.

С чем могут быть связаны эти тенденции? Непохоже, что с возрастными различиями, поскольку доля членов правительства, покинувших свой пост в пожилом возрасте (60 и 65 лет и старше), когда возможности занимать должности в административной системе сокращаются в силу законодательных ограничений предельного возраста пребывания на государственной службе и / или ухудшения состояния здоровья, в ельцинский период несколько меньше, чем при Путине и Медведеве. Может быть, однако, важен другой, уже отмеченный, фактор. При Ельцине члены правительства сменялись значительно чаще. Таким образом, количество отставных правительственных кадров и, следовательно, их спрос на элитные позиции в федеральной администрации были выше, чем в путинский период, поэтому найти соот-

ветствующие высокие посты всем желающим было, вероятно, труднее. Значение может иметь и то, что кадровая политика при Путине, по утверждению некоторых исследователей, стала более осторожной, продуманной и прагматичной (Kryshchanovskaya and White, 2005, p. 219–220; Petrov, 2017, pp. 118–121), чем при Ельцине, что, как уже говорилось, отчасти обусловлено различием характеров и стилей руководства названных лидеров. Это, по-видимому, проявилось не только в меньшей частоте отставок с правительственных должностей, но и в более бережном, внимательном отношении к отставникам, в более систематических усилиях по их трудоустройству на элитные посты, в том числе и с целью обеспечения последующей лояльности.

Работа бывших членов правительства в региональных администрациях

Как показывает таблица 2, непосредственные переходы министров в региональные администрации редки в оба периода – 1–3 %, но в послеельцинское время они происходили чаще (тогда как в местные администрации прямых перемещений вообще не было в обе эпохи). При этом стало больше прямых перемещений именно на посты глав регионов². При Ельцине, в условиях значительной децентрализации и относительно слабого контроля президента над рекрутированием глав региональных администраций, был всего один такой пример – министр А. Г. Тулеев, в советское время возглавлявший Кемеровский облисполком, стал губернатором Кемеровской области. Он был назначен президентом во многом вынужденно, в ситуации роста социальной напряженности в Кузбассе, и затем избран, причем при поддержке блока «Народно-патриотический союз России», оппозиционного Ельцину.

В послеельцинский период в общей сложности пятеро членов правительства (в том числе трое, то есть более одной пятой отставников, при Медведеве (N=14)) занимали посты губернаторов сразу и / или через год после ухода с должности, причем четверо были первоначально утверждены законодательными собраниями по представлению президента и только один избран населением. Централизация власти неоднозначно влияла на движение кадров из правительства и вообще федеральной администрации на посты губернаторов. С одной стороны, сокращение региональной автономии могло ослаблять заинтересованность правительственных чиновников в переходе на должности глав субъектов Российской Федерации. С другой, усиление федерального контроля над регионами (включая рекрутирование губернаторов) с приходом Путина также и позитивно связано с такими карьерными переходами. Ведь рекрутирование губернаторов, особенно крупнейших, стратегически важных регионов, из числа членов федерального правительства, лично знакомых президенту и пользующихся его доверием, служит одной из форм проявления и способов упрочения контроля главы государства и вообще центра над региональной властью. В основном такие субъекты Российской Федерации, а именно Москву, Санкт-Петербург и Московскую область, и возглавляли сразу или спустя один год после отставки бывшие члены правительства

² Это согласуется с результатами исследований, которые показывают, что доля выходцев из федеральной администрации в губернаторском корпусе в 2000–2010-е годы существенно возросла (Флягин, 2020, с. 34).

при Путине и Медведеве. Укрепление «вертикали власти» способствовало движению кадров и в обратном направлении, из региональных администраций в федеральную. Доля членов правительства с опытом работы в органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации, в том числе непосредственно перед назначением, в послеельцинский период была выше. Вообще говоря, предшествующий опыт работы на региональном уровне и, значит, наличие соответствующих компетенций и, возможно, связей может облегчать переход на пост главы региона после отставки. Кстати, при Путине и Медведеве доля деятелей с таким опытом среди тех, правда немногих, членов правительства, которые после отставки стали губернаторами, была выше, чем во всей исследуемой совокупности.

Работа бывших членов правительства в федеральном парламенте

В таблице 3 показана распространенность членства в представительных органах бывших правительственных деятелей, ушедших в отставку при разных президентах.

Таблица 3 / Table 3

Постправительственная занятость в представительных органах, % /
Post-government employment in representative bodies, per cent

Представительные органы	Работа сразу после ухода из правительства		Работа через год после ухода из правительства	
	Отставки в период президентства Ельцина (N = 145)	Отставки в период президентств Путина и Медведева (N = 131)	Отставки в период президентства Ельцина (N = 144)	Отставки в период президентств Путина и Медведева (N = 130)
Федеральное Собрание Российской Федерации	12*	4	20	6
В том числе:				
Совет Федерации	2	2	3	3
Государственная Дума	10	2	17	3
Региональные	1	0	1	0
Местные	0	0	0	0
Всего в представительных органах	13	4	21	6

Примечание: * – один член правительства некоторое время после отставки заседал в Верховном Совете Российской Федерации.

Источник: составлено автором.

Мы видим снижение значимости федерального парламента как непосредственного канала посткарьеры членов правительства во время правления Путина и Медведева в сравнении с ельцинским периодом. Доля членов прави-

тельства, оказавшихся в Федеральном собрании (далее – ФС) сразу или через один год после отставки, сократилась соответственно в три и почти в три с половиной раза. Но произошло это за счет уменьшения частоты переходов в нижнюю палату – Государственную Думу (далее – ГД), тогда как перемещения в верхнюю палату – Совет Федерации (далее – СФ) остались на прежнем уровне.

Чем могут быть обусловлены эти тенденции? Как представляется, важным фактором стало изменение в политической системе роли парламента, который при Ельцине был более значим и самостоятелен, чем в дальнейшем. Что касается Верховного Совета Российской Федерации (далее – ВС РФ), функционировавшего в первые годы правления Ельцина, то он обладал весьма широкими полномочиями, в том числе и в отношении формирования кабинета, и в последний год своей работы непримиримо противостоял президенту. После его разгона и принятия Конституции 1993 года баланс власти резко сместился в пользу главы государства. Но в 1990-е годы ФС (и верхняя, и нижняя палаты) было относительно независимым от главы государства (особенно ГД второго созыва, контролируемая левой оппозицией) и существенно ограничивало свободу действий президента и исполнительной власти, в том числе оказывая влияние на состав правительства (Huskey, 1999, p. 163–182). Последнее ярко проявилось в отказе от утверждения премьер-министром В. С. Черномырдина в марте 1998 года и назначении на этот пост Е. М. Примакова, пользовавшегося широкой поддержкой в ГД. В дальнейшем, к концу первого срока президентства Путина, в условиях формирования персоналистской автократии (Голосов, 2021, с. 99) ГД оказалась, посредством пропрезидентской партии «Единая Россия», под контролем главы государства; самостоятельность и влияние СФ также резко ослабли после удаления оттуда региональных лидеров и вообще по мере централизации власти. Несмотря на предусмотренную Основным законом смешанную форму правления в Российской Федерации, подотчетность и ответственность правительства перед парламентом ныне, по сути, фиктивны (Fish and Kroenig, 2009, p. 560–562; Noble and Schulmann, 2018, p. 55–75).

Вместе и отчасти в связи с ослаблением при Путине самостоятельной роли федерального парламента уменьшилось его значение в качестве канала рекрутирования правительственной элиты. Среди членов правительства, ушедших в отставку при Ельцине, почти четверть (23 %) имели предшествующий опыт работы народным депутатом Российской Федерации последнего созыва или членом ФС³, а среди тех, кто покинул правительство в послеельцинский период, – только каждый шестой (17 %). Причем прямое рекрутирование министров из федеральной легислатуры сократилось более чем втрое (с 17 до 5 %). Если же учесть и тех членов правительства, которые были народными депутатами СССР последнего созыва, то разрыв еще более увеличится.

Эти тенденции могут быть существенно связаны с изменением места парламентского опыта в посткарьере членов правительства. Ослабление автономии ФС, превращение его в преимущественно декоративный орган, вероятно,

³ Следует, кстати, отметить, что во время функционирования ГД и СФ первого созыва (1993–1995) допускалось совмещение парламентской позиции с правительственным постом, так что ряд министров, например, Э. А. Памфилова, уже занимая свою должность, избирались в легислатуру, а затем продолжали заседать в ней и после отставки.

снизило привлекательность парламента для отставных министров в качестве места последующей карьеры. Несмотря даже на то, что высокое вознаграждение и другие привилегии депутатов и сенаторов, приравненных в отношении социальных гарантий к федеральным министрам, по-прежнему придают парламентским позициям некоторую притягательность в качестве синекур. Уменьшению привлекательности парламентской посткарьеры в постельцинский период способствовал и рост доступности для членов правительства элитных позиций в федеральной администрации, прежде всего в АП, обусловленный вышеуказанными причинами.

В 1990-е годы при относительно слабом контроле президента над политической жизнью, включая процесс формирования парламента, член правительства, отправленный в отставку, мог даже вопреки воле главы государства, избраться в ГД и, оставшись в большой политике, играть в ней самостоятельную роль. В эти годы есть примеры, когда отставные члены правительства участвовали в создании общественно-политических организаций и в качестве их лидеров оказывались в ГД, иногда входя в оппозиционные фракции. Так, экс-министр обороны И. Н. Родионов стал одним из основателей Движения в поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки, а затем (правда, уже спустя более двух лет после отставки) был избран в ГД, войдя во фракцию КПрФ. Бывший премьер-министр Е. М. Примаков в качестве лидера блока «Отечество – Вся Россия» был избран в ГД, войдя в одноименную фракцию. Экс-вице-премьер Б. Е. Немцов возглавил движение «Россия молодая», а в ГД стал одним из лидеров фракции «Союз правых сил»; в ту же фракцию вошел и бывший премьер-министр С. В. Кириенко, до этого ставший главой движения «Новая сила». В постельцинский период таких случаев не было.

Снижение роли парламента как канала рекрутирования министров в постельцинский период также может негативно влиять на вероятность перехода министров туда после отставки. Наличие предшествующего парламентского опыта и соответствующих компетенций (навыков избирательной борьбы и законодательной работы) и связей в парламентской и партийной элитах, вероятно, облегчает переход в легислатуру после отставки. По крайней мере, в оба сравниваемых периода предшествующий вхождению в правительство парламентский опыт чаще встречается среди министров, которые оказывались в парламенте сразу после отставки, чем во всей исследуемой совокупности. Среди примеров правительственных деятелей ельцинского периода, которые вышли непосредственно из ГД и вернулись туда в течение одного года после отставки, можно назвать вице-премьера Ю. Д. Маслюкова и министра Г. М. Ходырева, представлявших в ГД как до назначения, так и после отставки фракцию КПрФ. Учитывая их принадлежность к оппозиции и связанную с этим ограниченность возможностей постправительственного трудоустройства (например, в АП), возвращение в ГД было для них, пожалуй, самым логичным вариантом продолжения карьеры.

Вместе с тем следует оговориться, что существенные изменения роли парламента в политической системе и процесса его формирования и функционирования, произошедшие в путинский период, далеко не обязательно нега-

тивно влияли на его значение как канала посткарьеры членов правительства. Прежде всего, усиление контроля главы государства над ФС расширяло его возможности перемещать туда отставных министров, в том числе на ключевые посты. Более того, рекрутирование членов правительства, пользующихся доверием главы государства, на высшие парламентские должности может рассматриваться как форма проявления и способ упрочения такого контроля. Здесь можно привести примеры некоторых членов правительства, при Путине и Медведеве сразу перешедших на ключевые позиции в легислатуре: министр внутренних дел Б. В. Грызлов стал спикером ГД, а вице-премьер А. Д. Жуков занял пост вице-спикера (но были и косвенные перемещения – в частности, вице-премьеры В. В. Володин и В. И. Матвиенко стали соответственно спикерами ГД и СФ). Кроме того, возможности президента и его администрации трудоустраивать в ФС отставных правительственных деятелей, как и число потенциально доступных им парламентских позиций, расширились благодаря изменению порядка формирования СФ, удалению оттуда губернаторов и спикеров и замене их представителями региональных властей, работающими на постоянной основе и отбираемыми под контролем АП. Неслучайно, как уже отмечалось, распространенность прямых переходов в СФ в постельцинский период, несмотря на ослабление этого органа, осталась примерно на том же уровне. В качестве примеров чиновников, получивших синекеры в СФ, можно назвать министров А. С. Гаврина и А. Н. Дондукова.

Постправительственная занятость в коммерческой сфере

Распространенность переходов в бизнес среди членов правительства, выбывших из него при разных президентах, показана в таблице 4.

Таблица 4 / Table 4

Постправительственная занятость в бизнесе, % /
Post-government employment in business, per cent

Работа в бизнесе сразу после ухода из правительства*		Работа в бизнесе через год после ухода из правительства*	
Отставки в период президентства Ельцина (N = 145)	Отставки в период президентств Путина и Медведева (N = 131)	Отставки в период президентства Ельцина (N = 144)	Отставки в период президентств Путина и Медведева (N = 130)
19	21	26	29

Примечание: * – без учета членства чиновников в советах директоров в качестве представителей государства.

Источник: составлено автором.

Как видим, доля таких переходов (как правило, на ключевые позиции) сходна в оба периода, хотя в целом в послеельцинскую эпоху она несколько возросла (при этом среди немногих отставников периода правления Медведева прямой пантуфляж не встречается). Сопоставимы и некоторые другие характеристики «вращающихся дверей». Доля тех, кто перешел в собственный или семейный бизнес, невелика и примерно одинакова при Ельцине и после него (несколько случаев). В обе эпохи довольно выражена тенденция перехода чиновников в компании, принадлежащие к тем отраслям, которые они курировали, будучи в должности. При этом в оба периода заметную роль в качестве места работы бывших членов правительства играли компании финансового сектора и топливно-энергетического комплекса. К сожалению, строго сравнить долю министров, оказавшихся после отставки на ключевых позициях в крупнейших компаниях и, таким образом, в общенациональной экономической элите, затруднительно в силу недоступности рейтингов таких фирм за весь постсоветский период, сформированных по единой методике. Но можно утверждать, что и при Ельцине, и в последующее время члены правительства, переходившие в бизнес, в основном устраивались в довольно крупные компании, занимавшие ведущие позиции в своих отраслях. При этом в путинский период порядка половины таких персон перешли в структуры, входившие в рейтинг крупнейших компаний России по версии журнала «Эксперт»⁴ (в большинстве случаев они заняли ключевые посты, то есть вошли в состав общенациональной экономической элиты). При указанных сходных тенденциях существенное различие состоит в том, что если при Ельцине члены правительства, ушедшие в бизнес, чаще всего оказывались в частном секторе, то в последующий период – в основном в государственном.

Какие факторы могут влиять на переходы членов правительства в бизнес и на их особенности в рассматриваемые периоды? Во-первых, говоря о карьерных интересах и амбициях членов правительства, следует отметить, что правительственные посты являются одними из высших позиций в государственной системе и достижение потолка, пика карьеры в этой властной иерархии, невозможность или маловероятность дальнейших вертикальных перемещений в ее рамках могут побуждать к переходу из государственного аппарата в коммерческую сферу. Тем более что ключевые позиции в крупном бизнесе обладают привлекательностью, поскольку приносят высокие доходы. В частности, щедрые вознаграждения топ-менеджеров крупных компаний при Путине, существенно превышающие зарплаты членов правительства, широко освещались в СМИ⁵ (по президентству Ельцина данные гораздо более фрагментарны). Впрочем, не стоит преувеличивать мотивацию к пантуфляжу, учитывая, что государственные деятели имеют различные привилегии

⁴ *Эксперт-400* [Электронный ресурс]. URL: <https://expert.ru/expert400/2022/> (дата обращения: 09.01.2023).

⁵ Березанская Е. Кто в России получает самую большую зарплату [Электронный ресурс] // Forbes. 2012. 19 нояб. URL: <https://www.forbes.ru/sobytiya/rating/kompanii/211481-gosudarevyy-slugi-cto-v-rossii-poluchaet-samuyu-bolshuyu-zarplatu> (дата обращения: 18.01.2023); Якорева А., Жолобова М., Мязина Е. Исследование РБК: сколько заработали сотрудники госкомпаний в 2015 году [Электронный ресурс] // РБК. 2016. 17 февр. URL: <https://www.rbc.ru/research/business/17/02/2016/56c38c9d9a794798ed4f8e69> (дата обращения: 18.01.2023).

и в целом более стабильные и гарантированные зарплаты. Причем в послеельцинский период официальные зарплаты ключевых чиновников, в том числе министров, значительно возросли и, по некоторым данным, разрывы между ними и средней зарплатой по стране существенно увеличились (в начале 1990-х они были сравнительно невелики)⁶.

Во-вторых, важна заинтересованность государственных деятелей в продвижении своих коллег на ключевые позиции в бизнесе, прежде всего в компаниях государственного сектора, на рекрутирование руководства которых они оказывают решающее влияние. В ее основе могут лежать различные факторы: соображения укрепления контроля над госкомпаниями, дружеские отношения и желание пристроить «своего человека», стремление обеспечить лояльность отставников. Представляется, что значимость мотивов упрочения контроля над госкомпаниями посредством назначения на ключевые позиции в них доверенных лиц руководителей государства, и прежде всего президента, возросла, когда приватизация и ослабление государственного влияния на экономическую жизнь сменились в послеельцинский период политикой расширения и укрепления государственного сектора и крупные госпредприятия стали играть все более значимую роль в экономике⁷ (Lamberova and Sonin, 2018b, p. 146–151). Это подтверждает и наблюдаемое при Путине распространение практики членства действующих министров и вице-премьеров, как и других ключевых чиновников, в советах директоров ведущих компаний в качестве представителей государства (тогда как при Ельцине туда «входили, как правило, низкостатусные чиновники из министерств и комитета по управлению государственным имуществом» (Kryshtanovskaya and White, 2011, p. 28–29)). Такая практика, как и вообще тесное функциональное взаимодействие власти и бизнеса, в ходе которого чиновники приобретают связи и компетенции в коммерческой сфере, способствует занятости отставных членов правительства в компаниях, облегчая для них доступность соответствующих руководящих позиций. Некоторые члены правительства после отставки просто остаются в советах директоров, но уже на вознаграждаемой основе. Примером служит бывший вице-премьер (а до этого премьер-министр) В. А. Зубков, возглавлявший, будучи в должности, совет директоров «Газпрома» и оставшийся на этом посту после отставки. Стоит отметить, что президент Медведев в 2011 году инициировал вывод чиновников из советов директоров (это объяснялось соображениями улучшения инвестиционного климата и развития конкуренции), однако после завершения его полномочий от этого довольно быстро отказались.

В-третьих, важна заинтересованность бизнеса в привлечении на работу отставных членов правительства, которую усиливают некоторые черты политико-экономической системы России. Вообще политические связи, скла-

⁶ Демидова М. Зарплаты депутатов от правления Медведева до Путина выросли в 2,5 раза [Электронный ресурс] // Я – капиталист. 2020. 15 апр. URL: <https://yakapitalist.ru/turbopages.org/yakapitalist.ru/s/finansy/kak-menyalis-zarplaty-deputatov/> (дата обращения: 05.01.2023).

⁷ Мереминская Е. Госкапитализм в России вышел на новый уровень // Ведомости. 2019. 30 апр. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/04/30/800603-goskapitalizm-v-rossii-vishel-na-novii-uroven> (дата обращения: 27.01.2023).

дывающиеся тогда, когда бывшие государственные деятели оказываются в менеджменте и советах директоров, могут быть выгодны компаниям (Hillman, 2005; Luechinger and Moser, 2014), особенно в странах со слабой правовой системой и высоким уровнем коррупции (Faccio, 2010), к которым наша страна принадлежала в оба рассматриваемых периода. В России еще в 1990-е годы сложился «кумовской капитализм», при котором подобные связи перво-степенны для успешного накопления капитала (особенно ярким его проявлением стали «олигархи», пользовавшиеся большим политическим влиянием во второй срок президентства Ельцина). Этот тип капитализма, судя по ряду исследований, продолжал процветать и в путинский период, несмотря на официальное провозглашение «равноудаленности» крупного бизнеса от власти⁸ (Lamberova and Sonin, 2018a; Grigoriev and Zhirkov, 2020).

Говоря конкретнее о полезных для фирм ресурсах, которыми могут обладать бывшие члены правительства, нужно особо отметить их доступ к бывшим коллегам по госаппарату, а также знание политико-административного механизма. Впрочем, в бизнесе могут быть востребованы и управленческий опыт, и высокая общественная репутация министров. Кроме того, члены правительства, возглавлявшие или курировавшие экономические министерства, вероятно, особенно ценны для фирм (прежде всего в подведомственных отраслях) в силу их компетентности в вопросах экономики и ее регулирования. В целом наличие бывших членов правительства в руководстве компаний может повышать легитимность их деятельности, улучшать информированность о работе административных органов, усиливать лоббистский потенциал, способность отстаивать свои интересы в отношениях с государством. При этом, однако, нет свидетельств того, что отставные министры в послеельцинский период стали чаще напрямую переходить в бизнес именно на позиции, официально ответственные за взаимодействие с государственными органами (GR), хотя в 2000-е годы крупные фирмы институционализировали эту функцию, активно создавая специальные должности и подразделения (Толстых, 2019, с. 229–231).

И все же востребованность правительственных деятелей в бизнесе не стоит переоценивать. Политические связи могут не только приносить выгоду, но и вредить фирмам, подчиняя их деятельность политическим соображениям (Гладышева и Кишилова, 2018, с. 37–38). Логика функционирования политико-административной сферы и бизнеса, а также компетенции, необходимые для успешной работы в них, существенно различаются. Бизнес могут отпугивать такие черты чиновников, как косность мышления, неспособность к самостоятельной работе, ориентация на процесс, а не результат, недостаточная гибкость и мобильность, неумение работать в конкурентной среде⁹. Впро-

⁸ Волкова О. Ученые назвали политические связи главным источником богатства в России [Электронный ресурс] // RBC. 2016. 11 марта. URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/03/2016/56e2alac9a7947f56bedc71a> (дата обращения: 17.12.2022); Planet Plutocrat: The countries where politically connected businessmen are most likely to prosper [Online] // The Economist. 2014. 15 March. URL: <https://www.economist.com/international/2014/03/15/planet-plutocrat> (Accessed Dec. 17, 2022).

⁹ Буравцева М. Есть ли жизнь после госслужбы [Электронный ресурс] // Ведомости. 2013. 21 июня. URL: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2013/06/21/zhizn_posle_gossluzhby (дата обращения: 02.01.2023).

чем, госкомпаниям, особенно монополиям, во многом сходны с административными органами, и в них бывшим членам правительства адаптироваться легче (тем более что, как уже отмечалось, при Путине многие из них, занимаемая должность, входили в советы директоров, приобретая соответствующие связи и компетенции).

В-четвертых, в стране с высоким уровнем коррупции, такой как Россия, возможно незаконное обогащение членов правительства за счет злоупотребления должностными полномочиями и последующий их переход в созданный или расширенный таким способом собственный или семейный бизнес. Вероятно, такие возможности были особенно велики при Ельцине, в период масштабной приватизации и становления капитализма. Показателен в этом отношении случай бывшего председателя Государственного таможенного комитета России А. С. Круглова (1992–1998), который, как выяснилось в ходе разбирательства в Высоком суде Лондона, является долларовым мультимиллиардером. После отставки он работал генеральным директором ряда фирм, которыми владел вместе с дочерьми. В своем решении судья предположил, что он мог использовать служебное положение «в период распада СССР для извлечения прибыли из реорганизации таможенной администрации – как через членов семьи, оперировавших частными таможенными терминалами, так и посредством предоставления консультационных услуг компаниям в условиях стремительно менявшихся правил»¹⁰. Впрочем, как уже отмечалось, в оба периода члены правительства очень редко сразу или в течение года после отставки оказывались в компаниях, где являлись крупными акционерами (участниками). Но в некоторых случаях, например министра сельского хозяйства в 2015–2018 годах А. Н. Ткачева и особенно вице-премьера в 1996–1997 годах В. О. Потанина, правительственная должность, вероятно, способствовала расширению контролируемого ими и уже существовавшего к моменту их назначения бизнеса¹¹.

В-пятых, переходом в коммерческую сферу после отставки может способствовать наличие предшествующего опыта работы в бизнесе, а значит, соответствующих компетенций и связей (включая узы собственности). При этом общий предшествующий опыт в бизнесе значительно шире распространен среди отставников послеельцинского периода, но такая занятость непосредственно перед вхождением в правительство несколько чаще встречается среди ельцинских отставников (11 против 8 %). Однако в обе эпохи доля тех, кто имел предшествующую занятость в коммерции, была выше среди членов правительства, которые сразу после отставки оказались в бизнесе, чем во всей исследуемой совокупности. Важно отметить,

¹⁰ Таможня дает добро: как первый глава российской таможни стал миллионером [Электронный ресурс] // Forbes. 2012. 6 дек. URL: <https://www.forbes.ru/news/230530-eks-glava-rossiiskoi-tamozhni-priznal-sebya-multimillionerom-v-londonskom-sude> (дата обращения: 14.12.2022).

¹¹ Сагдиев Р., Виноградова Е. Как агрохолдинг министра Ткачева выбился в лидеры рынка [Электронный ресурс] // Ведомости. 2016. 8 авг. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/08/08/652058-kak-agroholding-ministra-selskogo-hozyaistva-aleksandra-tkacheva-vibilsya-lideri-rinka> (дата обращения: 16.01.2023); Жизнь и бизнес олигарха Потанина [Электронный ресурс] // Компромат.Ru. URL: https://www.compromat.ru/page_9945.htm (дата обращения: 17.01.2023).

что есть целый ряд примеров, особенно при Ельцине, возвращения чиновников в те компании, в которых они были заняты до вхождения в правительство и которыми нередко продолжали владеть, будучи в должности. Так, вице-премьер В. В. Каданников, бывший до членства в правительстве гендиректором «АвтоВАЗа», после отставки возглавил совет директоров компании. Экс-вице-премьер В. О. Потанин вновь стал президентом принадлежавшего ему «ОНЭКСИМ Банка». Министр сельского хозяйства В. А. Семенов, работавший до назначения гендиректором собственной фирмы «Белая дача», после ухода с должности возглавил ее совет директоров. Еще один министр сельского хозяйства А. Н. Ткачев, ранее возглавлявший семейное ЗАО «Агрокомплекс», после отставки вошел в совет директоров компании. А вице-премьер В. Н. Игнатенко вообще не покидал должности гендиректора госпредприятия «ИТАР-ТАСС».

Наконец, в-шестых, фактором, потенциально сдерживающим непосредственные переходы членов правительства в бизнес, являются ограничения подобной занятости, налагаемые антикоррупционным законодательством, стремящимся предотвратить конфликт интересов. Такое регулирование появилось в основном уже в послеельцинский период (при Ельцине закон о противодействии коррупции принять так и не удалось) в отношении не только государственных служащих, но и лиц, занимающих государственные должности, включая членов правительства. Согласно указу президента 2011 года, до истечения двух лет со дня освобождения от должности такие лица вправе занимать должности в коммерческой организации, отдельные функции по государственному управлению которой входили в их должностные обязанности, только после получения согласия Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции¹². Однако трудно сказать, насколько действенна эта ограничительная мера. Во всяком случае, более или менее прямых переходов членов правительства в бизнес, включая компании, относящиеся к тем отраслям, которые они курировали, будучи в должности, в послеельцинский период в целом меньше не стало.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнительный анализ постправительственной карьеры в ельцинский и послеельцинский периоды позволил сделать ряд выводов о ее основных тенденциях, связанных, в частности, с изменениями в политическом и экономическом устройстве России, повлиявшими на привлекательность и доступность позиций в различных властных институтах.

Во-первых, существенно возросла роль федеральных административных органов как канала непосредственной карьеры членов правительства после отставки. Причем в первую очередь обращает на себя внимание учащение в послеельцинский период прямых переходов правительственных деятелей

¹² О некоторых вопросах организации деятельности президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 25.02.2011 № 233. URL: <https://base.garant.ru/12183234/> (дата обращения: 07.01.2023).

в АП, которым сильно способствовала рокировка президента и премьер-министра в мае 2012 года, вызвавшая соответствующий переток властных кадров. Усиление роли АП в системе власти повысило привлекательность ключевых позиций в ней. Оно проявилось, в частности, в том, что президентская бюрократия стала более важным источником рекрутирования членов правительства, а наличие предшествующего опыта работы в АП и соответствующих связей и компетенций облегчило переход туда после отставки. Кроме того, более высокая стабильность правительственных кадров при Путине и Медведеве, значительное уменьшение частоты выбытий из правительства сократили спрос на ключевые позиции в АП и вообще федеральной администрации, облегчив трудоустройство экс-министров. В целом представляется, что обмен кадрами между правительством и АП, способствующий их взаимопониманию и взаимодействию (и в этом смысле сплочению), а также усиливающий контроль президента над исполнительной властью, во многом следствие сознательной стратегии главы государства.

Во-вторых, переходы членов правительства в федеральный парламент (именно в ГД, но не в СФ), напротив, стали при Путине и Медведеве более редкими, чем при Ельцине. Это неудивительно, учитывая ослабление роли законодательных позиций в политической жизни, снизившее привлекательность законодательных позиций для отставных правительственных деятелей. Уменьшение значимости парламента проявилось, в частности, в сокращении доли министров с предшествующим законодательным опытом, который, в принципе, способствует возвращению в законодательство после отставки. Впрочем, с другой стороны, усиление контроля президента над ФС в постельцинский период в определенной мере способствовало движению туда отставных членов правительства, расширив возможности главы государства продвигать их на парламентские посты, а изменение порядка формирования СФ в 2000 году увеличило количество законодательных позиций, потенциально доступных для членов правительства.

В-третьих, что касается региональных администраций, то переходы в них с правительственных позиций редки в оба рассматриваемых периода. Но в постельцинское время случаев, когда члены правительства становились губернаторами, причем чаще всего крупнейших, наиболее значимых субъектов Российской Федерации, заметно больше. Централизация власти, усиление контроля центра над регионами, включая рекрутирование их глав, облегчили движение кадров в обоих направлениях, проявившись в росте доли выходцев из федеральной администрации в губернаторском корпусе.

В-четвертых, доля переходов из правительства в бизнес (как правило, на ключевые позиции) в целом сходна в оба периода, хотя в постельцинское время она немного возросла. Похожи и некоторые другие характеристики пантуфляжа: доминирование крупного бизнеса как канала посткарьер в коммерческой сфере и выраженность миграции членов правительства в те отрасли, которые они курировали, будучи в должности (она не сократилась, несмотря на введение законодательных ограничений). Однако если при Ельцине члены правительства, ушедшие в бизнес, в большинстве случаев оказывались в частном секторе, то в последующее время – в основном в госу-

дарственным. В оба рассматриваемых периода ряд факторов способствовали пантуфляжу, включая высокие доходы в коммерческой сфере и заинтересованность фирм в привлечении на работу правительственных деятелей, усиленную кумовским характером российского капитализма. При этом, как представляется, при Путине, когда широкомасштабная приватизация постепенно сменилась политикой укрепления и расширения государственного сектора, возросла значимость соображений упрочения контроля над крупными госкомпаниями как фактора продвижения отставных членов правительства на ключевые позиции в них. Кроме того, получила более широкое распространение практика членства действующих министров в советах директоров компаний, способствующая их занятости в бизнесе и после отставки.

Наконец, анализ постправительственной карьеры в целом показывает, что в послеельцинский период возросла доля правительственных деятелей, занимавших сразу после отставки позиции, позволяющие отнести их к одной из трех основных властных групп – административной, законодательной или экономической (тогда как при Ельцине переходы, включая возвращения, в другие сферы, прежде всего в научно-образовательную, происходили чаще). Можно говорить и о повышении устойчивости членства бывших правительственных деятелей в элите федеральной государственной власти (доля сохранивших принадлежность к ней сразу после отставки возросла с 34 % до 47 %), и особенно в федеральной административной элите. Эти тенденции отчасти объясняются уменьшением частоты отставок с правительственных должностей и, соответственно, спроса на элитные позиции в других сферах и более продуманной, «бережной» кадровой политикой при Путине и Медведеве.

Список источников

Гладышева А. А., Кишилова Ю. О. Влияние политических связей и государственной собственности на деятельность фирм в России // Корпоративные финансы. 2018. Т. 12, № 1. С. 20–43. <https://doi.org/10.17323/j.jcfr.2073-0438.12.1.2018.20-43>.

Голосов Г. От постдемократии к диктатуре: консолидация электорального авторитаризма в России // Новая реальность: Кремль и Голем. Что говорят итоги выборов о социально-политической ситуации в России / Под ред. К. Рогова. М.: Либеральная миссия, 2021. С. 98–112.

Ельцин Б. Н. Президентский марафон. Размышления, воспоминания, впечатления. М.: РОССПЭН, 2008. 383 с.

Зуйков А. В. Администрация Президента России в 1996–2000 годах: расцвет на закате // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 140–159.

Стрелец И. Э. Ельцин и Путин: Президентское лидерство в контексте российской политической трансформации // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 2. С. 180–210. <https://doi.org/10.31249/ape/2019.02.09>.

Тев Д. Б. Члены правительства РФ: особенности постправительственной карьеры // Мир России. Социология. Этнология. 2019. Т. 28, № 4. С. 6–29. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-4-6-29>.

- Толстых П. А. GR. Полное руководство по разработке государственно-управленческих решений, теории и практике лоббирования. М.: Перо, 2019. 1245 с.
- Флягин А. М. Как изменился портрет российского губернатора: анализ биографий глав регионов. 1991–2019 гг. // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14, № 1. С. 29–39. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-29-39>.
- Ananyev M. Inside the Kremlin: The presidency and executive branch // The new autocracy: Information, politics, and policy in Putin's Russia / Ed. by D. Treisman. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2018. P. 35–54.
- Blondel J. The post-ministerial careers // The profession of government minister in Western Europe / Ed. by J. Blondel, J.-L. Thiébault. New York: St. Martin's Press, 1991. P. 153–173. https://doi.org/10.1007/978-1-349-11395-8_10.
- Borchert J. Individual ambition and institutional opportunity: A conceptual approach to political careers in multi-level systems // Regional and Federal Studies. 2011. Vol. 21, № 2. P. 117–140. <https://doi.org/10.1080/13597566.2011.529757>.
- Burkhardt F. Institutionalising authoritarian presidencies: Polymorphous power and Russia's Presidential Administration // Europe-Asia Studies. 2021. Vol. 73, № 3. P. 472–504. <https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1749566>.
- Cerrillo-i-Martínez A. Beyond revolving doors: The prevention of conflicts of interests through regulation // Public Integrity. 2017. Vol. 19, № 4. P. 357–373. <https://doi.org/10.1080/10999922.2016.1225479>.
- Claveria S., Verge T. Post-ministerial occupation in advanced industrial democracies: Ambition, individual resources and institutional opportunity structures // European Journal of Political Research. 2015. Vol. 54, № 4. P. 819–835. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12107>.
- Dörrenbächer N. Patterns of post-cabinet careers: When one door closes another door opens? // Acta Politica. 2016. Vol. 51, № 4. P. 472–491. <https://doi.org/10.1057/ap.2016.10>.
- Faccio M. Differences between politically connected and nonconnected firms: A cross-country analysis // Financial Management. 2010. Vol. 39, № 3. P. 905–928. <https://doi.org/10.1111/j.1755-053X.2010.01099.x>.
- Fish M. S., Kroenig M. The handbook of national legislatures: A global survey. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 800 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511575655>.
- Gill T. M. The persistence of the power elite: Presidential cabinets and corporate interlocks, 1968–2018 // Social Currents. 2018. Vol. 5, № 6. P. 501–511. <https://doi.org/10.1177/2329496518797857>.
- Grigoriev I., Zhirkov K. Do political connections make businesspeople richer? Evidence from Russia, 2003–2010 // Research and Politics. 2020. Vol. 7, № 4. 6 p. <https://doi.org/10.1177/2053168020979434>.
- Hillman A. J. Politicians on the board of directors: Do connections affect the bottom line? // Journal of Management. 2005. Vol. 31, № 3. P. 464–481. <https://doi.org/10.1177/0149206304272187>.
- Hoffmann-Lange U. Theory-based typologies of political elites // The Palgrave handbook of political elites / Ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 53–68. https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_6.

Huskey E. Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case // *Communist and Post-Communist Studies*. 2010. Vol. 43, № 4. P. 363–372. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.10.004>.

Huskey E. Presidential power in Russia. Armonk; London: M. E. Sharpe, 1999. 295 p.

Kryshchanovskaya O., White S. Losing power in Russia // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2005. Vol. 21, № 2. P. 200–222. <https://doi.org/10.1080/13523270500108725>.

Kryshchanovskaya O., White S. The formation of Russia's network directorate // *Russia as a network state: What works in Russia when state institutions do not?* / Ed. by V. Kononenko, A. Moshes. New York: Palgrave Macmillan, 2011. P. 19–38.

Lamberova N., Sonin K. Economic transition and the rise of alternative institutions: Political connections in Putin's Russia // *Economics of Transition*. 2018a. Vol. 26, № 4. P. 615–648. <https://doi.org/10.1111/ecot.12167>.

Lamberova N., Sonin K. The role of business in shaping economic policy // *The new autocracy: Information, politics, and policy in Putin's Russia* / Ed. by D. Treisman. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2018b. P. 138–158.

Luechinger S., Moser C. The value of the revolving door: Political appointees and the stock market // *Journal of Public Economics*. 2014. Vol. 119. P. 93–107. <http://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2014.08.001>.

Nicholls K. The dynamics of national executive service: Ambition theory and the careers of presidential cabinet members // *The Western Political Quarterly*. 1991. Vol. 44, № 1. P. 149–172. <https://doi.org/10.1177/106591299104400109>.

Noble B., Schulmann E. Not just a rubber stamp: Parliament and law-making // *The new autocracy: Information, politics, and policy in Putin's Russia* / Ed. by D. Treisman. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2018. P. 55–87.

Petrov N. The elite: New wine into old bottles? // *Russian Politics and Law*. 2017. Vol. 55, № 2. P. 115–132. <https://doi.org/10.1080/10611940.2017.1393260>.

Rasmussen A., Buhmann-Holmes N., Egerod B. C. K. The executive revolving door: New dataset on the career moves of former Danish ministers and permanent secretaries // *Scandinavian Political Studies*. 2021. Vol. 44, № 4. P. 487–502. <https://doi.org/10.1111/1467-9477.12214>.

Информация об авторе

Д. Б. Тев – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института Российской академии наук – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, 190005, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. 7-ая Красноармейская, 25/14

SPIN-код (РИНЦ): 6278-5841

AuthorID (РИНЦ): 180843

Web of Science ResearcherID: N-5461-2017

Scopus Author ID: 33068267600

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 29.03.2023; принята к публикации 29.03.2023.

References

- Gladysheva, A. A. and Kishilova, Yu. O. (2018), "The influence of political connections and government ownership on firm performance: Evidence from Russia", *Journal of Corporate Finance Research*, vol. 12, no. 1, pp. 20–43, <https://doi.org/10.17323/j.jcfr.2073-0438.12.1.2018.20-43>.
- Golosov, G. (2021), "From post-democracy to dictatorship: Consolidation of electoral authoritarianism in Russia", in Rogov, K. (ed.), *Novaya real'nost': Kreml' i Golem. Chto govoryat itogi vyborov o sotsial'no-politicheskoi situatsii v Rossii* [New reality: The Kremlin and the Golem. What do the election results say about the socio-political situation in Russia?], Liberal'naya missiya, Moscow, Russia, pp. 98–112.
- Yeltsin, B. N. (2008), *Prezidentskii marafon. Razmyshleniya, vospominaniya, vpechatleniya* [Presidential marathon. Reflections, memories, impressions], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Zuikov, A. V. (2012), "The golden age at the demise: The presidential administration of Russia in 1996–2000", *Comparative Constitutional Review*, no. 4, pp. 140–159.
- Strelets, I. E. (2019), "Yeltsin and Putin: Leadership in the context of Russia's political transformation", *Current Problems of Europe*, no. 2, pp. 180–210, <https://doi.org/10.31249/ape/2019.02.09>.
- Tev, D. B. (2019), "Members of the Russian government: Features of post-government careers", *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, vol. 28, no. 4, pp. 6–29, <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-4-6-29>.
- Tolstyh, P. A. (2019), *GR. Polnoe rukovodstvo po razrabotke gosudarstvenno-upravlencheskikh reshenii, teorii i praktike lobbirovaniya* [GR. A complete guide to the development of public management decisions, the theory and practice of lobbying], Pero, Moscow, Russia.
- Flyagin, A. M. (2020), "How the portrait of the Russian governors has changed: Analyzing biographies of the heads of Russian regions. 1991–2019", *Bulletin of Perm University. Political Science*, vol. 14, no. 1, pp. 29–39, <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-29-39>.
- Ananyev, M. (2018), "Inside the Kremlin: The presidency and executive branch", in Treisman, D. (ed.), *The new autocracy: Information, politics, and policy in Putin's Russia*, Brookings Institution Press, Washington, D.C., US, pp. 35–54.
- Blondel, J. (1991), "The post-ministerial careers", in Blondel, J. and Thiebault, J.-L. (eds.), *The profession of government minister in Western Europe*, St. Martin's Press, New York, NY, US, pp. 153–173, https://doi.org/10.1007/978-1-349-11395-8_10.
- Borchert, J. (2011), "Individual ambition and institutional opportunity: A conceptual approach to political careers in multi-level systems", *Regional and Federal Studies*, vol. 21, no. 2, pp. 117–140, <https://doi.org/10.1080/13597566.2011.529757>.
- Burkhardt, F. (2020), "Institutionalising authoritarian presidencies: Polymorphous power and Russia's presidential administration", *Europe-Asia Studies*, vol. 73, no. 3, pp. 472–504, <https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1749566>.
- Cerrillo-i-Martínez, A. (2017), "Beyond revolving doors: The prevention of conflicts of interests through regulation", *Public Integrity*, vol. 19, no. 4, pp. 357–373, <https://doi.org/10.1080/10999922.2016.1225479>.

Claveria, S. and Verge, T. (2015), "Post-ministerial occupation in advanced industrial democracies: Ambition, individual resources and institutional opportunity structures", *European Journal of Political Research*, vol. 54, no. 4, pp. 819–835, <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12107>.

Dörrenbächer, N. (2016), "Patterns of post-cabinet careers: When one door closes another door opens?", *Acta Politica*, vol. 51, no. 4, pp. 472–491, <https://doi.org/10.1057/ap.2016.10>.

Faccio, M. (2010), "Differences between politically connected and nonconnected firms: A cross-country analysis", *Financial Management*, vol. 39, no. 3, pp. 905–928, <https://doi.org/10.1111/j.1755-053X.2010.01099.x>.

Fish, M. S. and Kroenig, M. (2009), *The handbook of national legislatures: A global survey*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, <https://doi.org/10.1017/CBO9780511575655>.

Gill, T. M. (2018), "The persistence of the power elite: Presidential cabinets and corporate interlocks, 1968–2018", *Social Currents*, vol. 5, no. 6, pp. 501–511, <https://doi.org/10.1177/2329496518797857>.

Grigoriev, I. and Zhirkov, K. (2020), "Do political connections make businesspeople richer? Evidence from Russia, 2003–2010", *Research and Politics*, vol. 7, no. 4, 6 p., <https://doi.org/10.1177/2053168020979434>.

Hillman, A. J. (2005), "Politicians on the board of directors: Do connections affect the bottom line", *Journal of Management*, vol. 31, no. 3, pp. 464–481, <https://doi.org/10.1177/0149206304272187>.

Hoffmann-Lange, U. (2018), "Theory-based typologies of political elites", in Best, H. and Higley, J. (eds.), *The Palgrave handbook of political elites*, Palgrave Macmillan, London, UK, pp. 53–68, https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_6.

Huskey, E. (2010), "Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case", *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 43, no. 4, pp. 363–372, <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.10.004>.

Huskey, E. (1999), *Presidential power in Russia*, M. E. Sharpe, Armonk, New York, NY, US, London, UK.

Kryshtanovskaya, O. and White, S. (2005), "Losing power in Russia", *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 21, no. 2, pp. 200–222, <https://doi.org/10.1080/13523270500108725>.

Kryshtanovskaya, O. and White, S. (2011), "The formation of Russia's network directorate", in Kononenko, V. and Moshes, A. (eds.), *Russia as a network state: What works in Russia when state institutions do not?*, Palgrave Macmillan, New York, NY, US, pp. 19–38.

Lamberova, N. and Sonin, K. (2018a), "Economic transition and the rise of alternative institutions: Political connections in Putin's Russia", *Economics of Transition*, vol. 26, no. 1, pp. 615–648, <https://doi.org/10.1111/ecot.12167>.

Lamberova, N. and Sonin, K. (2018b), "The role of business in shaping economic policy", in Treisman, D. (ed.), *The new autocracy: Information, politics, and policy in Putin's Russia*, Brookings Institution Press, Washington, D.C., US, pp. 138–158.

Luechinger, S. and Moser, C. (2014), "The value of the revolving door: Political appointees and the stock market", *Journal of Public Economics*, vol. 119, pp. 93–107, <http://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2014.08.001>.

Nicholls, K. (1991), "The dynamics of national executive service: Ambition theory and the careers of presidential cabinet members", *The Western Political Quarterly*, vol. 44, no. 1, pp. 149–172, <https://doi.org/10.1177/106591299104400109>.

Noble, B. and Schulmann, E. (2018), "Not just a rubber stamp: Parliament and lawmaking", in Treisman, D. (ed.), *The new autocracy: Information, politics, and policy in Putin's Russia*, Brookings Institution Press, Washington, D.C., US, pp. 55–87.

Petrov, N. (2017), "The elite: New wine into old bottles?", *Russian Politics and Law*, vol. 55, no. 2, pp. 115–132, <https://doi.org/10.1080/10611940.2017.1393260>.

Rasmussen, A., Buhmann-Holmes, N. and Egerod, B. C. K. (2021), "The executive revolving door: New dataset on the career moves of former Danish ministers and permanent secretaries", *Scandinavian Political Studies*, vol. 44, no. 4, pp. 487–502, <https://doi.org/10.1111/1467-9477.12214>.

Information about the author

D. B. Tev – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department on Sociology of Power and Civilian Society, Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 25/14 7-ya Krasnoarmeyskaya Str., St. Petersburg, 190005, Russia

SPIN-code (RSCI): 6278-5841

Author ID (RSCI): 180843

Web of Science ResearcherID: N-5461-2017

Scopus Author ID: 33068267600

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 29.03.2023; accepted for publication 29.03.2023.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 2. С. 202–223.

Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 2, pp. 202–223.

Научная статья

УДК 324

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-202-223>

ФАКТОРЫ СВОЕОБРАЗИЯ ПАРТИЙНО-ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА В РЕГИОНАХ РОССИИ

Петр Вячеславович Панов¹

¹Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, Институт гуманитарных исследований Уральского отделения РАН, Пермь, Россия, panov.petr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0759-7618>

Аннотация. Введение: в 2000-е годы в России возобладали тенденции политической централизации и унификации политического пространства. В этих условиях своеобразие партийно-электорального ландшафта в российских регионах проявляется в различиях голосования за основные партии на федеральных и региональных выборах. **Цель:** выявить, насколько стабильно воспроизводится своеобразие партийно-электорального ландшафта в субъектах Российской Федерации, а также определить, какие факторы влияют на степень своеобразия. **Методы:** количественный анализ итогов голосования за основные политические партии на федеральных и региональных выборах в период с 2007 по 2021 год; вычисление индекса своеобразия (index of dissimilarity) и корреляционный анализ его значений между различными электоральными циклами; регрессионный анализ факторов (социокультурная, историческая, географическая и социально-экономическая специфика региона), влияющих на значения индекса своеобразия, то есть на специфику партийно-электорального ландшафта регионов. **Результаты:** в целом по регионам обнаруживается средняя степень корреляции в значениях индекса своеобразия между электоральными циклами. Регрессионные модели объясняют примерно половину вариаций в значениях индекса своеобразия. **Выводы:** в большинстве регионов степень своеобразия партийно-электорального ландшафта воспроизводится относительно стабильно в течение всего рассматриваемого периода. Анализ факторов, влияющих на вариативность степени своеобразия партийно-электорального ландшафта в субъектах Российской Федерации, позволяет сделать вывод о ключевом воздействии социокультурной специфики региона. Кроме того, существенное значение имеет историческая и географическая специфика.

Ключевые слова: партии, выборы, региональные парламенты, Государственная Дума, индекс своеобразия, сравнительный анализ

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, тема научно-исследовательской работы «Политические институты и процессы в современном территориальном и социокультурном контексте», регистрационный номер в ЕГИСУ НИОКР АААА-А19-119032590065-5.

Для цитирования: Панов П. В. Факторы своеобразия партийно-электорального ландшафта в регионах России // Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 2. С. 202–223. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-202-223>.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Original article

THE PARTY-ELECTORAL LANDSCAPE DISSIMILARITY FACTORS IN THE REGIONS OF RUSSIA

Petr V. Panov¹

¹ Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Humanitarian Studies of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia, panov.petr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0759-7618>

Abstract. Introduction: in the 2000s, political centralization and political space unification trends prevailed in Russia. Under these conditions, dissimilarity of the party-electoral landscape in the Russian regions is manifested in different voting for the main parties in federal and regional elections. **Objectives:** to identify how stable the dissimilarity of the party-electoral landscape is reproduced in the constituent entities of the Russian Federation, as well as to determine what factors affect the degree of the party-electoral landscape dissimilarity. **Methods:** quantitative analysis of votes for the main political parties in federal and regional elections in 2007–2021; calculation of dissimilarity index; correlation analysis of dissimilarity index values between different electoral cycles; regression analysis of factors (socio-cultural, historical, geographical and socio-economic specifics of the region) influencing the dissimilarity index values, i.e., the specifics of the party-electoral landscape of the regions. **Results:** in general, the regions reveal an average degree of correlation in the index of dissimilarity values between electoral cycles. Regression models account for about half of the variations in the values of dissimilarity index. **Conclusions:** in most regions, the degree of dissimilarity of the party-electoral landscape is reproduced relatively stable throughout the entire period under review. The analysis of the factors influencing the variability of the degree of the party-electoral landscape dissimilarity in the constituent entities of the Russian Federation allows to conclude that the socio-cultural specificity of the region has a key impact. In addition, historical and geographical specifics are of significant importance.

Keywords: parties, elections, regional legislatures, the State Duma, index of dissimilarity, comparative analysis

Acknowledgements: the research was supported by the government fund to the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, research topic “Political institutions and processes in the modern territorial and socio-cultural context”, registration number in the Unified State Information System for Accounting for Research, Development and Technological Works for Civil Purposes AAAA-A19-119032590065-5.

For citation: Panov, P. V. (2023), “The party-electoral landscape dissimilarity factors in the regions of Russia”, *Ars Administrandi*, vol. 15, no. 2, pp. 202–223, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-202-223>.

ВВЕДЕНИЕ

В 2000-е годы в России возобладали тенденции централизации и унификации политического пространства. Создание партии власти «Единая Россия», усилия по укоренению ее в регионах страны, фактический запрет региональных партий привели к тому, что не только на общероссийском уровне, но и в субъектах Российской Федерации сложилась партийная система с доминирующей партией. Если в 1990-е годы в региональном политическом ландшафте господствовали «местные», зачастую «прогубернаторские», пар-

тии (Голосов, 2000; Коргунюк, 2007), то теперь в региональных легислатурах, как правило, представлены «Единая Россия» (ЕР), за отдельными исключениями имеющая большинство депутатских мандатов, а также три основные партии «системной оппозиции» – Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) и «Справедливая Россия» (СР). Политико-управленческая централизация («вертикаль власти») сопровождалась гомогенизацией политико-институциональной структуры в регионах. Рамочное федеральное законодательство, регулирующее организацию публичной власти на субнациональном уровне, становилось все более унифицирующим. В результате специфические черты, свойственные некоторым регионам в 1990-е годы, такие как парламентская система (Удмуртская Республика), двухпалатный парламент (Свердловская область), наличие позиции президента в системе органов власти (Республика Татарстан) и т. д. (Гельман, 1998; Кононенко, 2003; Туровский, 2011), в настоящее время исчезли.

Тем не менее с точки зрения соотношения результатов партий на выборах регионы России заметно различаются. Так, в последнем цикле выборов региональных парламентов (2017–2021) доля мест, полученных ЕР, колеблется от 34 % (Хакасия) до 94 % (Тыва)¹, даже если не учитывать специфику этих выборов в Москве, где ЕР использовала технологию непартийного самовыдвижения, и в Хабаровском крае, где после победы на губернаторских выборах С. Фургала региональной партией власти временно стала ЛДПР. В итоге, несмотря на то, что только в пяти региональных легислатурах ЕР лишилась большинства, различия в композиции региональных парламентов довольно существенны. Подобная картина наблюдается и на федеральных выборах: в 2021 году доля голосов, полученных ЕР, в кросс-региональном измерении варьируется от 24,5 % (Хабаровский край) до 96 % (Чеченская Республика). Значительные различия демонстрируют и другие партии: КПРФ – от 0,75 до 36 %; ЛДПР – от 0,11 до 16 %; СР – от 0,9 до 19 %².

Таким образом, своеобразие партийно-электорального ландшафта в российских регионах сохраняется даже в условиях унификации. Хотя наличие партийно-электоральной специфики субъектов Российской Федерации – хорошо известный феномен, однако не до конца исследовано, насколько стабильно воспроизводится это своеобразие. Кроме того, очевидно, что интенсивность специфики существенно различается, и возникает вопрос, какие факторы влияют на степень своеобразия партийно-электорального ландшафта в регионах страны.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Измерение своеобразия партийно-электорального ландшафта

Для количественного измерения специфики единичного явления по сравнению с классом явлений, к которому оно принадлежит, в социальных науках

¹ *Выборы*, референдумы и иные формы прямого волеизъявления [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Центр. избират. комис. Рос. Федерации. URL: <http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom> (дата обращения: 14.02.2023).

² Там же.

широко используется индекс своеобразия (index of dissimilarity). В общем виде он определяется так: из количественного значения интересующего нас признака единичного явления вычитается значение данного признака у всего класса. Разумеется, этот алгоритм трансформируется в зависимости от того, какое именно «своеобразие» необходимо измерить. Если речь идет о своеобразии партийно-электорального ландшафта некоего региона, именно он станет единичным явлением, классом – «регионы страны», а партийно-электоральный ландшафт будет измеряться через доли голосов, которые получила каждая партия на выборах. Следовательно, для количественного измерения своеобразия партийно-электорального ландшафта региона из доли голосов, полученных каждой партией в регионе, необходимо вычесть долю голосов, полученную во всех регионах (то есть по стране в целом), и суммировать полученные значения, взяв их по модулю. Во избежание «двойного счета» результат делится на два:

$$DIS = \frac{1}{2} \sum_{p=1}^n |V_p - \bar{V}_p|$$

где V_p – доля голосов, полученная партией в регионе;

$\bar{V}_p$ – средняя доля голосов, полученная партией во всех регионах.

Индекс своеобразия как инструмент количественного измерения партийно-электоральной специфики регионов широко используется в сравнительных исследованиях (Hearl et al., 1996; Cartrite and Miodownik, 2016; Schakel, 2013a; Schakel, 2013b)³. Арьян Шекель, уточняя этот инструментарий, выделил четыре варианта исчисления индекса своеобразия регионов, или, используя его терминологию, «неконгруэнтности регионов и страны», в зависимости от того, какие именно количественные признаки партийно-электорального ландшафта соотносятся между собой. В представленном выше варианте речь идет о соотношении результатов партий в регионе и в стране на национальных выборах (по Шекелю, о «неконгруэнтности электората на национальных выборах»). Второй вариант – соотнести результаты партий на региональных выборах в регионе и в стране в целом («неконгруэнтность электората на региональных выборах»); третий – сопоставить результаты партий на региональных выборах в регионе и национальных выборах в стране («неконгруэнтность партийных систем»); четвертый – соотнести результаты партий на региональных и национальных выборах в регионе («электоральная неконгруэнтность») (Schakel and Verdoes, 2023).

В данной работе использованы первые два варианта. Соответственно, значения индекса своеобразия регионов рассчитаны, во-первых, для каждого региона применительно к итогам голосования (доли голосов в процентах) по пропорциональной системе за партийные списки четырех основных

³ Речь идет об измерении специфики именно отдельных регионов, а не гетерогенности партийно-электорального ландшафта страны в целом, для которой применяются иные инструменты, а именно разнообразные индексы национализации партий и партийных систем (Caramani, 2004; Jones and Mainwaring, 2003; Туровский, 2016).

политических партий – ЕР, КПРФ, СР и ЛДПР – на выборах депутатов Государственной Думы в 2007, 2011, 2016 и 2021 годах⁴. Более ранние выборы не взяты по той причине, что существующая до настоящего времени партийная система сложилась именно к 2007 году. Во-вторых, индекс своеобразия был рассчитан для итогов голосования (доли голосов в процентах) по пропорциональной системе за партийные списки этих же партий на выборах депутатов региональных парламентов. Поскольку региональные выборы проходят не одновременно, они были разбиты на три цикла, «привязанные» к выборам депутатов Государственной Думы: 2007–2011, 2012–2016 и 2017–2021 годы. Итоги голосования за каждую партию в каждом регионе сопоставлялись со средними по всем регионам значениями голосования за эту партию в соответствующем электоральном цикле. Поскольку речь идет о голосовании по партийным спискам, из исследования исключена Москва, где начиная с 2014 года голосование по партийным спискам на региональных выборах не практикуется. Крым и Севастополь исключены из-за невозможности применить к ним результаты выборов до 2014 года. Таким образом, эмпирическая база исследования – результаты четырех циклов федеральных и трех циклов региональных выборов в 82 субъектах Российской Федерации⁵.

Третий вариант исчисления индекса – сопоставление результатов региональных и национальных выборов – применить к России проблематично, поскольку в 39, то есть почти в половине, субъектов Российской Федерации выборы в региональные парламенты проходят одновременно с выборами депутатов Государственной Думы. В итоге в этих регионах результаты партий на региональных и национальных выборах намного сильнее связаны, чем в остальных. Так, корреляция между голосованием за ЕР на выборах Государственной Думы 2021 года и на региональных выборах 2017–2021 годов в 39 указанных регионах составляет 0,99, а в остальных – 0,81; за ЛДПР – соответственно 0,95 и 0,73; за СР – 0,85 и 0,55; и только у КПРФ корреляции оказались близкими – 0,92 и 0,93. Следовательно, выводы о различиях в степени своеобразия разных регионов на основании сопоставления результатов региональных и национальных выборов будут некорректны.

Последний вариант исчисления индекса своеобразия имеет специфическую цель. Как представляется, он не столько показывает специфику региона, сколько позволяет определить, в какой мере избиратели региона меняют свои предпочтения на национальных выборах по сравнению с выборами региональных органов власти. Поэтому в данной работе четвертый вариант расчета не используется.

Таким образом, поскольку анализируются четыре электоральных цикла федеральных выборов и три – региональных, всего получается семь показателей индекса своеобразия, которые в настоящем исследовании являются зависимыми переменными: *DissimDuma-2007*, *DissimDuma-2011*, *DissimDuma-2016*, *DissimDuma-2021*, *DissimReg-1* (для цикла 2007–2011 годов), *DissimReg-2*

⁴ В 2021 году учитывалась еще и партия «Новые люди», которая также преодолела 5%-ный избирательный порог.

⁵ Источник всех данных – официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. См.: *Выборы, референдумы и иные формы прямого волеизъявления...*

(для цикла 2012–2016 годов), *DissimReg-3* (для цикла 2017–2021 годов). Кроме того, для каждого региона были рассчитаны средние значения: *DissimDuma*, *DissimReg* и *DissimAver*. Описательная статистика по всем зависимым переменным приведена в таблице 1. Значения *DissimDuma* и *DissimReg* для каждого региона представлены в приложении, а на рисунке показаны ящичные диаграммы распределения значений индекса своеобразия (нумерация регионов на диаграммах соответствует нумерации в Приложении).

Таблица 1 / Table 1

Описательная статистика значений индекса своеобразия (N = 82) /
Descriptive statistics of the index of dissimilarity values (N = 82)

Параметры	DissimAver	DissimDuma 2007	DissimDuma 2011	DissimDuma 2016	DissimDuma 2021	DissimDuma	DissimReg-1	DissimReg-2	DissimReg-3	DissimReg
Среднее	11,98	7,98	13,68	11,62	13,53	11,70	12,75	11,79	12,47	12,34
Медиана	10,31	6,07	11,85	10,59	13,36	10,15	11,84	10,61	11,67	11,33
Ст. откл.	5,77	6,43	9,07	6,82	7,32	6,65	7,10	6,28	6,98	5,36
Минимум	4,93	1,43	2,05	1,70	1,02	2,94	2,44	0,52	3,27	5,19
Максимум	36,32	31,13	46,99	36,82	41,77	39,18	35,86	28,92	42,67	32,50

Источник: собственные расчеты автора.

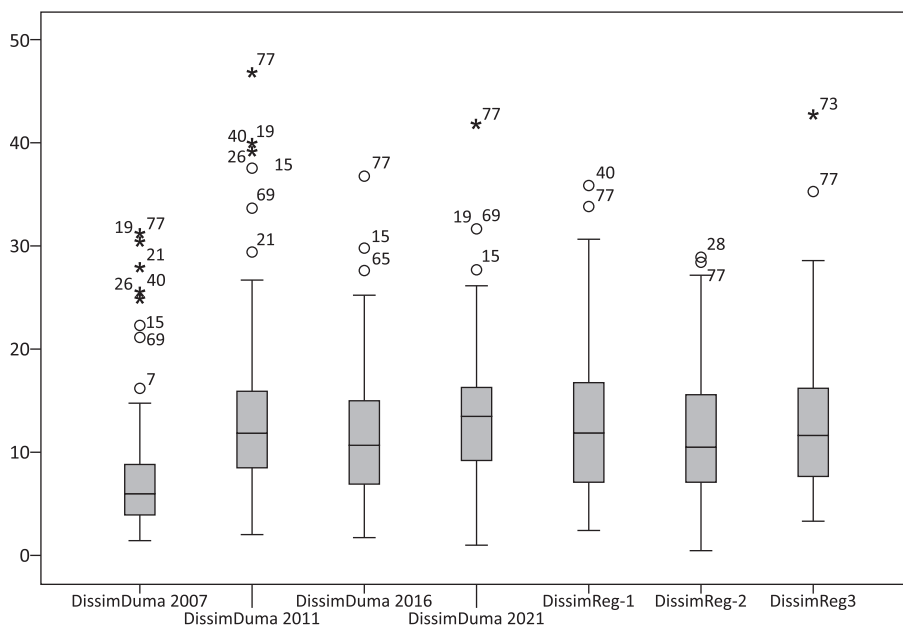

Рис. Ящичные диаграммы значений индекса своеобразия /
Fig. Box plots of the index of dissimilarity values

Источник: собственные расчеты автора.

Дескриптивный анализ показывает, что наименьшие значения индекса своеобразия были на выборах Государственной Думы 2007 года: среднее значение составляет около 8 %, медиана – примерно 6 %. На последующих выборах средние значения несколько возросли и остаются вполне стабильными на протяжении всего рассматриваемого периода как на федеральных, так и на региональных выборах: средние значения колеблются между 11,5 и 13,5 %, медианные – между 10,5 и 12 %.

Наименьшее своеобразие в отдельных циклах демонстрируют Ростовская область и Ставропольский край (выборы в Государственную Думу 2011 года), Белгородская и Липецкая области (выборы 2016 года), Белгородская и Нижегородская области (выборы 2021 года). На региональных выборах наименьшие значения индекса в Астраханской и Смоленской областях в первом цикле, в Нижегородской и Липецкой – во втором, в Волгоградской и Курской – в третьем. За исключением Астраханской, Смоленской и Волгоградской областей, все отмеченные регионы находятся в десятке субъектов Российской Федерации с наименьшими средними значениями индекса своеобразия. Тем не менее стабильность показателей своеобразия в этой группе не слишком велика, особенно на региональных выборах. У Астраханской области, например, значения индекса «скачут» от 3,2 до 14,9 %.

Группа регионов с наибольшим своеобразием партийно-электорального ландшафта, напротив, значительно более стабильна. На всех федеральных выборах «лидируют» республики: Чеченская, Ингушетия, Дагестан, Карачаево-Черкесская, Тыва, Кабардино-Балкарская, Татарстан, а также Мордовия, которая, правда, выпадает из группы в 2021 году (на тех выборах по указанным выше причинам в данной группе появляется Хабаровский край). К этой же группе, особенно по результатам региональных выборов, относятся Республика Башкортостан и Кемеровская область. На ящичной диаграмме хорошо видно, что все аутиаеры демонстрируют повышенные значения индекса своеобразия: Чеченская Республика (номер 77), Республики Дагестан (15), Ингушетия (19), Мордовия (40).

Учитывая, что средние значения индексов своеобразия за разные электоральные циклы примерно одинаковы, для определения степени их стабильности / волатильности в регионах можно использовать коэффициенты корреляции значений индекса между циклами (табл. 2). На федеральных выборах обнаруживается высокая корреляция между 2007 и 2011 годами (0,882) и между 2016 и 2021 годами (0,821), но в остальных случаях она заметно ниже: от 0,626 (между 2007 и 2021 годами) до 0,740 (между 2011 и 2016 годами). На региональных выборах коэффициент корреляции составляет 0,667 между первым и вторым циклами, но в третьем цикле его значение резко падает до 0,392. Не слишком велики и значения коэффициентов корреляции между федеральными и региональными выборами – от 0,385 до 0,676. Правда, если не учитывать далеко отстоящие по времени электоральные циклы, коэффициенты превышают 0,6.

**Корреляционная матрица значений индекса своеобразия (N = 82) /
Correlation matrix of the index of dissimilarity values (N = 82)**

Переменные	DissimDuma 2007	DissimDuma 2011	DissimDuma 2016	DissimDuma 2021	DissimDuma	DissimReg-1	DissimReg-2	DissimReg3	DissimReg
DissimAver	,853**	,898**	,880**	,834**	,968**	,722**	,750**	,688**	,909**
DissimDuma-2007		,882**	,664**	,626**	,885**	,606**	,526**	,471**	,677**
DissimDuma-2011			,740**	,678**	,931**	,659**	,552**	,481**	,715**
DissimDuma-2016				,821**	,895**	,481**	,655**	,602**	,729**
DissimDuma-2021					,869**	,385**	,500**	,676**	,658**
DissimDuma						,601**	,621**	,618**	,775**
DissimReg-1							,667**	,269*	,818**
DissimReg-2								,392**	,854**
DissimReg-3									,705**

Примечание: * – корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя),
** – корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Источник: собственные расчеты автора.

Следовательно, в целом по регионам значения индекса своеобразия демонстрируют средний уровень стабильности, однако в большинстве регионов они относительно стабильны. Так, если рассчитать среднее изменение значений индекса своеобразия в трех случаях – между 2011 и 2007, 2016 и 2011, 2021 и 2016 годами, то лишь в 8 регионах оно превышает 4 %, а в 51-м составляет менее 3 %.

Факторы своеобразия партийно-электорального ландшафта

Современные теоретические представления о факторах, влияющих на своеобразие партийно-электорального ландшафта, в значительной мере базируются на концепции национального государства (nation-state). Становление национального государства в рамках этой концепции предполагает гомогенизацию политического пространства, или «национализацию политики», что включает в себя формирование устойчивой партийной системы с относительно гомогенной в кросс-территориальном отношении поддержкой политических партий (Мелешкина, 2010; Caramani, 2004). Вместе с тем очевидно, что национальное государство – это идеально-типическая модель, а гомогенизация политического пространства не более чем тенденция, поскольку в реальности в той или иной мере всегда обнаруживаются кросс-территориальные различия политических процессов. Разные территории, однако, демонстрируют различную степень специфики, и такая вариативность поднимает вопрос о том, какие факторы влияют на величину своеобразия партийно-электорального ландшафта.

Большое значение для разработки этой темы имели работы Стейна Роккана (Rokkan, 1973; Rokkan and Urwin, 1983). Анализируя становление современных западноевропейских государств, он обнаружил, что гомогенизации политического пространства препятствовали такие характеристики отдельных территорий, как социокультурная специфика, периферийность географического положения и исторический опыт наличия собственных политических институтов.

Социокультурное своеобразие наиболее отчетливо проявляется в специфике этнического состава населения региона. Языковые, религиозные и иные особенности производят не только неповторимую региональную идентичность, но и специфические политические интересы, направленные на сохранение социокультурной самобытности и связанные с языковой, конфессиональной политикой, политикой в области образования и т. д. На этой почве (если позволяет законодательство) возникают этнорегиональные партии, создавая тем самым своеобразие партийно-электорального ландшафта. Как правило, сила таких партий в значительной мере зависит от доли этнической группы в составе населения региона (Tronconi, 2015; Mazzoleni and Mueller, 2016).

Несмотря на современные средства коммуникации, периферийность географического положения, по мнению многих исследователей, по-прежнему остается важным фактором политической специфики региона: удаленность от центра снижает интенсивность политических коммуникаций и, как следствие, контроля за политическим процессом в регионе со стороны центра (Corner, 1988; Cartrite and Miodownik, 2016). Дополнительно на это влияют такие особенности периферийного региона, как его эксклавность или островное положение.

Некоторые ученые вслед за С. Рокканом акцентируют внимание на особенностях исторического развития отдельных частей государства (Fitjar, 2010; Hooghe and Marks, 2016). Они подчеркивают различия между теми регионами, которые составляли «ядро государства», то есть вошли в состав государства при его образовании, и теми, которые «изначально» были за его рамками. Более того, у некоторых регионов мог быть исторический опыт собственной государственности. В иных случаях они могли входить в состав других государств. Существенное значение имеет и то, каким образом регион вошел в состав данного государства, развязывались ли при этом войны, конфликты и т. д. В ситуации, когда это сохраняется в исторической памяти, возникают весьма серьезные стимулы для проявления политической специфики и в современных условиях.

Наконец, в качестве значимого фактора своеобразия партийно-электорального ландшафта рассматривается социально-экономическая специфика региона. Речь идет не только и даже не столько об отраслевой специализации региона (хотя она тоже может оказывать влияние), сколько об уровне социально-экономического развития относительно страны в целом. В данном случае теоретические ожидания исследователей расходятся. Одни полагают, что именно менее развитые регионы, вследствие их неудовлетворенности своим положением, будут выдвигать особые политические требования, что создает почву для усиления партийно-электоральной специфики (Sorens,

2008). Другие ученые, напротив, считают, что специфические требования выдвигают более развитые регионы, недовольные перераспределением ресурсов «в пользу бедных» (Cartrite and Miodownik, 2016). Оба предположения представляются вполне резонными, поэтому имеет смысл говорить не о более или менее развитых регионах, а о степени отклонения (в любую сторону) уровня социально-экономического развития региона от страны в целом.

Опираясь на эти теоретические представления, можно сформулировать несколько исследовательских гипотез:

H1: Чем выраженнее социокультурная специфика, тем выше степень своеобразия партийно-электорального ландшафта в регионе.

H2: Чем выраженнее специфика географического положения, тем выше степень своеобразия партийно-электорального ландшафта в регионе.

H3: Чем выраженнее специфика политической истории, тем выше степень своеобразия партийно-электорального ландшафта в регионе.

H4: Чем выраженнее регион отклоняется по уровню социально-экономического развития от страны в целом, тем выше степень своеобразия партийно-электорального ландшафта в регионе.

Для проверки этих гипотез в данной статье использованы несколько операциональных показателей, которые рассматриваются как независимые переменные. Социокультурная специфика региона измеряется через долю этнических меньшинств (в процентах) в населении региона. Но поскольку мы исследуем политическое своеобразие регионов, то есть их отклонение от общероссийских показателей, независимые переменные, в том числе социокультурная специфика, также должны отражать не абсолютные значения, а их девиацию от средних значений по России. Поэтому на основании результатов Всероссийской переписи населения 2010 года были рассчитаны и взяты по модулю отклонения по доле этнических меньшинств в населении субъектов Российской Федерации от общероссийского значения, которое составляет 80,9 %⁶, в результате чего получены значения показателя *Dev-Nonrus*.

Для измерения социально-экономической специфики регионов использованы два показателя: доля городского населения (в процентах) и уровень бедности, то есть доля жителей региона (в процентах) с доходами ниже прожиточного минимума⁷. Как представляется, последний показатель значительно лучше отражает «уровень социально-экономического благополучия», чем, например, ВРП на душу населения, объем инвестиций и т. п. В данном случае опять-таки следует брать не абсолютные значения, а отклонения от общероссийских по модулю. Соответственно были рассчитаны показатели *Dev-Urban* и *Dev-Pov*. В отличие от этнического состава регионов, они динамические, поэтому для федеральных выборов они были вычислены отдельно для 2007,

⁶ Всероссийская перепись населения 2010 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 12.02.2023).

⁷ Социально-экономические показатели по субъектам Российской Федерации. Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. 2022. 30 дек. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения: 12.02.2023).

2011, 2016 и 2021 годов, а для региональных выборов взяты средние значения за годы, соответствующие трем электоральным циклам. Кроме того, были рассчитаны средние значения: для федеральных выборов – среднее за четыре соответствующих года, для региональных – среднее значение средних значений трех циклов, для всех выборов – среднее значение за весь период с 2007 по 2021 год⁸.

Географическая специфика измерялась через часто используемый в подобных исследованиях показатель удаленности региона от центра страны (Cartrite and Miodownik, 2016; Sorens, 2008) – расстояние регионального центра от Москвы по автомобильным или железным дорогам в тысячах километров⁹. Для всех регионов был вычислено среднее значение (2,343)¹⁰, и от него рассчитаны отклонения для каждого региона по модулю – *Dev-Distance*. Кроме удаленности, географическая специфика зафиксирована в таком показателе, как географическое расположение региона – в восточной или западной части страны. К субъектам Российской Федерации, которые находятся в восточной части (*Eastern-Russia*), отнесены регионы, расположенные к востоку от границы между Европой и Азией (в ее традиционном понимании: по Уральскому хребту и реке Урал). Они закодированы как «1», остальные – как «0».

Наконец, для измерения исторической специфики регионов был использован композитный индекс специфики политической истории регионов Российской Федерации, разработанный российскими исследователями (Кириянов и Панов, 2022) на основе методики, предложенной Р. Фитъяром (Fitjar, 2010). Индекс (в данной работе обозначен как *History-Spec*) может принимать значения от «0» до «8» в зависимости от наличия у региона следующих признаков исторической специфики: 1) регион не входил в «историческое ядро» Российского государства; 2) до вхождения в состав Московской Руси регион имел собственную государственность или на его территории было «свое» княжество; 3) был период, когда уже после вхождения в состав России регион временно выходил из ее состава; 4) у региона был опыт краткосрочной государственности в период с 1918 по 1922 год; 5) «столица» современного региона имела столичный статус еще до советских административных преобразований¹¹.

Описательная статистика по всем зависимым переменным (по динамическим *Dev-Urban* и *Dev-Pov* – средние значения за период 2007–2021 годов) приведена в таблице 3.

⁸ Данные по бедности в Чеченской Республике в официальной статистике появляются только с 2012 года. Поэтому она исключена из анализа на федеральных выборах 2007 и 2011 годов, а также в первом цикле региональных выборов. При расчете средних значений для Чеченской Республики взяты средние за те циклы/годы, по которым для нее есть данные.

⁹ До Анадыря (Чукотка) и Петропавловска-Камчатского (Камчатский край) наземное транспортное сообщение (авто- и железные дороги) отсутствует, поэтому им были присвоены наивысшие значения: 11 и 10,5 тыс. км соответственно.

¹⁰ База данных «Субнациональный регионализм и многоуровневая политика (REG-MLG)». Пермь: Перм. федер. исслед. центр Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2021. 158 с. [Электронный ресурс]. URL: http://identityworld.ru/maps_aera/database/REG-MLG_codebook.pdf (дата обращения: 12.02.2023).

¹¹ Там же.

Описательная статистика значений независимых переменных (N = 82) /
Descriptive statistics of the independent variables values (N = 82)

Параметры	Dev-Nonrus	Dev-Pov	Dev-Urban	Dev-Distance	Eastern-Russia	History-Spec
Среднее	18,86	4,06	9,98	2,016	0,27	2,17
Медиана	13,45	2,90	7,10	1,603	0,00	2,00
Ст. откл.	18,21	3,58	9,08	1,875	0,45	1,32
Минимум	0,00	0,60	0,50	0,022	0	0
Максимум	80,10	20,40	45,50	8,657	1	6

Источник: собственные расчеты автора.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для исследования влияния социокультурной, социально-экономической, географической и исторической специфики регионов на степень своеобразия их партийно-электорального ландшафта построено несколько регрессионных моделей: отдельно для каждого из семи электоральных циклов, а также для средних значений *DissimDuma*, *DissimReg* и *DissimAver*. Результаты множественной линейной регрессии представлены в таблице 4.

Исследование показывает достаточно высокую объяснительную силу построенных моделей для федеральных выборов. Значение скорректированного R^2 колеблется между 0,415 и 0,472, а в модели с *DissimDuma* составляет 0,564. Относительно низкое значение R^2 для Государственной Думы 2011 года можно объяснить спецификой этих выборов, когда протестное голосование сильно повлияло на результаты ЕР во многих регионах, увеличив тем самым степень своеобразия. Для региональных выборов общие оценки моделей значительно хуже: во втором цикле скорректированный R^2 составил 0,186, в третьем – 0,201, а в первом всего лишь 0,083. Это ожидаемо, поскольку результаты выборов находятся под влиянием не только долговременных факторов, но и текущей ситуации, а региональные выборы проходят в разное время. В этом плане представляется важным, что и на федеральных, и на региональных выборах R^2 выше в моделях со средними значениями индекса своеобразия (*DissimDuma* и *DissimReg*), чем в отдельных циклах. Средние значения сглаживают влияние ситуационных факторов и оказываются более надежным показателем своеобразия партийно-электорального ландшафта регионов. Модель с *DissimAver* (среднее по всем циклам) объясняет более половины вариаций значений индекса своеобразия, с *DissimDuma* – еще больше, примерно 56 %, и даже на региональных выборах модель с *DissimReg* дает объяснения примерно 30 % вариаций.

Что касается отдельных факторов, анализ показывает, что ключевое значение в объяснении своеобразия партийно-электорального ландшафта регионов имеет историческая и особенно социокультурная специфика регионов. Предиктор *Dev-Nonrus* устойчиво демонстрирует статистическую значимость коэффициентов во всех десяти моделях: в среднем возрастание отклонений в доле русского населения от общероссийских показателей на 1 % увеличи-

Таблица 4 / Table 4

Результаты регрессионного анализа / Regression analysis results

Переменные	DissimDuma	DissimDuma 2007	DissimDuma 2011	DissimDuma 2016	DissimDuma 2021	DissimReg	DissimReg_1	DissimReg_2	DissimReg_3	DissimAver
	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)
Dev-Pov	-0,010 (0,159)	-0,010 (0,099)	-0,194 (0,226)	0,002 (0,174)	0,018 (0,209)	0,120 (0,178)	-0,135 (0,212)	0,128 (0,209)	0,052 (0,238)	0,062 (0,158)
Dev-Urban	0,009 (0,071)	0,154** (0,073)	0,032 (0,101)	-0,064 (0,081)	-0,066 (0,084)	-0,009 (0,072)	0,050 (0,106)	-0,098 (0,088)	0,039 (0,098)	0,000 (0,064)
History-Spec	0,911** (0,393)	0,593 (0,403)	0,670 (0,594)	1,266*** (0,467)	0,762 (0,479)	0,634 (0,404)	-0,089 (0,595)	1,252** (0,506)	0,440 (0,561)	0,795*** (0,360)
Dev-Nonrus	0,254*** (0,037)	0,197*** (0,036)	0,306*** (0,055)	0,221*** (0,045)	0,278*** (0,045)	0,140*** (0,039)	0,136** (0,054)	0,125** (0,050)	0,168*** (0,054)	0,203*** (0,034)
Dev-Distance	-0,373 (0,290)	-0,012 (0,286)	-0,308 (0,425)	-0,503 (0,344)	-0,574 (0,349)	-0,354 (0,298)	-0,370 (0,425)	-0,527 (0,375)	-0,081 (0,410)	-0,368 (0,266)
Eastern-Russia	2,244* (1,269)	-0,393 (1,246)	-0,413 (1,862)	5,502*** (1,510)	4,293*** (1,568)	1,530 (1,312)	-0,449 (1,852)	3,352** (1,645)	2,026 (1,826)	1,915 (1,167)
Constant	5,037 (1,213)	2,099 (1,262)	7,478 (1,876)	4,869 (1,420)	7,196 (1,445)	8,236 (1,242)	11,198 (1,876)	7,398 (1,551)	7,397 (1,696)	6,389 (1,108)
Adjusted R-square	0,564	0,457	0,399	0,415	0,472	0,291	0,083	0,186	0,201	0,513
N	82	81	81	82	82	82	81	82	82	82
Significance	*p < 0,1; **p < 0,05; ***p < 0,01									

Источник: собственные расчеты автора.

вает значение индекса своеобразия примерно на 0,2–0,25 процентных пункта. В моделях со средними значениями индекса своеобразия на федеральных выборах и по всем десяти циклам статистически значимы и коэффициенты предиктора History-Spec: увеличение показателя специфики политической истории региона дает прирост значения индекса своеобразия на 0,8–0,9 процентных пункта.

Географическая специфика также оказывает влияние, при этом речь идет не об удаленности региона от центра страны (Dev-Distance не имеет значимых коэффициентов ни в одной из десяти моделей), а о расположении его в восточной части России, о чем свидетельствует статистическая значимость коэффициентов предиктора Eastern-Russia. Правда, нельзя не отметить, что она появляется только в двух последних циклах федеральных выборов и во втором цикле региональных. Но третий цикл региональных выборов, как уже отмечалось, проходил в своеобразной ситуации, и это объясняет, почему Eastern-Russia теряет статистическую значимость, однако показательно, что сила и направление воздействия этого предиктора сохраняются. Таким образом, есть основания говорить о том, что географическая специфика становится значимым фактором именно в 2010-е годы: географическое положение региона «за Уралом» в этот период увеличивает значение индекса своеобразия примерно на 3–5 процентных пунктов.

Данные, характеризующие социально-экономическую специфику регионов, оказались незначимы. Следует заметить, что попытки дополнить / заменить показатели «доля городского населения» и «уровень бедности» иными универсальными (то есть применимыми ко всем субъектам Российской Федерации) социально-экономическими индикаторами, как, например, ВРП на душу населения, доля федеральных трансфертов в региональном бюджете, среднемесячная заработная плата и т. д., не изменили результатов анализа, эти предикторы дают еще более слабые коэффициенты. Однако было бы некорректно делать из этого вывод, что социально-экономическая специфика не влияет на своеобразие партийно-электорального ландшафта регионов. Возможно, иные показатели, характеризующие, в частности, отраслевую специфику экономики региона, дали бы иной результат, но найти такой универсальный индикатор, который бы валидно фиксировал одновременно и содержание, и степень отраслевой специфики экономики региона, представляется весьма проблематичным.

Сопоставление реальных значений *DissimDuma* и *DissimReg* и значений, предсказанных соответствующими регрессионными моделями (см. Приложение), позволяет говорить о том, что практически во всех моделях аутлаером является Республика Мордовия, на федеральных выборах – Чувашская Республика, а на региональных – Кемеровская область¹². При этом Чувашия демонстрирует экстраординарную девиацию значений индексов своеобразия в отрицательную сторону, а Мордовия и Кемеровская область – наоборот, в положительную. Иначе говоря, с точки зрения степени социокультурной и исторической специфики региона Чувашская Республика должна обладать значительно большим своеобразием партийно-электорального ландшафта, а на деле она его не имеет. Республика Мордовия и Кемеровская область, напротив,

¹² В отдельных электоральных циклах неоднократно среди аутлаеров оказываются также Республика Башкортостан, Чеченская Республика, Кемеровская область, в последних циклах по понятным причинам Хабаровский край.

имеют слишком большое для своей социокультурной и исторической специфики своеобразие партийно-электорального ландшафта. Примечательно, однако, что исключение аутлаеров из регрессионного анализа не оказывает существенного воздействия на результаты: общая оценка моделей (в частности, значение скорректированного R^2) ожидаемо повышается, но значимость коэффициентов отдельных предикторов не меняется. Помимо прочего, это говорит о том, что статистически полученные результаты достаточно робастны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях унификации политических институтов и отсутствия региональных политических партий специфика партийно-электорального ландшафта в субъектах Российской Федерации проявляется в своеобразии голосования за основные политические партии на федеральных и региональных выборах. Количественный анализ электоральных результатов за период с 2007 по 2021 год, сделанный на основе вычисления индекса своеобразия, показал, что в большинстве регионов степень своеобразия воспроизводится относительно стабильно в течение всего рассматриваемого периода. Анализ факторов, влияющих на вариативность степени своеобразия партийно-электорального ландшафта в российских регионах, позволяет сделать вывод, что ключевое воздействие оказывает социокультурная специфика региона. Существенное значение имеет также историческая и географическая специфика. Социально-экономические показатели субъекта Российской Федерации относительно средних по стране оказались статистически незначимыми, что, однако, не позволяет делать вывод об отсутствии влияния социально-экономической специфики региона на своеобразие партийно-электорального ландшафта.

Список источников

- Гельман В. Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // Полис. Политические исследования. 1998. № 1. С. 87–105.
- Голосов Г. В. Губернаторы и партийная политика // Pro et Contra. 2000. Т. 5, № 1. С. 96–108.
- Кириянов И. К., Панов П. В. Историческая специфика регионов России: инструментарий для анализа гетерогенности политического пространства // Вестник Пермского университета. Политология. 2022. Т. 16, № 4. С. 53–63. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-4-53-63>.
- Кононенко П. Б. Политические факторы конституционного строительства в республиках РФ // Полис. Политические исследования. 2003. № 6. С. 135–143. <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.06.12>.
- Коргунок Ю. Г. Становление партийной системы в современной России. М.: Фонд ИНДЕМ, Моск. город. пед. ун-т, 2007. 542 с.
- Мелешкина Е. Ю. Формирование государств и наций в условиях этнокультурной разнородности: теоретические подходы и историческая практика // Политическая наука. 2010. № 1. С. 8–28.
- Туровский Р. Ф. Институциональный дизайн российской региональной власти: кажущаяся простота? // Общественные науки и современность. 2011. № 5. С. 82–92.

Туровский Р. Ф. Национализация и регионализация партийных систем: подходы к исследованию // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2016. № 1. С. 162–180. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-80-1-162-180>.

Caramani D. The nationalization of politics: The formation of national electorates and party systems in Western Europe. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2004. 347 p.

Cartrite B., Miodownik D. Determinants of regional political distinctiveness // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2016. Vol. 22, № 2. P. 119–148. <https://doi.org/10.1080/13537113.2016.1169057>.

Corner T. The maritime and border regions of Western Europe // *Comparative Education*. 1988. Vol. 24, № 2. P. 229–245.

Fitjar R. Explaining variation in sub-state regional identities in Western Europe // *European Journal of Political Research*. 2010. Vol. 49, № 4. P. 522–544. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2009.01907.x>.

Hearl D., Budge I., Pearson B. Distinctiveness of regional voting: A comparative analysis across the European Community (1979–1993) // *Electoral Studies*. 1996. Vol. 15, № 2. P. 167–182. [https://doi.org/10.1016/0261-3794\(95\)00039-9](https://doi.org/10.1016/0261-3794(95)00039-9).

Hooghe L., Marks G. Community, scale, and regional governance: A postfunctionalist theory of governance. Vol. II. Transformations in governance. Oxford: Oxford University Press, 2016. 212 p.

Jones M. P., Mainwaring S. The nationalization of parties and party systems: An empirical measure and an application to the Americas // *Party Politics*. 2003. Vol. 9, № 2. P. 139–166. <http://doi.org/10.1177/1354068803009002835>.

Regionalist parties in Western Europe: Dimensions of success / Ed. by O. Mazoleni, S. Mueller. 1st ed. New York: Routledge, 2016. 208 p.

Rokkan S., Urwin D. Economy, territory, identity: Politics of West European peripheries. London: Sage Publications, 1983. 218 p.

Rokkan S. Cities, states and nations: A dimensional model for the study of contrasts in development // *Building states and nations: Models and data resources*. Vol. 1 / Ed. by S. N. Eisenstadt, S. Rokkan. London: Sage Publications, 1973. P. 73–91.

Schakel A. Congruence between regional and national elections // *Comparative Political Studies*. 2013a. Vol. 46, № 5. P. 631–662. <https://doi.org/10.1177/0010414011424112>.

Schakel A. Nationalisation of multilevel party systems: A conceptual and empirical analysis // *European Journal of Political Research*. 2013b. Vol. 52, № 2. P. 212–236. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2012.02067.x>.

Schakel A. H., Verdoes A. Tracing developments in regional electoral democracy: The impact of regional authority, regional identity and regional electoral systems on the regional vote // *Handbook on local and regional governance* / Ed. by F. Teles. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2023. P. 162–181.

Sorens J. Regionalists against secession: The political economy of territory in advanced democracies // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2008. Vol. 14, № 3. P. 325–360. <https://doi.org/10.1080/13537110802289670>.

Tronconi F. Ethno-regionalist parties in regional government: Multilevel coalition strategies in Italy and Spain // *Government and Opposition*. 2015. Vol. 50, № 4. P. 578–606. <https://doi.org/10.1017/gov.2014.30>.

Информация об авторе

П. В. Панов – доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник ФГБУН Пермский федеральный исследовательский центр Урал-

ского отделения Российской академии наук, Института гуманитарных исследований Уральского отделения Российской академии наук, 614990, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13а

SPIN-код (РИНЦ): 1739-3478

AuthorID (РИНЦ): 77223

Web of Science ResearcherID: O-2160-2016

Scopus Author ID: 36094686300

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 17.03.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 20.04.2023.

References

Gelman, V. Ya. (1998), "Regional power in today's Russia: Institutes, regimes, practices", *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 87–105.

Golosoov, G. V. (2000), "Governors and party politics", *Pro et Contra*, vol. 5, no. 1, pp. 96–108.

Kiryaynov, I. K. and Panov, P. V. (2022), "Historical specificity of Russian regions: An instrument for the analysis of political space heterogeneity", *Bulletin of Perm University. Political Science*, vol. 16, no. 4, pp. 53–63, <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-4-53-63>.

Kononenko, P. B. (2003), "Political factors of constitutional construction in the Republics of the Russian Federation", *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 135–143, <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.06.12>.

Korgunyuk, Yu. G. (2007), *Stanovlenie partiinoi sistemy v sovremennoi Rossii* [Party system formation in contemporary Russia], INDEM foundation, Moscow City University, Moscow, Russia.

Meleshkina, E. Yu. (2010), "Nation and state building within ethno-cultural assemblages: Theoretical approaches and historical practice", *Political Science*, no. 1, pp. 8–28.

Turovsky, R. (2011), "Institutional design of the Russian regional power", *Social Sciences and Contemporary World*, no. 5, pp. 82–92.

Turovsky, R. (2016), "Nationalization and regionalization of party systems: Approaches to research", *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, no. 1, pp. 162–180, <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-80-1-162-180>.

Caramani, D. (2004), *The nationalization of politics: The formation of national electorates and party systems in Western Europe*, Cambridge University Press, New York, NY, US, Cambridge, UK.

Cartrite, B. and Miodownik, D. (2016), "Determinants of regional political distinctiveness", *Nationalism and Ethnic Politics*, vol. 22, no. 2, pp. 119–148, <https://doi.org/10.1080/13537113.2016.1169057>.

Corner, T. (1988), "The maritime and border regions of Western Europe", *Comparative Education*, vol. 24, no. 2, pp. 229–245.

Fitjar, R. (2010), "Explaining variation in sub-state regional identities in Western Europe", *European Journal of Political Research*, vol. 49, no. 4, pp. 522–544, <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2009.01907.x>.

Hearl, D., Budge, I. and Pearson, B. (1996), “Distinctiveness of regional voting: A comparative analysis across the European Community (1979–1993)”, *Electoral Studies*, vol. 15, no. 2, pp. 167–182, [https://doi.org/10.1016/0261-3794\(95\)00039-9](https://doi.org/10.1016/0261-3794(95)00039-9).

Hooghe, L. and Marks, G. (2016), *Community, scale, and regional governance: A postfunctionalist theory of governance. Vol. II. Transformations in governance*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Jones, M. P. and Mainwaring, S. (2003), “The nationalization of parties and party systems: An empirical measure and an application to the Americas”, *Party Politics*, vol. 9, no. 2, pp. 139–166, <http://doi.org/10.1177/1354068803009002835>.

Mazzoleni, O. and Mueller, S. (eds.) (2016), *Regionalist parties in Western Europe: Dimensions of success*, 1st ed., Routledge, New York, NY, US.

Rokkan, S. and Urwin, D. (1983), *Economy, territory, identity: Politics of West European peripheries*, Sage Publications, London, UK.

Rokkan, S. (1973), “Cities, states and nations: A dimensional model for the study of contrasts in development”, in Eisenstadt, S. N. and Rokkan, S. (eds.), *Building states and nations: Models and data resources. Vol. 1*, Sage Publications, London, UK, pp. 73–91.

Schakel, A. (2013a), “Congruence between regional and national elections”, *Comparative Political Studies*, vol. 46, no. 5, pp. 631–662, <https://doi.org/10.1177/0010414011424112>.

Schakel, A. (2013b), “Nationalisation of multilevel party systems: A conceptual and empirical analysis”, *European Journal of Political Research*, vol. 52, no. 2, pp. 212–236, <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2012.02067.x>.

Schakel, A. H. and Verdoes, A. (2023), “Tracing developments in regional electoral democracy: The impact of regional authority, regional identity and regional electoral systems on the regional vote”, in Teles, F. (ed.), *Handbook on local and regional governance*, Edward Elgar Publishing, Cheltenham, UK, pp. 162–181.

Sorens, J. (2008), “Regionalists against secession: The political economy of territory in advanced democracies”, *Nationalism and Ethnic Politics*, vol. 14, no. 3, pp. 325–360, <https://doi.org/10.1080/13537110802289670>.

Tronconi, F. (2015), “Ethno-regionalist parties in regional government: Multilevel coalitional strategies in Italy and Spain”, *Government and Opposition*, vol. 50, no. 4, pp. 578–606, <https://doi.org/10.1017/gov.2014.30>.

Information about the author

P. V. Panov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Chief Researcher of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Humanitarian Studies of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 13a Lenin Str., Perm, 614990, Russia

SPIN-code (RSCI): 1739-3478

AuthorID (RSCI): 77223

Web of Science ResearcherID: O-2160-2016

Scopus Author ID: 36094686300

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 17.03.2023; approved after reviewing 20.04.2023; accepted for publication 20.04.2023.

Значения DissimDuma и DissimReg для каждого региона: реальные и предсказанные соответствующими регрессионными моделями /
Values of DissimDuma and DissimReg for each region: Actual and predicted by the respective regression models

№ п/п	Регион	DissimDuma (реальное значение)	DissimDuma (предсказанное значение)	DissimReg (реальное значение)	DissimReg (предсказанное значение)
1	Республика Адыгея (Адыгея)	8,42	12,00	7,78	12,33
2	Республика Алтай	7,56	14,11	10,50	14,26
3	Алтайский край	14,16	12,05	16,34	13,07
4	Амурская область	12,71	12,28	14,84	12,83
5	Архангельская область	12,33	10,20	9,86	11,32
6	Астраханская область	9,71	11,74	8,33	12,49
7	Республика Башкортостан	13,61	18,88	19,47	16,00
8	Белгородская область	2,94	7,87	12,05	9,96
9	Брянская область	7,43	9,25	12,57	10,52
10	Республика Бурятия	7,46	12,61	9,22	13,28
11	Владимирская область	9,33	9,78	10,64	11,15
12	Волгоградская область	8,68	7,76	5,28	9,76
13	Вологодская область	13,05	9,42	15,94	10,73
14	Воронежская область	5,60	9,91	12,84	11,29
15	Республика Дагестан	29,42	28,36	20,68	21,39
16	Еврейская автономная область	6,88	10,77	10,19	12,40
17	Забайкальский край	10,11	10,81	10,45	12,41
18	Ивановская область	9,03	8,00	8,83	10,09
19	Республика Ингушетия	30,67	27,10	24,31	21,93
20	Иркутская область	12,40	10,69	12,67	12,14

№ п/п	Регион	DissimDuma (реальное значение)	DissimDuma (предсказанное значение)	DissimReg (реальное значение)	DissimReg (предсказанное значение)
21	Кабардино-Балкарская Республика	26,18	23,35	15,05	19,40
22	Калининградская область	7,82	11,51	8,53	12,48
23	Республика Калмыкия	13,33	19,39	12,60	18,15
24	Калужская область	7,65	9,15	5,19	10,64
25	Камчатский край	9,45	7,32	9,04	9,44
26	Карачаево-Черкесская Республика	28,50	20,16	17,85	17,45
27	Республика Карелия	12,38	7,62	16,79	10,15
28	Кемеровская область – Кузбасс	15,63	11,06	24,42	11,87
29	Кировская область	14,30	9,11	17,74	10,88
30	Республика Коми	11,57	8,67	7,53	10,39
31	Костромская область	15,63	10,10	5,75	11,25
32	Краснодарский край	5,62	9,44	15,73	10,90
33	Красноярский край	10,59	11,05	13,94	12,39
34	Курганская область	8,81	11,08	6,70	12,51
35	Курская область	4,14	10,19	6,16	11,24
36	Ленинградская область	8,29	10,22	9,77	11,37
37	Липецкая область	4,18	8,31	6,47	10,02
38	Магаданская область	7,65	6,33	7,21	8,17
39	Республика Марий Эл	9,38	13,83	11,79	14,05
40	Республика Мордовия	26,00	12,34	24,83	12,80
41	Московская область	6,87	9,05	10,55	10,78
42	Мурманская область	12,57	7,07	15,15	9,17

№ п/п	Регион	DissimDuma (реальное значение)	DissimDuma (предсказанное значение)	DissimReg (реальное значение)	DissimReg (предсказанное значение)
43	Ненецкий автономный округ	14,72	8,77	10,40	10,76
44	Нижегородская область	4,29	9,77	5,77	10,97
45	Новгородская область	11,30	9,78	15,59	11,08
46	Новосибирская область	12,35	10,91	9,94	12,08
47	Омская область	11,72	11,14	15,31	12,34
48	Оренбургская область	11,08	10,17	12,35	11,52
49	Орловская область	8,61	9,12	12,45	10,46
50	Пензенская область	6,51	7,76	15,49	9,91
51	Пермский край	10,23	8,10	11,64	10,19
52	Приморский край	12,59	7,25	15,95	9,12
53	Псковская область	8,75	11,65	9,89	12,64
54	Ростовская область	3,59	8,81	11,03	10,51
55	Рязанская область	5,41	9,67	7,54	10,87
56	Самарская область	6,91	8,53	7,43	10,46
57	Санкт-Петербург	11,78	11,21	11,63	12,09
58	Саратовская область	9,50	7,96	15,07	10,44
59	Сахалинская область	9,64	7,55	6,03	9,33
60	Свердловская область	12,05	9,16	14,76	10,89
61	Республика Северная Осетия – Алания	16,59	24,72	13,84	19,65
62	Смоленская область	10,19	11,41	7,50	12,43
63	Ставропольский край	5,42	6,62	7,64	9,42
64	Тамбовская область	10,65	10,36	10,48	11,19

№ п/п	Регион	DissimDuma (реальное значение)	DissimDuma (предсказанное значение)	DissimReg (реальное значение)	DissimReg (предсказанное значение)
65	Республика Татарстан (Татарстан)	23,76	18,53	24,66	16,57
66	Тверская область	9,07	9,22	10,80	10,55
67	Томская область	10,75	10,15	12,78	11,54
68	Тульская область	5,27	8,80	7,12	10,31
69	Республика Тыва	28,08	25,11	26,51	21,88
70	Тюменская область	9,23	8,47	6,60	10,58
71	Удмуртская Республика	6,78	9,40	7,30	10,51
72	Ульяновская область	7,59	8,12	12,60	10,40
73	Хабаровский край	13,80	9,67	17,49	10,57
74	Республика Хакасия	11,80	8,58	12,69	11,18
75	Ханты-Мансийский автоном- ный округ – Югра	8,99	11,47	10,15	12,27
76	Челябинская область	9,72	8,78	7,35	10,65
77	Чеченская Республика	39,18	30,64	32,50	23,35
78	Чувашская Республика – Чувашия	6,78	19,08	8,63	16,36
79	Чукотский автономный округ	13,25	12,20	13,01	11,63
80	Республика Саха (Якутия)	10,64	17,82	7,66	15,57
81	Ямало-Ненецкий автономный округ	17,19	13,07	14,82	13,69
82	Ярославская область	15,64	9,97	9,81	10,99

Источник: собственные расчеты автора.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 2. С. 224-250.

Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 2, pp. 224-250.

Научная статья

УДК 32:004

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-224-250>

МЕТАВСЕЛЕННЫЕ И ГОСУДАРСТВА: ВМЕСТЕ ИЛИ ПОРОЗНЬ

Иван Алексеевич Бронников¹✉, Анастасия Сергеевна Беденкова²

^{1,2} Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

¹ ivbronn@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-8277-0839>

² bedenkovaanastya@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-8854-2595>

Аннотация. Введение: внедрение цифровых технологий в сферу политики и государственного управления давно перестало быть новшеством. Переход на «цифру» начиная с 2012 года является главным трендом в области повышения эффективности процессов управления. Динамичное развитие цифровых технологий требует гибкого реагирования и высокой адаптивности власти к инновациям. С 2021 года в центре внимания как научных кругов, так и управленцев, IT-специалистов, глав коммерческих компаний оказались технологии Web 3.0. Особое положение среди инноваций нового поколения отводится метавселенной, с развитием которой связывают кардинальную трансформацию всех отраслей жизнедеятельности, включая государственное управление. **Цель:** определить существующие проблемы и перспективы внедрения метавселенных в практики государственного управления Японии, Республики Кореи и Китая. **Методы:** сравнительный анализ, анализ документов, case study, институциональный подход, рейтингование, ивент и интент-анализ. **Результаты:** выявлена корреляция между уровнем эффективности государственного управления и развитием цифровых технологий. Внедрение метавселенных в государственное управление зависит от политического режима и стратегий правящих акторов. Показано, что существует повышенный интерес государственного сектора к NFT и метавселенной в Японии, Республике Корея, Китае: на сегодняшний день эти страны первыми приступили к внедрению Web 3.0 на государственном уровне. **Выводы:** внедрение метавселенных демонстрирует высокий уровень адаптивности политического режима к инновациям и постоянную поддержку им новых технологических разработок. Уже в ближайшие годы метавселенные станут ключевым фактором в области создания национальных стратегий Японии, Республики Кореи и Китая. Правительства рассматриваемых государств осознают важность внедрения передовых технологий в цифровой гонке, а стремление занять лидирующие позиции в данном направлении уже отражено во многих принятых ими стратегических документах.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: метавселенная, цифровые технологии, Web 3.0, цифровая трансформация, политический режим, государственное управление

Благодарности: исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Бронников И. А., Беденкова А. С. Метавселенные и государства: вместе и порознь // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 2. С. 224–250. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-224-250>.

Original article

METAVERSES AND STATES: TOGETHER OR APART

Ivan A. Bronnikov¹✉, Anastasia S. Bedenkova²

^{1,2} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹ ivbronn@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-8277-0839>

² bedenkovaanastya@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-8854-2595>

Abstract. Introduction: the introduction of digital technologies into the sphere of politics and public administration has long ceased to be an innovation. The “digital” shift since 2012 has become the main trend in raising the efficiency of management processes. The dynamic development of digital technologies requires a flexible response and skillful adaptation of authorities to innovations. Since 2021, Web 3.0 technologies have become the main focus of attention, both in the scientific community and among managers, IT specialists and heads of commercial companies. A special position among the new generation of innovations is assigned to the metaverse, the development of which is linked to the fundamental transformations of all sectors of life, including public administration. **Objectives:** to identify the existing problems and prospects for the introduction of metaverses in the practices of public administration in Japan, the Republic of Korea, and China. **Methods:** comparative analysis, document analysis, case study, institutional approach, rating. **Results:** a correlation between a high level of public administration efficiency and the development of digital technologies has been revealed. The introduction of metaverses into public administration depends on the specific political regime and the strategies of the ruling actors. It is shown that there is an increased public sector interest to the NFT and the metaverse in Japan, the Republic of Korea, and China. These countries have been the first to actively introduce Web 3.0 at the state level. **Conclusions:** the introduction of metaverses demonstrates a high level of adaptivity of the political regime to innovation and its constant support for new technological developments. Metaverses are likely to become a key factor in the creation of national strategies and goals for Japan, the Republic of Korea, and China in the coming years. The governments of the countries under study are aware of the importance of introducing advanced technologies in the digital race, their desire to take a leading position in this direction being already reflected in numerous strategic documents they have adopted.

Keywords: metaverse, digital technologies, Web 3.0, digital transformation, political regime, public administration

Acknowledgements: the study was carried out as part of “Preservation of the world cultural and historical heritage” Development Program for Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University.

For citation: Bronnikov, I. A. and Bedenkova, A. S. (2023), "Metaverses and states: Together or apart", *Ars Administrandi*, vol. 15, no. 2, pp. 224–250, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-224-250>.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире информационно-коммуникационное пространство изменяется невероятными темпами. Поэтапное преобразование государственных структур, работа которых все чаще основывается на инфотехнологических решениях, связанных с построением виртуальных систем и влиянием искусственного интеллекта, способствует трансформации политического процесса. Многочисленные цифровые технологии, совместно применяемые государственными институтами, создают синергетический эффект, способствуя технологизации рутинных экономических процессов, изменению системы управления государством и обществом, совершенствованию механизмов государственно-гражданского взаимодействия, а также формированию новых «правил игры» и принципов функционирования современного мира.

Трансформация моделей политической коммуникации государства и общества, как правило, происходит на технологическом и структурно-содержательном уровнях. Первый подразумевает постоянное изменение каналов коммуникации за счет разработки и внедрения новейших средств передачи данных. В политической сфере это означает создание роботизированных порталов оказания государственных услуг населению, в экономической – конструирование производственных цепочек с минимальным участием человека, в социальной – выстраивание схем обмена контентом на основе технологий дополненной и виртуальной реальностей. Во второй – структурно-содержательный – уровень входят коммуникационные модели новой сетевой реальности, которые характеризуются, с одной стороны, максимальной децентрализацией информационного обмена, с другой – созданием обширных баз данных пользователей сетей различных уровней (Бронников и Горбачев, 2022). Данные изменения стали результатом не просто масштабного развития социальных медиа, но и появления благодаря им новых площадок коммуникаций, оказывающих значительное влияние на социальные взаимодействия акторов, медиабизнес, государственное управление и пр.

В последние годы во многих странах исследователями фиксируются тревожные тенденции: коммуникационные сбои в системе государственного управления, низкая инклюзивность, имитационная соревновательность политических программ (Соловьев, 2022а; Вилисов и др., 2020). Однако практика показывает, что уже в настоящее время в развитых странах возможно создание серьезных предпосылок для формирования эффективных коммуникационных процессов в триаде «государство – медиакорпорации – граждане».

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цифровые технологии и метавселенные

Анализ современного состояния изучения проблемы позволяет выделить несколько тематических блоков, включающих в себя научные работы отечественных и зарубежных авторов. В состав первого блока входят исследования, посвященные общетеоретическим вопросам влияния цифровых технологий на социополитические процессы (Theocharis and Quintelier, 2016; Мирошниченко и Морозова, 2017; Володенков и Артамонова, 2020; Ахременко и др., 2020; Пырма, 2019).

Второй теоретический блок образуют исследования, посвященные осмыслению эвристических возможностей социологической теории коллективного поведения в новой цифровой реальности. В его рамках можно выделить два основных направления: социологическое (общетеоретический блок) и политико-социологическое (строго ориентированные модели поведения целевых групп). Здесь особенно интересны работы (Rosenfeld, 2017; Norris, 2011; Van der Brug et al., 2007). Анализируя проблему коллективного поведения, ученые пришли к выводу, что конструирование того или иного социального строя происходит в процессе формирования новых экспектаций и ценностей граждан. Подобные заключения позволяют исследователям говорить о важности роли цифрового коллективного поведения в современной политической реальности.

Важное место в контексте рассматриваемой нами темы занимают научные труды, посвященные изучению роли современных медиакорпораций в политической жизни социума. Авторы исследуют характер и направленность цифровой деятельности медиакорпораций, их влияние на общественно-политическую реальность, оценивают возможные риски и угрозы от тотальной власти новых медиа. Здесь стоит отметить работы (Zuboff, 2019; Срничек и Уильямс, 2019). Изучая обширный эмпирический материал с помощью методов case study, дискурс, ивент и интент-анализа, авторам удалось установить, что на сегодняшний день повседневная социально-политическая повестка складывается под прямым контролем и влиянием медиакорпораций, стремящихся стать самостоятельной силой в обществе. Специалисты пришли к выводу, что в современном мире все чаще можно наблюдать ситуацию, в которой общественно-политические системы приобретают устойчивый медиакратический характер и становятся зависимыми от нарративов цифрового информационного поля, имеющего крайне непредсказуемый характер.

Постепенная и постоянная эволюция Интернета позволяет говорить о том, что сегодня мы находимся на стадии перехода к новому этапу: от концепции Web 2.0, определенной Тимом О'Райли в 2005 году, Всемирная паутина переходит на этап Web 3.0, основные положения которого были обозначены в 2007 году руководителем компании Netscape Джейсоном Калаканисом (Рвачев, 2022, с. 51).

Web 2.0 за последние два десятилетия уже претерпел существенные изменения. Web 3.0 – это сдвиг парадигмы в сторону децентрализации

и открытости. Являясь органичным продолжением и развитием Web 2.0, новая концепция не заменяет предыдущую, а дополняет и расширяет ее новыми возможностями (см. рис. 1). Искусственный интеллект, большие данные, блокчейн, криптовалюта, метавселенные – новые технологии, создающие цифровую реальность. Ряд технологий Web 3.0 относят к категории прорывных, среди которых последние два года особо выделяется метавселенная.

Рис. 1. Эволюция Web-технологий / Fig. 1. Evolution of Web technologies

Источник: Goldman Sachs Research¹.

Отметим, что тема метавселенной является новой для исследования. Однако сегодня уже имеется ряд публикаций по данной проблематике как в отечественном научном сообществе (Сегал и Савченко, 2021; Сегал и Костикова, 2022; Юхно, 2022; Гуров и Конькова (Кураева), 2022)², так и в зарубежном (Cagnina and Poian, 2007; Interrante et al., 2018; Venkatesan et al., 2021; Mystakidis, 2022; Knox, 2022; Wang et al., 2022). В центре внимания – вопросы определения содержания концепции и характерных черт метавселенной, перспективы ее развития и возможные преимущества внедрения, правовые аспекты создания и функционирования, роль в цифровой трансформации государственных институтов, а также возможности применения новых технологий в различных сферах, включая государственное управление, экономику, образование и т. д.

¹ Sheridan E., Ng, CFA M., Czura L. et al. Framing the future of Web 3.0. Metaverse edition [Online] // Goldman Sachs. 2021. 10 Dec. P. 2. URL: <https://www.goldmansachs.com/intelligence/pages/gs-research/framing-the-future-of-web-3.0-metaverse-edition/report.pdf> (Accessed March 31, 2023).

² Каспарьянс Д. Метавселенная: возможности и риски новой реальности [Электронный ресурс] // Сайт Науч.-техн. центра ФГУП «Главный радиочастотный центр». 2022. 2 февр. URL: <https://rdc.grfc.ru/2022/02/metaverse/> (дата обращения: 31.03.2023).

Впервые понятие метавселенной³ возникло в работах американских писателей-фантастов в XX веке. Пионером в этом направлении стал Н. Стивенсон, в своем романе «Лавина» 1992 года использовавший понятие метавселенной как некоего виртуального мира, где не проводится граница между реальностью и воображением. На сегодняшний день существует множество авторских подходов и трактовок метавселенной, которые зачастую акцентируются на конкретном аспекте данной технологии, не рассматривая явление комплексно. И, несмотря на стремительное развитие цифровых технологий и рост их популярности, понятие метавселенной остается относительно новым для научного сообщества. До сих пор не сложилось единого определения, которое бы полностью раскрывало суть концепции и включало в себя черты, отличающие метавселенную от виртуальной и дополненной реальности.

Одним из наиболее часто употребляемых является определение, данное Кембриджским словарем: метавселенная – это виртуальный мир, где люди, как аватары, взаимодействуют друг с другом в трехмерном пространстве, имитирующем реальность⁴.

Внести ясность в понятие метавселенной пытаются и медиакорпорации – цифровые гиганты, играющую существенную роль в развитии технологии. Например, Meta⁵ определила метавселенную как новый этап взаимосвязанного виртуального опыта с использованием таких технологий, как VR и AR, благодаря чему пользователи могут общаться с друзьями, работать, играть, учиться, делать покупки⁶. В докладе McKinsey отмечается, что метавселенная – это развивающееся цифровое пространство с поддержкой 3D, которое использует виртуальную реальность, дополненную реальность и другие пере-

³ Понятие виртуального мира активно развивалось в игровом и кинематографическом поле: в 1978 г. появился MUD1, первый многопользовательский виртуальный мир в режиме реального времени; в 1982 г. – «Трон» – первый фильм, в котором представлена цифровая реальность; в 1984 г. – «Нейромант» – роман, популяризовавший термин «киберпространство», которое представляло миллиарды «киберпользователей»; в 1992 г. – писатель Н. Стивенсон ввел термин «метавселенная» в своем научно-фантастическом романе «Лавина», где описывается преемник интернета, основанный на виртуальной реальности; в 1999 г. вышел фильм «Матрица», в котором представлено человечество в виртуальной реальности; в 2003 г. создана Second Life – первая платформа, позволяющая пользователям «жить» в виртуальном мире (количество активных пользователей в месяц превысило 1 млн в 2007 г.); в 2006 г. – Roblox – многопользовательская игровая платформа, число ежедневных активных пользователей которой в феврале 2022 г. превысило 55 млн; в 2018 г. появился фильм «Первому игроку приготовиться», представляющий полноценный виртуальный мир под названием «Оазис»; в 2021 г. – Facebook (признана экстремистской организацией и запрещена на территории Российской Федерации) становится «Meta», нацеливаясь на создание экосистемы метавселенной, инвестиции превышают 10 млрд долларов в 2021 г.

⁴ *Metaverse* [Online] // Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/metaverse> (Accessed March 28, 2023).

⁵ Meta Platforms Inc. (социальные сети Facebook, Instagram). Организация признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

⁶ *Stassen M.* Watch out Fortnite and Roblox: Facebook is building a metaverse all of its own [Online] // Music business worldwide. 2021. 18 Oct. URL: <https://www.musicbusinessworldwide.com/watch-out-fortnite-and-roblox-facebook-is-building-a-metaverse-all-of-its-own> (Accessed March 28, 2023).

довы интернет-технологии, полупроводниковые технологии, позволяющие людям получать опыт онлайн⁷.

Существуют и более лаконичные трактовки. Например, Х. Диас и его коллеги определяют метавселенную как иммерсивное, трехмерное (3D), виртуальное и многопользовательское онлайн-пространство (Díaz et al., 2020, p. 95). Р. Моро-Висконти понимает под ней сеть трехмерных виртуальных миров, ориентированных на социальные связи; набор виртуальных пространств, где человек может создавать и исследовать что-то совместно с другими людьми, которые не находятся в том же физическом пространстве (Moro-Visconti, 2022, p. 18).

Чтобы внести некоторую ясность в представление о сути концепции метавселенной, М. Болл назвал семь признаков, которые характеризуют это явление (Ball, 2020)⁸:

- 1) бесконечность – нет временных ограничений, никогда не заканчивается;
- 2) синхронность – события происходят в режиме реального времени, имитируя жизнь;
- 3) отсутствие ограничений для одновременного нахождения пользователей – каждый является частью метавселенной в любое время;
- 4) полностью функционирующая экономика – возможность «производить» и «потреблять» блага;
- 5) пространство, охватывающее все возможности, предоставляемые цифровым и аналоговым мирами;
- 6) совместимость и синхронность – данные, контент, цифровые платформы и другие используемые предметы взаимодополняемы и взаимозаменяемы;
- 7) генерирование контента каждым участником.

Обобщая отмеченные выше черты метавселенной, М. Болл определил ее как масштабируемую и совместимую сеть визуализируемых в реальном времени виртуальных 3D-миров, которые могут синхронно и постоянно восприниматься практически неограниченным числом пользователей с индивидуальным ощущением присутствия и непрерывностью данных, таких как личность, история, права, объекты, коммуникации и платежи (Ball, 2022, p. 308).

Учитывая предметную область данной работы, за основу нами было взято определение, предложенное С. Мистакидисом, который описывает метавселенную как взаимосвязанную сеть социальных сетевых иммерсивных сред в устойчивых многопользовательских платформах. Она основана на конвергенции виртуальной реальности (VR) и дополненной реальности (AR), которые позволяют мультисенсорно взаимодействовать с виртуальными средами, цифровыми объектами и людьми (Mystakidis, 2022, p. 487, 492).

⁷ What is metaverse? [Online] // McKinsey & Company. 2022. 18 Aug. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/mckinsey-explainers/what-is-the-metaverse> (Accessed March 28, 2023).

⁸ Ball M. The metaverse: What it is, where to find it, and who will build it [Online] // Matthew L. Ball website. 2020. 13 Jan. URL: <https://www.matthewball.vc/all/themetaverse> (Accessed March 27, 2023).

Отметим, что концепция метавселенной начала стремительно набирать популярность, проникая в общественный дискурс, с 2021 года (рис. 2). Точкой отсчета стали заявления руководителя компании Meta⁹ М. Цукерберга о начале разработки нового проекта создания «трехмерного Интернета». Тогда М. Цукерберг отметил, что «метавселенная – это следующее поколение Интернета»¹⁰.

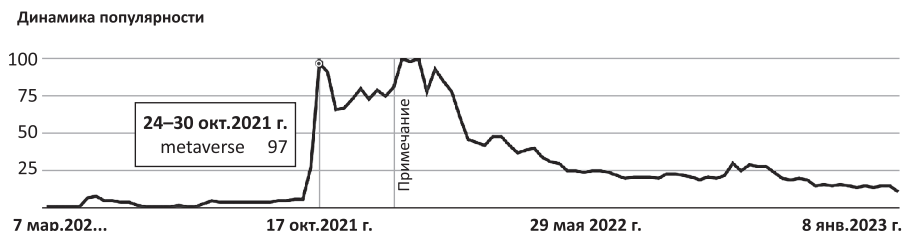

Рис. 2. Динамика популярности запроса “metaverse” в Google Trends с 1 марта 2021 года по 1 марта 2023 / Fig. 2. The dynamics of the popularity of the query “metaverse” in Google Trends from March 1, 2021 to March 1, 2023

Примечание: Методика подсчета: нормализованный показатель отношения количества запросов слова “metaverse” в Google к общему количеству запросов в мире за определенный отрезок времени.

Источник: Google Trends.

Сегодня глобальность тренда и перспективы развития метавселенной отмечают многие эксперты и аналитические компании. По данным Gartner, в 2026 году 25 % пользователей будут проводить в метавселенных около часа в день, имея доступ к множеству сервисов¹¹. Отчет Statista демонстрирует, что к 2030 году мировой доход от метавселенной превысит 490 млрд долларов¹². Доклад Citi “GPS: Global Perspectives & Solutions” прогнозирует рост экономики метавселенной от 8 до 13 трлн долларов¹³.

Постепенно метавселенные вливаются в повседневную жизнь человека. Выгоды и функциональность цифровых технологий Web 3.0 уже оценили десятки тысяч частных компаний, многие из которых начали инвестиционные проекты разработки метавселенных.

⁹ Meta Platforms Inc. (соцсети Facebook, Instagram). Организация признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

¹⁰ Newton C. Mark in the metaverse. Facebook’s CEO on why the social network is becoming ‘a metaverse company’ [Online] // The Verge. 2021. 22 July. URL: <https://www.theverge.com/22588022/mark-zuckerberg-facebook-ceo-metaverse-interview> (Accessed March 23, 2023).

¹¹ Rimol M. Gartner predicts 25 % of people will spend at least one hour per day in the Metaverse by 2026. Metaverse hype to transition into new business models that extend digital business [Online] // Gartner. 2022. 7 Feb. URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2022-02-07-gartner-predicts-25-percent-of-people-will-spend-at-least-one-hour-per-day-in-the-metaverse-by-2026> (Accessed March 24, 2023).

¹² Alsop T. Metaverse market size worldwide 2021–2030 [Online] // Sttista. 2023. 12 Apr. URL: <https://www.statista.com/statistics/1295784/metaverse-market-size/> (Accessed Apr. 12, 2023).

¹³ Metaverse and money. Decrypting the future [Online] // Citi’s 10th Digital Money Symposium 2023. 2022. 30 March. URL: https://icg.citi.com/icghome/what-we-think/citigps/insights/metaverse-and-money_20220330 (Accessed March 24, 2023).

Тренд на метавселенные проникает и в государственный сектор. Специалисты в области IT и государственного управления высоко оценивают потенциал внедрения Web 3.0, определяя цифровые технологии данного поколения в качестве успешного стратегического вложения (Thomason, 2022). Экосистема метавселенной предоставляет широкий спектр инструментов и возможностей для решения целого перечня задач современного государства. Метавселенные и сопутствующие технологии (искусственный интеллект, блокчейн, виртуальная реальность, интернет вещей) уже появляются в реальных практиках государственного управления. Так, пристальное внимание и повышенный интерес государственного сектора к NFT и метавселенной отмечены в Японии, Республике Корея, Китае¹⁴. На сегодняшний день именно эти страны первыми начали активно разрабатывать проекты по внедрению Web 3.0 на государственном уровне.

Влияние новых технологий на государственное управление

Стремительное развитие цифровых технологий, информационного общества и переход к постинформационной эпохе актуализируют изучение проблем и перспектив совершенствования государственного управления, связывая данную область с внедрением новых технологий (Кочетков и Мамычев, 2023; Грачев и Евстифеев, 2020).

В рамках поиска оптимальных моделей государственного управления с середины 1980-х – начала 1990-х годов стали появляться теории, рассматривающие возможности усовершенствования и повышения эффективности системы госуправления на основе внедрения информационно-коммуникационных технологий. Впервые о таком векторе реформирования заговорили при реализации административных реформ на основе теории New Public Management, признающей возможность технологизации деятельности «государственной машины» для повышения ее результативности. Согласно новому государственному менеджменту, цифровизация и технологии «без единого клика», не требующие человеческого вмешательства, способствуют выстраиванию новых отношений между государством и обществом по модели «принципал – агент» (Холодная, 2018, с. 194–195). Значительное место продвижению цифровых технологий отводится и в концепции Good Governance, согласно которой цифровые технологии необходимы для достижения оптимального доступа граждан к государственной информации и прозрачности управления (Стрижов и др., 2018, с. 43).

Стремительное развитие информационного общества, усовершенствование и массовое распространение информационно-коммуникационных технологий, рост запросов граждан к уровню предоставления услуг – все это подготовило базу для формирования новой концептуальной парадигмы, выраженной в модели электронного правительства. Впервые появившись в конце 1990-х годов, концепция предложила иное видение применения электронных технологий в управлении с целью повышения эффективности,

¹⁴ Search interest of consumers in the search term “NFT” in 206 different countries and territories worldwide from December 2021 to November 2022 [Online] // Sttista. 2022. Nov. URL: <https://www.statista.com/statistics/1265980/nft-online-search-interest-country/> (Accessed March 24, 2023).

транспарентности и расширения участия негосударственных акторов в деятельности государства. Согласно модели электронного правительства, внедрение технологий позволит оптимизировать внутренние правительственные процессы, переориентировать управление и предоставление услуг в сторону потребителя, расширить коммуникационные каналы для вовлечения граждан в дела государства (Павлютенкова, 2019, с. 128). Концепция электронного правительства предусматривала повышение эффективности и прозрачности в государственном секторе за счет оцифровки существующих процессов и интеракций с обществом, но не меняла устоявшиеся практики управления.

Дальнейшее развитие цифровых технологий и растущие запросы информационного общества постепенно вскрывают ограничения и противоречия данной концепции, которая перестает вписываться в общемировой тренд развития. В середине 2010-х годов идеи модернизации государства стали связывать с управленческим потенциалом «второй волной цифрового государственного управления» – появилась концепция Digital Era Governance (DEG) (Margetts and Dunleavy, 2013). DEG «включает цифровую централизацию за счет интеграции управленческих задач в большие базы данных, основанную на холизме организацию удовлетворения потребностей граждан, использование технологий Web 2.0 и социальных сетей... Сторонники DEG полагают, что цифровая революция значительно улучшает условия для организационной интеграции и централизации, используя Big Data для обработки информации» (Купряшин и Шрамм, 2019, с. 213). Данная теория значительно расширяет роль цифровых технологий, определяя, что цифровая трансформация способствует модификации принятия управленческих решений.

Экспоненциальное развитие цифровых технологий и повсеместное распространение практик их применения – все это способствовало дальнейшему развитию теоретических аспектов и нашло отражение в более концентрированной модели цифрового правительства. О начале контекстуального формирования и перехода к новой концепции впервые было заявлено в 2012 году в отчете ООН¹⁵. Стремительно модифицируясь в соответствии с темпом развития цифровых технологий, цифровое правительство сегодня является одной из передовых и самых популярных моделей трансформации государственного управления. Согласно концепции, реформирование госуправления при помощи цифровых технологий должно осуществляться комплексно, что подразумевает не просто оцифровку процессов, но внедрение «цифры» с дальнейшей трансформацией системы и устоявшихся практик деятельности государства. Иными словами, успешная реализация цифрового правительства – это гармоничное развитие технологической базы и концептуальных основ. В качестве основы построения цифрового правительства выделяют технологии нового поколения: искусственный интеллект, большие данные, блокчейн, интернет вещей, облачные и квантовые технологии. Модель предполагает, что внедрение данных технологий не просто ускорит процессы и повысит эффективность государственного сектора, а трансформирует все

¹⁵ United Nations E-Government Survey-2012: E-government for the people [Online] // Official website of the United Nations. 2012. 15 March. URL: <https://www.un.org/en/desa/united-nations-e-government-survey-2012-e-government-people> (Accessed March 25, 2023).

процессы в сторону гибкости, адаптивности, оперативности, открытости, интерактивности, инклюзивности, проактивности и децентрализации.

Сегодня развитие концепции связывается с технологией метавселенной. Тренд на создание метавселенных проявляется в значительном росте темпов их создания, вложений и пользовательской аудитории. Новая технология представляется весьма перспективной для системы управления; ее использование позволит государственному сектору решить довольно обширный круг вопросов, среди которых повышение качества ряда операций и предоставления услуг, упрощение процедур взаимодействия и развитие коммуникации с гражданами¹⁶. Метавселенная даст возможность полностью реализовать потенциал трехмерности (согласно модели «тройной спирали» Г. Ицковица), сетевых коммуникаций и алгоритмического управления социальными процессами. Отметим, однако, что наравне с возможностями метавселенная приносит и новые риски, которые еще предстоит осознать.

Постепенно правительства начинают понимать преимущества метавселенной, о чем свидетельствует рост интереса, проявляемый в принятии соответствующих нормативно-правовых актов и практических действиях по реализации данной технологии.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Зачастую развитие информационно-коммуникационных технологий тесно связано с повышением эффективности государственного управления, а каждый новый уровень цифровизации существенно изменяет взаимодействие государства и общества. Однако, как справедливо отмечает А. И. Соловьев, конкретные формы и новые оттенки взаимоотношений власти и населения, по-своему реагирующих на качественное расширение цифровых механизмов политической коммуникации и демонстрирующих особые версии использования этих инструментов, зависят от конкретного политического режима и стратегии правящих акторов (Соловьев, 2022b, с. 58–62). В этой связи в рамках данной статьи целесообразно сравнить ключевые индикаторы государственного управления упомянутых ранее Японии, Республики Кореи и Китая.

Во все времена колоссальные политические, экономические и социальные потрясения вызывали повсеместный всплеск желания понять и оценить наблюдаемые события, а также попытаться их проанализировать с целью минимизации рисков в будущем. Растущая потребность академического сообщества добиться понимания сложных социально-политических процессов современного мира создает потребность в универсальных измерителях, то есть в индексах, рейтингах, ранкингах и пр.

В настоящий момент существует довольно большое количество общепризнанных подходов и методик к анализу политических и социально-экономических систем: рейтинги эффективности государств (IDA Country Performance Rating, Country Policy and Institutional Assessment), индекс вос-

¹⁶ Pratt M. K. 10 real-world use cases of the metaverse, plus examples [Online] // TechTarget. 2022. 22 Nov. URL: <https://www.techtarget.com/searchcio/feature/Examples-of-the-metaverse-for-business-and-IT-leaders> (Accessed March 26, 2023).

приятия коррупции (Corruption Perceptions Index), индекс свободы в мире (Freedom in the World), индекс политической нестабильности (Political Instability Index), индекс демократии (Economist Intelligence Unit), проект корпорации “Societal-Systems Research” и Университета Мэриленда – «Полития» (Polity) и др. В статье будут использоваться Worldwide Governance Indicators (WGI) – индикаторы государственного управления, разработанные Всемирным банком. Основное назначение WGI – сбор показателей, измеряющих состав и эффективность системы государственного управления в рамках укрупненных шести групп:

- 1) политическая стабильность и отсутствие насилия (Political Stability and Absence of Violence Indicator);
- 2) эффективность работы правительства (Government Effectiveness Indicator);
- 3) качество законодательной системы (Regulatory Quality Indicator);
- 4) верховенство закона (Rule of Law Indicator);
- 5) борьба с коррупцией (Control of Corruption Indicator);
- 6) право населения участвовать в выборах и подотчетность властных структур (Voice and Accountability Indicator).

Показатели формируются на основе данных исследовательских центров, неправительственных и международных организаций. Страны по каждому из критериев получают свой рейтинг – от –2,5 до +2,5, общий рейтинг не составляется.

Согласно методике WGI агрегированные показатели для Китая, Республики Кореи и Японии выглядят следующим образом (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Показатели государственного управления: Китай, Республика Корея, Япония /
Worldwide Governance Indicators: China, Republic of Korea, Japan**

Показатель WGI	Год	Страна		
		Китай	Республика Корея	Япония
Политическая стабильность и отсутствие насилия	2012	–0,54	0,27	0,95
	2015	–0,55	0,16	1,07
	2018	–0,30	0,64	1,05
	2021	–0,48	0,66	1,03
Эффективность работы правительства	2012	0,00	1,08	1,41
	2015	0,44	1,01	1,78
	2018	0,52	1,18	1,67
	2021	0,84	1,41	1,40
Качество законодательной системы	2012	–0,28	0,87	1,14
	2015	–0,34	1,11	1,21
	2018	–0,22	1,10	1,34
	2021	–0,31	1,10	1,38

Показатель WGI	Год	Страна		
		Китай	Республика Корея	Япония
Верховенство закона	2012	–0,55	0,98	1,35
	2015	–0,39	0,93	1,51
	2018	–0,17	1,23	1,53
	2021	0,04	1,13	1,58
Борьба с коррупцией	2012	–0,44	0,50	1,62
	2015	–0,27	0,37	1,57
	2018	–0,26	0,60	1,42
	2021	0,05	0,76	1,57
Право населения участвовать в выборах и подотчетность властных структур	2012	–1,64	0,73	1,10
	2015	–1,66	0,63	0,99
	2018	–1,46	0,79	0,98
	2021	–1,64	0,93	1,08

Источник: составлено авторами на основе данных WGI¹⁷.

Вполне очевидно, что политический процесс трансформируется под влиянием цифровизации. Современные инструменты цифрового управления в равной степени эффективно используются как в либеральных демократиях, так и в классических автократиях (с опорой на ценностные основы конкретного общества). Следует учесть, что внедрение цифровых технологий происходит вне зависимости от региона и типа политического режима.

Остановимся подробнее на примерах внедрения метавселенных в практики государственного управления Японии, Республики Корея и Китая.

Опыт Китая

В настоящее время среди мощных технологических держав стремительно укрепляет свои позиции Китай. Если на первых порах китайская модель цифровизации базировалась на клонировании зарубежных достижений в области технологий, то сейчас страна активно развивается в сторону создания собственного независимого рынка инноваций. Вступив на путь разработки цифровых технологий в конце XX века, Поднебесная сделала данное направление приоритетным лишь во второй половине 2010-х годов. Несмотря на такое замедление, страна смогла за короткий срок добиться значительных успехов в развитии ИТ-сектора. Активно включившись в цифровую гонку, Китай открыто заявил о стремлении стать лидером в сфере цифровой трансформации, и это неоднократно подчеркивало правительство, фиксируя свои цели в стратегических документах¹⁸.

¹⁷ *Worldwide Governance Indicators* [Online] // Official website of the World Bank. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Reports> (Accessed March 10, 2023).

¹⁸ 国务院关于印发 新一代人工智能发展规划的通知 [Online] // Official website of the State Council of the People's Republic of China. 2017. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (Accessed March 22, 2023); 十四五”国家信息化规划》专家谈:加快数字化转型构建“十四五”人力资源和社会保障信息化发展新格局 [Online] // Official website of the Cyberspace

Об осязаемых успехах китайской стратегии свидетельствует множество рейтингов, в которых страна за последние несколько лет значительно улучшила свои показатели. По индексу электронного правительства ООН Китай занимает 45-е место в общем рейтинге, впервые присоединившись к группе стран с очень высоким классом оценки в 2020 году¹⁹. Цифровой прогресс Китая фиксирует рейтинг Digital Evolution Scorecard. Согласно отчету, КНР относится к перспективным странам, значительно опережающим другие государства своей группы. Страна отличается развитым цифровым законодательством, ускоренным развитием инноваций и институциональной среды²⁰.

Высшие эшелоны власти КНР понимают необходимость внедрения новых технологий, среди которых искусственный интеллект, большие данные, блокчейн. С 2022 года наметился вектор на освоение менее применимой на данный момент технологии Web 3.0 – метавселенной.

Первые шаги по созданию метавселенной отмечены в Шанхае, где в течение ближайших пяти лет Web 3.0 станет одним из четырех ведущих направлений исследований. В 2022 году администрация Шанхая опубликовала стратегию развития метавселенной с прогнозируемым общим объемом 52 млрд долларов к концу 2025 года²¹. В центре внимания оказались облачные технологии, 5G, чипы и гарнитура виртуальной реальности. Стратегия вбирает ряд направлений в области цифровой трансформации государственного управления и предоставления услуг. Среди ключевых – повышение научного характера управления и переход на обслуживание граждан при помощи цифрового персонала, что подразумевает круглосуточное предоставление услуг с повышением качества. Важными разделами стратегии являются укрепление организационного лидерства (развитие сотрудничества, продвижения и координации метавселенной), повышение узнаваемости локальных брендов на мировом уровне (бенчмаркинг; поощрение участия китайских компаний в разработке и применении технологий Web 3.0 как в стране, так и за рубежом), ускоренный набор и поддержка талантов (система поощрения и удержания талантов; содействие университетам в области создания и внедрения дисциплин, связанных с Web 3.0), содействие открытому сотрудничеству (укрепление международного обмена; поощрение международных компаний, работающих в Китае; использование международных научно-исследовательских ресурсов). Стратегия охватывает широкий перечень сфер, в которых власть намерена поощрять использование метавселенной.

Administration of China. 2022. URL: http://www.cac.gov.cn/2022-03/17/c_1649124768926971.htm (Accessed March 22, 2023).

¹⁹ Исследование ООН: Электронное правительство 2020: Цифровое правительство в десятилетия действий по достижению устойчивого развития (с дополнением по реагированию на COVID-19). Нью-Йорк: ООН, 2020. С. 260 [Электронный ресурс]. URL: <https://nonews.co/wp-content/uploads/2020/10/eGov2020.pdf> (дата обращения: 22.03.2023).

²⁰ Chakravorti B., Bhalla A., Shankar Chaturvedi R. Which economies showed the most digital progress in 2020? [Online] // Harvard Business Review. 2020. 18 Dec. URL: <https://hbr.org/2020/12/which-economies-showed-the-most-digital-progress-in-2020> (Accessed March 22, 2023).

²¹ 上海市人民政府办公厅关于印发促进绿色低碳产业发展、培育“元宇宙”新赛道、促进智能终端产业高质量发展等行动方案的通知 [Online] // Official website of the Shanghai Municipal People's Government. 2022. URL: <https://www.shanghai.gov.cn/nw12344/20220708/ab632a9b29b04ed2adce2dbcb789412c.html> (Accessed March 25, 2023).

Шанхай планирует вкладываться в развитие более десяти отечественных компаний, осваивающих технологии метавселенной, стимулировать развитие цифровых технологий и цифровой индустрии в рамках укрепления передовых технологических достижений с перспективой международной конкуренции. Китай стремительно развивает Шанхай, ставя перед собой глобальные цели по превращению города в международную цифровую столицу. Отметим, что данная особенность, а именно создание и реализация пилотных проектов на уровне наиболее развитых городов, характерна для Китая. Шанхай особенно выделяется локальными инициативами в прорывных технологиях, опыт которых впоследствии переносится на всю страну (например, сервисный портал государственных услуг). Данный вектор четко прослеживается в принятой стратегии, фиксирующей масштабные и крайне амбициозные цели, реализовать которые возможно лишь на уровне государства.

Наблюдая поддержку со стороны правительства в развитии метавселенной, частные компании активизируют разработки в данном направлении. О росте заинтересованности говорят и цифры. Согласно данным Zhiyan Consulting, с января по апрель 2022 года объем инвестиций и финансирования китайского рынка метавселенной составил 8,12 млрд юаней, что превысило уровень вложений за весь 2021 год²².

С самых первых шагов развития метавселенной китайское правительство традиционно удерживает сильные позиции контролера, что объясняется не только господствующим режимом, но и вытекающими из него особенностями создания и развития цифровых технологий в стране. Концепцию китайской метавселенной отличает главным образом то, что она зависит от централизованного блокчейна, принадлежащего китайскому правительству²³. Используя локальные пилоты, власти КНР формируют собственную парадигму развития «метавселенная Китай», которая будет применяться по всей стране²⁴. Разработкой общей концепции, а также развитием законодательства уже занялся новый комитет по метавселенной – Metaverse Industry Committee, о создании которого было объявлено государственной организацией China Mobile Communications Association²⁵.

Опыт Республики Корея

Республика Корея является одним из абсолютных цифровых лидеров мирового масштаба. Страна традиционно занимает ведущие позиции и стабильно задает тон в области создания и внедрения цифровых технологий,

²² 2022–2028年中国元宇宙行业市场调查研究及投资策略研究报告 [Online] // Website of the Zhiyan Consulting. 2022. 1 March. URL: <https://www.chyxx.com/research/202203/997295.html> (Accessed March 15, 2023).

²³ Chaabane R. Is the Chinaverse ready to take over the world? China seems to be developing a whole new offer for the metaverse, just as it did with web 2.0. [Online] // Campaign. 2022. 29 July. URL: <https://www.campaignasia.com/article/is-the-chinaverse-ready-to-take-over-the-world/480672> (Accessed March 15, 2023).

²⁴ Catterall P. Forecasting the “Chinaverse” in a Web3 future [Online] // Pandaily. 2022. 29 July. URL: <https://pandaily.com/forecasting-the-chinaverse-in-a-web3-future/> (Accessed March 15, 2023).

²⁵ Раскина А. Какое будущее ждет метавселенные Китая [Электронный ресурс] // Maff. 2022. 21 янв. URL: https://maff.io/media/metaverse_china/ (дата обращения: 23.03.2023).

что демонстрирует высокий уровень адаптивности политического режима к инновациям и постоянную поддержку новых разработок.

Лидерство Кореи в цифровой трансформации подтверждает множество индексов и рейтингов. Согласно отчету ООН, Республика Корея имеет самый высокий показатель развития электронного правительства в Азии, занимая 2-е место в общем рейтинге²⁶. Страна признана мировым лидером в сфере предоставления онлайн-услуг с показателем OSI в 1.000²⁷. Рейтинг Организации экономического сотрудничества и развития в 2019 году поместил Республику Корею на первое место в сфере реализации цифрового правительства, отмечая крайне высокие индексы по всем показателям²⁸. Цифровое лидерство страны подтверждает и рейтинг Digital Evolution Scorecard за 2020 год. Согласно отчету, Корея отличается высоким уровнем цифровизации государственного сектора, вложениями в развитие инноваций и стремительным развитием экономики²⁹.

Одно из ключевых преимуществ Кореи – развитая нормативно-правовая база и перечень программных документов: стратегия развития электронного правительства, ежегодный генеральный план развития электронного правительства, стратегия развития умного правительства, генеральный план развития умного правительства, план содействия экономики данных и искусственного интеллекта, генеральный план по развитию блокчейна и т. д. Внушающее количество нормативно-правовых актов свидетельствует о четком понимании правительством плана развития и внедрения цифровых технологий в государственный сектор.

Не желая снижать уровень цифровой трансформации и терять лидерские позиции, Корея одной из первых стран обратила внимание на Web 3.0. Вектор развития технологий Web 3.0 был обусловлен стремлением правительства продолжать стабильное повышение эффективности государственного управления и улучшение жизни общества в целом. В 2020 году корейским правительством была представлена стратегия “Korean New Deal”³⁰, направленная на развитие страны за счет цифровых проектов. Стратегия включает в себя три раздела, один из которых – «Цифровой новый курс». Главная цель проекта – развитие потенциала страны для дальнейшего укрепления ведущих позиций в области цифровых технологий. Среди приоритетов развития обозначены технологии Web 3.0, искусственный интеллект, интернет вещей, блокчейн, большие данные.

Правительство активно стремится к достижению поставленных целей. Сегодня Корея – первая в мире страна, которая на уровне государства начала разрабатывать официальную стратегию развития метавселенной, а также

²⁶ Исследование ООН ... С. 263.

²⁷ Там же.

²⁸ Digital Government Index: 2019 results [Online] // OECD Public Governance Policy Papers. 2020. No. 03. P. 54. <https://dx.doi.org/10.1787/4de9f5bb-en>. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/governance/digital-government-index_4de9f5bb-en (Accessed March 22, 2023).

²⁹ Chakravorti B., Bhalla A., Shankar Chaturvedi R. Op cit.

³⁰ Korean New Deal. National strategy for a great transformation [Online] // Official website of the Government of the Republic of Korea. 2020. July. URL: <https://english.moef.go.kr/skin/doc.html?fn=Korean%20New%20Deal.pdf&rs=/result/upload/mini/2020/07/> (Accessed March 22, 2023).

средне- и долгосрочную дорожные карты исследований и разработок Web 3.0. Стратегия базируется на четырех направлениях: создание устойчивой экосистемы платформы метавселенной и условий для ее развития; повышение профессионализма цифровых кадров и преодоление цифрового неравенства; поддержка ведущих отечественных компаний (малый и средний бизнес) и стартапов как будущих конкурентов глобальных компаний; создание «образцового мира» при помощи выработки универсальной этики функционирования³¹. Корея провозгласила цель стать ведущей страной глобальной метавселенной, для достижения чего было объявлено о выделении около 200 млн долларов на финансирование проектов³². Активные разработки ведутся в области цифровых валют, тестирование которых уже завершено Банком Кореи³³.

Власти возлагают на новую стратегию большие надежды и предполагают, что она позволит Корее быстрее реагировать на прорывные технологии и быть готовой к будущим изменениям. О первых практических попытках реализации инициатив было объявлено в 2022 году. Корея стала первой страной, запустивший проект переноса столицы в метавселенную (Metaverse Seoul). Там граждане могут получать официальные документы, оставлять жалобы и уточнять информацию в области налогообложения³⁴. Данный функционал способствует повышению уровня персонализации и удобства предоставляемых государственных услуг, что в полной мере планируется реализовать на втором этапе проекта. Ключевыми технологиями станут блокчейн и криптовалюта, что в перспективе позволит расширить функционал метавселенной, включая развитие инвестиций и управление инфраструктурой³⁵.

Опыт Японии

Одной из первых стран, на государственном уровне официально заявивших курс на использование Web 3.0, стала Япония. Премьер-министр Ф. Кисида первым из государственных деятелей стал особо подчеркивать в своих речах важность поддержки развития Web 3.0, называя цифровые технологии данного поколения основой для цифровой трансформации и реформирования экономики страны³⁶.

³¹ 석간 (보도) 메타버스 신산업 선도전략 발표 [Online] // Official website of the Ministry of Science and ICT. 2022. 21 Jan. URL: <https://www.msit.go.kr/bbs/view.do?sCode=user&mPid=112&mId=113&bbsSeqNo=94&nttSeqNo=3181303> (Accessed March 28, 2023).

³² MSIT to announce pan-government strategy on metaverse [Электронный ресурс] // Official website of the Ministry of Science and ICT. 2022. 20 Jan. URL: <https://www.msit.go.kr/eng/bbs/view.do?sCode=eng&mPid=2&mId=4&bbsSeqNo=42&nttSeqNo=621> (Accessed March 28, 2023).

³³ Thompson C. South Korea launches Metaverse replica of Seoul [Online] // CoinDesk. 2023. 17 Jan. URL: <https://www.coindesk.com/web3/2023/01/17/south-korea-launches-metaverse-replica-of-seoul/> (Accessed March 22, 2023).

³⁴ Bhardwaj Sh. Seoul opens city's Metaverse Seoul project to the public [Online] // India Forbes. 2023. 18 Jan. URL: <https://www.forbesindia.com/article/cryptocurrency/seoul-opens-citys-metaverse-seoul-project-to-the-public/82637/1> (Accessed Apr. 9, 2023).

³⁵ Ibidem.

³⁶ 岸田総理「Web3は日本の経済成長につながると確信」衆院予算委員会で環境整備の必要性に言及 [Online] // CoinPost. 2022. 26 May. URL: <https://coinpost.jp/?p=353466> (Accessed March 22, 2023).

Пионерские шаги Японии к «новым технологиям будущего» – закономерная тенденция, учитывая высокий уровень цифровизации в стране. Анализ различных индексов внедрения цифровых технологий продемонстрировал, что Япония занимает одну из ведущих позиций. Согласно отчету ООН, Япония входит в самый высокий класс оценки и в число мировых лидеров электронного правительства, занимая 14-е место в общем рейтинге³⁷. Страна добилась ощутимых успехов в реализации концепции цифрового правительства. В рейтинге Организации экономического сотрудничества и развития 2019 года Япония расположилась на 5-м месте, демонстрируя высокие показатели сразу по шести критериям³⁸. Однако рейтинг Digital Evolution Scorecard за 2020 год относит Японию к «замедляющимся странам» со стабильными показателями. Можно предположить, что поддержка Web 3.0 со стороны правительства позволит стране ускорить свою цифровую трансформацию и будет способствовать росту экономики³⁹.

Впервые про намерение развивать Web 3.0 Ф. Кисида заявил в мае 2022 года в ходе встречи с потенциальными инвесторами в Великобритании. Тогда премьер-министр обозначил решимость Японии в проведении необходимых институциональных реформ с целью создания благоприятной среды для привлечения инвестиций и организации новых услуг на базе Web 3.0. Среди правительственных мер поддержки Ф. Кисида назвал помощь в развитии новых стартапов и технологических компаний. Говоря о важности новых цифровых технологий для экономического роста Японии, премьер-министр акцентировал внимание на необходимости продвижения среды Web 3.0 и с политической точки зрения. Как отметил глава правительства, Web 3.0 станет ключевым фактором в области создания национальных стратегий и целей Японии в ближайшие годы⁴⁰.

Поворотным моментом стала речь Ф. Кисиды в парламенте в мае 2022 года. Это во многом программное заявление не просто отразило решимость создания передовой среды для развития Web 3.0, расширения использования услуг Web 3.0 с целью реформирования экономики и цифровой трансформации государственного управления, но и продемонстрировало реальные меры, принятые правительством, – увеличение инвестиций в метавселенную и NFT⁴¹. Премьер-министр обозначил вектор на привлечение государственных и частных инвестиций в область науки, техники и инноваций, выделив такие ключевые сферы, как искусственный интеллект, квантовая физика и биотехнологии, а также на поощрение объединения японских и зарубежных стартапов-экосистем и сообщил, что разработки в сфере Web 3.0 получают преференции в системе государственных закупок, налоговые льготы и финансовую поддержку⁴².

³⁷ Исследование ООН ... С. 261.

³⁸ Digital Government Index: 2019 results ... P. 54.

³⁹ Chakravorti B., Bhalla A., Shankar Chaturvedi R. Op cit.

⁴⁰ 岸田総理「Web3は日本の経済成長につながると確信」衆院予算委員会で環境整備の必要性に言及 ...

⁴¹ Ibidem.

⁴² 第二百十回国会における岸田内閣総理大臣所信表明演説 [Online] // Official website of the Prime Minister's Office of Japan. 2022. 3 Oct. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/101_kishida/state/ment/2022/1003shoshinhyomei.html (Accessed March 22, 2023).

После программных заявлений штаб продвижения цифрового общества правящей либерально-демократической партии активно принялся за работу по продвижению Web 3.0. Им была выпущена «Цифровая белая книга», которая включает в себя анализ технологий и необходимые меры для их развития в стране⁴³. Отметив внушающие перспективы метавселенной, рынок которой в ближайшие годы превысит 1 трлн йен, штаб определил ряд причин, тормозящих развитие новых технологий и способствующих перетеканию перспективных японских стартапов и кадров за рубеж. Среди них – расплывчатые правила и чрезмерный налоговый гнет⁴⁴. Всего было выделено около 4 млн нормативных актов, которые нуждаются в изменении. Особо были отмечены налоговые и нормативные вопросы, например налог на виртуальные валюты, принадлежащие корпорациям⁴⁵.

Взятый Японией вектор на Web 3.0 представляется довольно масштабным в рамках страны и получает поддержку со стороны политической элиты и государственных деятелей. Например, бывший министр цифровых технологий Т. Хираи не только поддержал действующего премьер-министра, выразив готовность способствовать созданию благоприятной среды для метавселенной, но и предложил собственную стратегию Web 3.0, детально затрагивающую такие ключевые направления, как развитие искусственного интеллекта, блокчейн и NFT⁴⁶.

Несмотря на решимость внедрять Web 3.0, пока у государства отсутствует стратегия и нормативно-правовая база, определяющая развитие и использование новых технологий. В сфере законодательства Web 3.0 упоминается лишь в законе «Инвестиции в экологичность и цифровизацию»⁴⁷. Однако нельзя не замечать определенного движения по намеченному курсу. О внедрении искусственного интеллекта для борьбы с фейковой информацией заявил МИД Японии⁴⁸. Более того, властью был создан специальный офис по продвижению Web 3.0 при Министерстве экономики, торговли и промышленности Японии, цель которого выявление потенциала и возможных рисков внедрения технологий Web 3.0, а также обсуждение вопросов по ускоренному созданию благоприятной среды для частных компаний⁴⁹. Наблюдается определенное развитие и в области криптовалютного рынка: Японская ассоциация обмена виртуальными и криптоактивными активами (JVCEA) выпустила «зеленый список» из 18 популярных и широко используемых криптовалют, с тем чтобы увеличить количество «крипты» внутри страны в соответствии

⁴³ 戦後に次ぐ第2の創業ブームを」岸田総理、Web 3.0推進に向けた環境整備へ意欲 [Online] // CoinPost. 2022. 6 May. URL: <https://coinpost.jp/?p=347588> (Accessed March 22, 2023).

⁴⁴ 第二百十回国会における岸田内閣総理大臣所信表明演説 ...

⁴⁵ 戦後に次ぐ第2の創業ブームを」岸田総理、Web 3.0推進に向けた環境整備へ意欲 ...

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Asahina H. Japan taps AI to defend against fake news in latest frontier of war. Updated security strategy calls for stronger response to disinformation campaigns [Online] // Nikkei Asia. 2023. 9 Jan. URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Technology/Japan-taps-AI-to-defend-against-fake-news-in-latest-frontier-of-war> (Accessed March 22, 2023).

⁴⁹ Web 3.0 policy office established in the minister's secretariat as a cross-departmental internal organization [Online] // METI. 2022. 15 July. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2022/0715_002.html (Accessed March 22, 2023).

с мировым уровнем⁵⁰. Однако реальный опыт работы с новыми технологиями ограничивается пилотными проектами по предотвращению отмывания денег с использованием цифровых токенов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Метавселенные целесообразно рассматривать как многоуровневые, взаимосвязанные интернет-технологии, развитие которых может подтолкнуть позитивные изменения и вместе с тем способствовать расширению угроз и вызовов социально-политическим процессам. Отдельного внимания заслуживает вопрос цифровизации управленческих процессов в государствах, связанный с рисками формирования наднациональных административных институтов, зависящих от ресурсов конкретных медиакорпораций.

Мировой опыт давно и убедительно показал, что характер организации политической власти находится в прямой зависимости от используемых в государстве технических ресурсов и инструментов. Данный тезис ярко продемонстрировал проведенный нами анализ внедрения цифровых технологий в Китае, Республике Корея и Японии.

Китай, являясь авторитарным государством, продемонстрировал отчасти обратную динамику популярного тезиса о прямой взаимосвязи между демократией и повышением эффективности государственного управления на базе цифровых технологий. Власти Китая смогли создать гармоничный подход, включающий приоритет развития инноваций, умеренные изменения в государственном администрировании при сохранении господствующего правления одной партии. Развитие цифрового законодательства, упор на развитие кадров, укрепление институциональной среды вкупе с активными инвестициями в цифровой сектор и поддержкой местных компаний позволили Китаю значительно улучшить свои рейтинговые позиции за крайне короткий период. Начиная с 2015 года правительство КНР отдает приоритет передовым технологиям: искусственному интеллекту, большим данным, блокчейну и 5G. Понимание важности их внедрения в цифровой гонке и необходимости следования общемировому тренду наблюдается во всех эшелонах власти, что отмечено во множестве стратегических документов локального и национального уровня. Вектор на развитие метавселенной является вполне закономерным с учетом всего предшествующего опыта Китая в сфере цифровой трансформации. Власти Поднебесной стремятся не просто закрепить достигнутый прогресс, но и стать лидером в области инноваций.

Прекрасным примером прямой взаимосвязи между показателями эффективности государственного управления и лидерскими позициями в области цифровой трансформации стала Республика Корея. Политика, проводимая ею в сфере цифровизации, демонстрирует впечатляющие результаты: страна занимает топовые позиции по ряду ключевых показателей как в области госу-

⁵⁰ Suzuki W. Japanese crypto exchanges to speed up cryptocurrency listings. Industry body creates 'green list' in bid to catch up with rest of world [Online] // Nikkei Asia. 2022. 22 March. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Cryptocurrencies/Japanese-crypto-exchanges-to-speed-up-cryptocurrency-listings> (Accessed March 22, 2023).

дарственного управления, так и в экономике и развитии инноваций. Анализ рейтингов (см. табл. 1) демонстрирует положительную долгосрочную динамику роста эффективности управления вследствие внедрения цифровых технологий. Принятие первой в мире стратегии создания метавселенной на национальном уровне – это закономерный результат развития выбранного вектора на полную цифровую трансформацию страны. Используя широкий спектр возможностей, предоставляемый метавселенной, правительство страны фокусируется на области управления и предоставления услуг. Не только рейтинги развития демократии, но и реальные действия власти демонстрируют социальную направленность внутренней политики Кореи. Высокий уровень развития и внедрения цифровых технологий вкупе с эффективностью государственного сектора позволяет власти Кореи не просто стремительно развивать данное направление, но задавать тренд на мировом уровне.

Руководство Японии традиционно старается следить за трендами, связывая подъем экономики страны и повышение эффективности управления именно с цифровыми инновациями. Премьер-министр Ф. Кисида – первый государственный деятель, подчеркивающий потенциал применения технологий Web 3.0 в государственном секторе. Его программные речи очертили круг будущих реформ, которые носят комплексный характер: власти нацелены развивать не просто метавселенную, а всю совокупность технологий Web 3.0, представленную масштабной цифровой экосистемой. Активное формирование нормативно-правовой базы, создание руководящих и экспертных органов по развитию и внедрению технологий метавселенной демонстрируют решительность Японии в области цифровой трансформации. Как подтверждают данные (см. табл. 1), на определенном этапе внедрение цифровых технологий позволило Японии значительно повысить ряд показателей эффективности управления. Однако несмотря на традиционно высокие рейтинги развития демократии и реализации цифрового правительства, экономическое развитие страны замедляется. Учитывая множество прогнозов, власти Японии связывают ее экономическое возрождение с огромным потенциалом новой технологии.

Результаты проведенного анализа продемонстрировали, что пристальное внимание власти к цифровым технологиям, гибкое реагирование на новые цифровые тренды, умелое приспособление и продуктивное использование инноваций – это ключевой фактор повышения эффективности государственного управления в современном мире.

Список источников

Ахременко А. С. Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73–91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>.

Бронников И. А., Горбачев М. В. Политическая коммуникация в изменяющемся мире: теория и практика. М.: Изд-во Моск. ун-та. 2022. 540 с.

Вилисов М. В., Телин К. О., Филимонов К. Г. От устойчивости к стабильности: что делает «хорошим» государственное управление // Полития: Анализ.

Хроника. Прогноз. 2020. № 1. С. 7–27. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-96-1-7-27>.

Володенков С. В., Артамонова Ю. Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 188–196. <https://doi.org/10.17223/1998863X/53/20>.

Грачев М. Н., Евстифеев Р. В. Концепт «разрушения правды» в условиях цифрового общества (аналитический обзор) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 2. С. 229–248. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-12>.

Гуров О. Н., Конькова (Кураева) Т. А. Метавселенные для человека или человек для метавселенных [Электронный ресурс] // Искусственные общества. 2022. Т. 17, № 1. 11 с. <https://doi.org/10.18254/S207751800019011-1>. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800019011-1-1/> (дата обращения: 06.04.2023).

Кочетков А. П., Мамычев А. Ю. Государственная политика в цифровую эпоху: основные тренды, сценарии и регуляторные практики // Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 96–113. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.08>.

Купряшин Г. Л., Шрамм А. Е. О принципах датацентризма, сетецентризма и командноцентризма в контексте информатизации государственного управления [Электронный ресурс] // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 76. С. 211–242. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-1010>. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2019/vipusk__76._oktjabr_2019_g./kupryashin_schramm.pdf (дата обращения: 15.02.2023).

Мирошниченко И. В., Морозова Е. В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 82–102. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.06>.

Павлютенкова М. Ю. Электронное правительство vs цифровое правительство в контексте цифровой трансформации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 120–135. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.07>.

Пырма Р. В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2019. Т. 9, № 4. С. 63–69. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-63-69>.

Рвачев Н. А. Революция в мире маркетинга: как web 3.0 меняет лицо бизнеса // Инновации и инвестиции. 2022. № 8. С. 50–53.

Сегал А. П., Костикова А. А. Философские проблемы Метавселенной. Насколько реален виртуальный мир и виртуален реальный? [Электронный ресурс] // Искусственные общества. 2022. Т. 17, № 3. 12 с. <https://doi.org/10.18254/S207751800022099-7>. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800022099-7-1/> (дата обращения: 05.04.2023).

Сегал А. П., Савченко А. В. Метаверс – как это по-русски? О построении ирусского сектора метавселенной [Электронный ресурс] // Искусственные общества. 2021, Т. 16, № 4. 13 с. <https://doi.org/10.18254/S207751800017910-0>. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800017910-0-1/> (дата обращения: 05.04.2023).

Соловьев А. И. Гражданин в потоках цифровизации: коллизии политики и культуры // Вестник Томского государственного университета.

Философия. Социология. Политология. 2022а. № 67. С. 216–230. <https://doi.org/10.17223/1998863X/67/19>.

Соловьев А. И. Латентный функционал публичной политики // Политическая наука. 2022b. № 3. С. 57–79. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.03.03>.

Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда / Пер. с англ. Н. Охотина. М.: Strelka Press, 2019. 336 с.

Стрижов С. А., Богатырева Е. А., Богатырева Т. Г. Трансформация государственного управления в условиях новых вызов. М.: Изд-во «Проспект». 2018. 156 с.

Холодная Е. В. О некоторых перспективах развития электронного государственного управления в условиях цифровой трансформации // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 4. С. 193–198. <https://doi.org/10.37494/2409-1030-2018-4-193-199>.

Южно А. С. Понятие, особенности и перспективы развития концепции метавселенной // Мир новой экономики. 2022. Т. 16, № 4. С. 6–19. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2022-16-4-6-19>.

Ball M. The Metaverse: And how it will revolutionize everything. New York: Liveright, 2022. 370 p.

Cagnina M. R., Poian M. How to compete in the metaverse: The business models in second life [Электронный ресурс] // SSRN Electronic Journal. 2007. Jan. 34 p. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1088779>. URL: <https://ssrn.com/abstract=1088779> (дата обращения: 30.03.2023).

Díaz J. E. M., Saldaña C. A. D., Avila C. A. R. Virtual world as a resource for hybrid education // International Journal of Emerging Technologies in Learning. 2020. Vol. 15, № 15. P. 94–109. <https://doi.org/10.3991/ijet.v15i15.13025>.

Interrante V., Hollerer T. H., Lecuyer A. Virtual and augmented reality // IEEE Computer Graphics and Applications. 2018. Vol. 38, № 2. P. 28–30. <https://doi.org/10.1109/MCG.2018.021951630>.

Knox J. The Metaverse, or the serious business of tech frontiers // Postdigital Science and Education. 2022. Vol. 4. P. 207–215. <https://doi.org/10.1007/s42438-022-00300-9>.

Margetts H., Dunleavy P. The second wave of digital-era governance. A quasi-paradigm for government on the Web // Philosophical Transactions of the Royal Society A. Mathematical, Physical and Engineering Sciences. 2013. Vol. 371, № 1987. Art. № 20120382. <https://doi.org/10.1098/rsta.2012.0382>.

Moro-Visconti R. From physical reality to the Metaverse: A multilayer network valuation // Journal of Metaverse. 2022. Vol. 2, № 1. P. 16–22.

Mystakidis S. Metaverse // Encyclopedia. 2022. Vol. 2, № 1. P. 486–497. <https://doi.org/10.3390/encyclopedia2010031>.

Norris P. Democratic deficit: Critical citizens revisited. New York: Cambridge University Press, 2011. 350 p.

Rosenfeld B. Reevaluating the middle-class protest paradigm: A case-control study of democratic protest coalitions in Russia // American Political Science Review. 2017. Vol. 111, № 4. P. 637–652. <https://doi.org/10.1017/S000305541700034X>.

Theocharis Y., Quintelier E. Stimulating citizenship or expanding entertainment? The effect of Facebook on adolescent participation // New Media & Society. 2016. Vol. 18, № 5. P. 817–836. <http://doi.org/10.1177/1461444814549006>.

Thomason J. Metaverse, token economies, and chronic diseases // *Global Health Journal*. 2022. Vol. 6, № 3. P. 164–167. <https://doi.org/10.1016/j.glohj.2022.07.001>.

Van der Brug W., Eijk C., Franklin M. The economy and the vote. Economic conditions and elections in fifteen countries. New York: Cambridge University Press, 2007. 244 p.

Venkatesan M., Mohan H., Ryan J. R. et al. Virtual and augmented reality for biomedical applications // *Cell Reports Medicine*. 2021. Vol. 2, № 7. Art. № 100348. <https://doi.org/10.1016/j.xcrm.2021.100348>.

Wang F.-Y., Qin R., Wang X. et al. MetaSocieties in Metaverse: MetaEconomics and MetaManagement for MetaEnterprises and MetaCities // *IEEE Transactions on Computational Social Systems*. 2022. Vol. 9, № 1. P. 2–7. <https://doi.org/10.1109/TCSS.2022.3145165>.

Zuboff Sh. The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power. New York: Public Affairs, 2019. 704 p.

Информация об авторах

И. А. Бронников – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры российской политики факультета политологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», 119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1

SPIN-код (РИНЦ): 5433-9137

AuthorID (РИНЦ): 660759

Web of Science ResearcherID: AAC-6658-2020

Scopus Author ID: 57222667771

А. С. Беденкова – студентка 1 курса магистратуры «Искусственный интеллект и цифровые технологии в государственном и корпоративном управлении» факультета государственного управления ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», 119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1

SPIN-код (РИНЦ): 2771-7154

AuthorID (РИНЦ): 1199730

Web of Science ResearcherID: IST-6238-2023

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 14.03.2023; одобрена после рецензирования 21.04.2023; принята к публикации 21.04.2023.

References

Akhremenko, A. S., Stukal, D. K. and Petrov, A. P. (2020), “Network vs message in protest diffusion on social media: Theoretical and data analytics perspectives”, *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 73–91, <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>.

Bronnikov, I. A. and Gorbachev, M. V. (2022), *Politicheskaya kommunikatsiya v izmenyayushchemsya mire: teoriya i praktika* [Political communication in a changing world: Theory and practice], Publishing House of Moscow State University, Moscow, Russia.

Vilisov, M. V., Telin, K. O. and Filimonov, K. G. (2020), "From resilience to stability: What makes good public administration", *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, no. 1, pp. 7–27, <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-96-1-7-27>.

Volodenkov, S. V. and Artamonova, Yu. D. (2020), "Information capsules as a structural component of contemporary political internet communication", *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 53, pp. 188–196, <https://doi.org/10.17223/1998863X/53/20>.

Grachev, M. N. and Evstifeev, R. V. (2020), "The concept of the "truth decay" in a digital society (an analytical review)", *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no. 2, pp. 229–248, <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-12>.

Gurov, O. and Konkova, T. (2022), "Metaverses for human or human for Metaverses", *Artificial Societies*, vol. 17, no. 1, 11 p., <https://doi.org/10.18254/S207751800019011-1> [Online], available at: <https://artsoc.jes.su/s207751800019011-1-1/> (Accessed Apr. 6, 2023).

Kochetkov, A. P. and Mamychyev, A. Yu. (2023), "Russian public policy in the digital age: Trends, scenarios and regulatory practices", *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 96–113, <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.08>.

Kupryashin, G. L. and Schramm, A. E. (2019), "On principles of data, network, and chain-of-command centrality in the context of digital governance", *Public Administration. E-journal*, no. 76, pp. 211–242, <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-1010> [Online], available at: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2019/vipusk__76_oktjabr_2019_g./kupryashin_schramm.pdf (Accessed Feb. 15, 2023).

Miroshnichenko, I. V. and Morozova, E. V. (2017), "Network public policy: Outlines of subject field", *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 82–102, <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.06>.

Pavlyutenkova, M. Yu. (2019), "Electronic government vs digital government in the context of digital transformation", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*, no. 5, pp. 120–135, <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.07>.

Pyrma, R. V. (2019), "The influence of digital communications on political participation", *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, vol. 9, no. 4, pp. 63–69, <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-63-69>.

Rvachev, N. A. (2022), "Revolution in the world of marketing: How web 3.0 is changing the face of business", *Innovations and Investments*, no. 8, pp. 50–53.

Segal, A. and Kostikova, A. (2022), "Philosophical problems of the Metaverse. How real is the Virtual World and how Virtual is the real one?", *Artificial Societies*, vol. 17, no. 3, 12 p., <https://doi.org/10.18254/S207751800022099-7> [Online], available at: <https://artsoc.jes.su/s207751800022099-7-1/> (Accessed Apr. 5, 2023).

Segal, A. and Savchenko, A. (2021), "Metaverse – how is it in Russian? About the Construction of the Russian sector of the Metaverse", *Artificial Societ-*

- ies, vol. 16, no. 4, 13 p., <https://doi.org/10.18254/S207751800017910-0> [Online], available at: <https://artsoc.jes.su/s207751800017910-0-1/> (Accessed Apr. 5, 2023).
- Solovyev, A. I. (2022a), “Latent functionality of public policy”, *Political Science (RU)*, no. 3, pp. 57–79, <https://doi.org/10.31249/poln/2022.03.03>.
- Solovyev, A. I. (2022b), “Citizen in the streams of digitalization: Collisions of politics and culture”, *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 67, pp. 216–230, <https://doi.org/10.17223/1998863X/67/19>.
- Srnicek, N. and Williams, A. (2019), *Izobretaya budushchee: postkapitalizm i mir bez truda* [Inventing the future: Postcapitalism and a world without work], translated by Okhotin, N., Strelka Press, Moscow, Russia.
- Strizhov, S. A., Bogatyreva, T. G. and Bogatyreva, E. A. (2018), *Transformatsiya gosudarstvennogo upravleniya v usloviyakh novykh vyzov* [Transformation of public administration in the context of new challenges], Prospekt, Moscow, Russia.
- Kholodnaya, E. V. (2018), “On some prospects for the development of e-government in the conditions of digital transformation”, *Humanities and Law Research*, no. 4, pp. 193–198, <https://doi.org/10.37494/2409-1030-2018-4-193-199>.
- Yukhno, A. S. (2022), “The concept, features and prospects for the metaverse construct development”, *The World of New Economy*, vol. 16, no. 4, pp. 6–19, <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2022-16-4-6-19>.
- Ball, M. (2022), *The Metaverse: And how it will revolutionize everything*, Liveright, New York, NY, US.
- Cagnina, M. R. and Poian, M. (2007), “How to compete in the metaverse: The business models in second life”, *SSRN Electronic Journal*, Jan., 34 p., <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1088779> [Online], available at: <https://ssrn.com/abstract=1088779> (Accessed March 30, 2023).
- Díaz, J. E. M., Saldaña, C. A. D. and Avila, C. A. R. (2020), “Virtual world as a resource for hybrid education”, *International Journal of Emerging Technologies in Learning*, vol. 15, no. 15, pp. 94–109, <https://doi.org/10.3991/ijet.v15i15.13025>.
- Interrante, V., Hollerer, T. H. and Lecuyer, A. (2018), “Virtual and augmented reality”, *IEEE Computer Graphics and Applications*, vol. 38, no. 2, pp. 28–30, <https://doi.org/10.1109/MCG.2018.021951630>.
- Knox, J. (2022), “The Metaverse, or the serious business of tech frontiers”, *Post-digital Science and Education*, vol. 4, pp. 207–215, <https://doi.org/10.1007/s42438-022-00300-9>.
- Margetts, H. and Dunleavy, P. (2013), “The second wave of digital-era governance. A quasi-paradigm for government on the Web”, *Philosophical Transactions of the Royal Society A. Mathematical, Physical and Engineering sciences*, vol. 371, no. 1987, art. no. 20120382, <https://doi.org/10.1098/rsta.2012.0382>.
- Moro-Visconti, R. (2022), “From physical reality to the Metaverse: A multilayer network valuation”, *Journal of Metaverse*, vol. 2, no. 1, pp. 16–22.
- Mystakidis, S. (2022), “Metaverse”, *Encyclopedia*, vol. 2, no. 1, pp. 486–497, <https://doi.org/10.3390/encyclopedia2010031>.
- Norris, P. (2011), *Democratic deficit: Critical citizens revisited*, Cambridge University Press, New York, NY, US.
- Rosenfeld, B. (2017), “Reevaluating the middle-class protest paradigm: A case-control study of democratic protest coalitions in Russia”, *American Political Science Review*, vol. 111, no. 4, pp. 637–652, <https://doi.org/10.1017/S000305541700034X>.

Theocharis, Y. and Quintelier, E. (2016), “Stimulating citizenship or expanding entertainment? The effect of Facebook on adolescent participation”, *New Media & Society*, vol. 18, no. 5, pp. 817–836, <http://doi.org/10.1177/1461444814549006>.

Thomason, J. (2022), “Metaverse, token economies, and chronic diseases”, *Global Health Journal*, vol. 6, no. 3, pp. 164–167, <https://doi.org/10.1016/j.glohj.2022.07.001>.

Van der Brug, W., Eijk, C. and Franklin, M. (2007), *The economy and the vote. Economic conditions and elections in fifteen countries*, Cambridge University Press, New York, NY, US.

Venkatesan, M., Mohan, H., Ryan, J. R. et al. (2021), “Virtual and augmented reality for biomedical applications”, *Cell Reports Medicine*, vol. 2, no. 7, art. no. 100348, <https://doi.org/10.1016/j.xcrm.2021.100348>.

Wang, F.-Y., Qin, R., Wang, X. et al. (2022), “MetaSocieties in Metaverse: MetaEconomics and MetaManagement for MetaEnterprises and MetaCities”, *IEEE Transactions on Computational Social Systems*, vol. 9, no. 1, pp. 2–7, <https://doi.org/10.1109/TCSS.2022.3145165>.

Zuboff, Sh. (2019), *The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power*, Public Affairs, New York, NY, US.

Information about the authors

I. A. Bronnikov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

SPIN-code (RSCI): 5433-9137

Author ID (RSCI): 660759

Web of Science ResearcherID: AAC-6658-2020

Scopus Author ID: 57222667771

A. S. Bedenkova – 1st year student of the Master's degree program “Artificial Intelligence and Digital Technologies in Public and Corporate Governance”, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

SPIN-code (RSCI): 2771-7154

Author ID (RSCI): 1199730

Web of Science ResearcherID: IST-6238-2023

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 14.03.2023; approved after reviewing 21.04.2023; accepted for publication 21.04.2023.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 2. С. 251–271.

Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 2, pp. 251–271.

Научная статья

УДК 323.1

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-251-271>

ЦИФРОВАЯ ЭКОСИСТЕМА РЕГИОНА: ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ И СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ

Виктор Иванович Абрамов¹✉, Виталий Дмитриевич Андреев²

^{1,2} Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия

¹ viabramov@mephi.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-9471-9408>

² andreeev.1999@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7259-9348>

Аннотация. Введение: в условиях санкций и становления нового технологического уклада требуются новые источники и технологии регионального развития. Цифровая трансформация является национальной целью, и от качества и темпов ее реализации в регионах зависит развитие страны. В России разработаны и реализуются стратегии цифровой трансформации в регионах, вместе с тем поиск подходов к их совершенствованию остается актуальным. Перспективное направление территориального развития – создание региональных экосистем на основе цифровых платформ. **Цель:** проанализировать и обобщить подходы к определению цифровой экосистемы региона, выявить ее структурные компоненты, а также рассмотреть экономические и социальные эффекты при внедрении цифровых экосистем в регионах. **Методы:** системный и структурный подходы, общенаучные методы познания. **Результаты:** на основе анализа подходов к определению цифровой экосистемы региона, зарубежного и отечественного опыта ее построения предложено следующее определение цифровой экосистемы региона. Это цифровая макросреда для взаимодействия граждан, бизнеса и органов власти, способствующая стабильному и устойчивому социально-экономическому развитию региона путем повышения качества управленческих решений за счет организации механизма сбора и обработки информации об инфраструктуре региона в режиме реального времени с использованием сквозных цифровых технологий. Выявлены структурные компоненты цифровой экосистемы региона, к которым относятся сквозные цифровые технологии, цифровая платформа, данные, участники, сетевые взаимодействия, сервисы, права и обязанности участников. Эффективность цифровой экосистемы региона отражается в снижении эксплуатационных затрат на обеспечение цифровой инфраструктуры региона, увеличении доходов регионального бюджета и оптимизации бюджета региона. **Выводы:** построение цифровых экосистем целесообразно на уровне субъектов Российской Федерации. Данный процесс является стратегически значимым, так как дает инструменты для стандартизации регионального управления и обеспечивает переход ко второму и третьему этапам цифровой трансформации государственного управления. Практическая целесообразность построения цифровых экосистем в конкретных регионах и территориях основана на положительном влиянии таких экосистем на общее состояние, функционирование и дальнейшее развитие социально-экономической среды.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, цифровая экосистема региона

Для цитирования: Абрамов В. И., Андреев В. Д. Цифровая экосистема региона: практические аспекты реализации и структурные компоненты // Ars Administrandi (Искусство

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Original article

DIGITAL ECOSYSTEM OF THE REGION: STRUCTURAL COMPONENTS AND OPERATIONAL EFFICIENCY

Victor I. Abramov¹✉, Vitaly D. Andreev²

^{1,2} National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, Russia

¹ viabramov@mephi.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-9471-9408>

² andreev.1999@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7259-9348>

Abstract. Introduction: the situation of sanctions and the formation of a new technological order require new sources and technologies for regional development. Digital transformation is a national goal, and the development of the country depends on the quality and pace of its implementation in the regions. Russia has developed and is implementing strategies for digital transformation in the regions; however, the search for new approaches to their improvement is relevant. A promising area of territorial development is the creation of regional ecosystems based on digital platforms. **Objective:** to analyze and summarize approaches to defining the digital ecosystem of the region, to identify its structural components as well as to consider the economic and social effects of introducing digital ecosystems in the regions. **Methods:** systematic and structural approaches, general scientific methods of cognition: analysis, comparison, logical reasoning, collection of facts, synthesis. **Results:** based on the analysis of approaches to the digital ecosystem of the region definition and the analysis of foreign and domestic experience in its building the following definition of the digital ecosystem of the region is proposed. This is a digital macro-environment for the interaction of citizens, businesses, and authorities, contributing to the stable and sustainable socio-economic development of the region by improving the quality of management decisions by organizing a mechanism for collecting and processing information about the region's infrastructure in real time using end-to-end digital technologies. The study has identified the following structural components of the digital ecosystem of the region: end-to-end digital technologies, a digital platform, data, participants, network interactions, services, rights, and obligations of participants. The effectiveness of the digital ecosystem of the region is reflected in the reduction of operating costs for providing the digital infrastructure of the region, increasing regional budget revenues, and optimizing the budget of the region. **Conclusions:** building digital ecosystems at the level of the Russian Federation constituent entities is viewed as advisable. This process is strategically significant, as it provides tools for standardization of regional management and ensures the transition to the second and third stages of digital transformation of public administration. The practical feasibility of building digital ecosystems in specific regions and territories is based on their positive impact on the general condition, functioning and further development of socio-economic environment.

Keywords: digitalization, digital transformation, digital ecosystem of the region

For citation: Abramov, V. I. and Andreev, V. D. (2023), "Digital ecosystem of the region: Practical aspects of implementation and structural components", *Ars Administrandi*, vol. 15, no. 2, pp. 251–271, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-251-271>.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях распада глобального однополярного мира и становления нового технологического уклада важно обеспечить устойчивое развитие нашей страны и найти источники повышения эффективности управления и роста экономики. Современная экономическая среда, характеризующаяся как BANI-мир (акроним от английских слов «хрупкий», «тревожный», «нелинейный», «непонятный») (Godoy and Ribas Filho, 2021, p. 17), предполагает активное использование обратных связей, и в этих условиях цифровизация и цифровая трансформация все увереннее проникают и встраиваются во все общественные процессы. При этом следует учитывать, что в условиях нелинейного мира и быстрых изменений от эффективности обратных связей будет зависеть качество управленческих решений. Активное использование анализа и прогнозов на основе данных, теоретическое и методологическое подкрепление управленческих процессов и все, что сопутствует технологическому обновлению, способны сформировать конкурентные преимущества на уровне города, региона и государства и положительным образом влиять на их развитие.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цифровизация подразумевает применение сквозных цифровых технологий во всех сферах жизнедеятельности органов власти, бизнеса и граждан и становится серьезным фактором устойчивого развития в условиях быстрых изменений (Holzmann and Gregori, 2023, p. 11). Цифровизация стимулирует формирование модульных подсистем в сфере экономики – элементов цифровой инфраструктуры, заменяемых без приостановки работы и затрат на замену (Дмитриева, 2022, с. 185), а также позволяет оптимизировать процесс производства различных благ, сократить затраты труда и одновременно повысить эффективность и качество управленческих решений (Степанов и др., 2022, с. 18). Например, в ключевых отраслях экономики государства при использовании искусственного интеллекта общая производительность повышается в среднем на 40 % (Kudryavtseva et al., 2023, p. 74).

Цифровая трансформация, как процесс изменения и / или возникновения новых механизмов и методов функционирования институтов жизнедеятельности граждан, бизнеса и органов власти с учетом процесса цифровизации (Zhang et al., 2023, p. 12), оказывает позитивное влияние на социальную и экономическую среду региона (Худов, 2022, с. 294). Формирующийся экосистемный подход в данном контексте предоставляет различные инструменты для систематизации и оптимизации деятельности указанных институтов в цифровой среде при выстраивании сетевых взаимодействий и реализации управленческих решений (Bessonova et al., 2022, p. 213). Сетевые взаимосвязи при экосистемном подходе многократно увеличивают воспроизводство социальных и экономических благ (Абрамов и Андреев, 2022, с. 114; Чернов, 2022, с. 122). Аспекты и специфику цифровой трансформации можно оценить на основе определения этапа, на котором находится государство при организации механизма работы с данными в реальном времени (Добролюбова, 2021, с. 42), а также на основе анализа плановых и фактических значений цифровой зрелости, что является ключевым инструментом формирования эффективной политики

в этой области (Абрамов и Андреев, 2023b, с. 43). Так, например, развитие цифровой трансформации в России значительно отстает в отраслях здравоохранения, городского хозяйства и образования (Абрамов и Андреев, 2023a, с. 106).

Социально-экономические экосистемы становятся новым значимым актором экономики. По мнению Г. Б. Клейнера, магистральным направлением их деятельности должно стать создание совместных ценностей (Клейнер, 2018, с. 13). В настоящее время в российской экономике складываются благоприятные предпосылки для расширения экосистем как перспективной формы организации финансового и нефинансового бизнеса. Цифровизация экономики способствует снижению специфичности активов, дезинтермедиации, то есть удалению лишних посредников в цепочках, уменьшению транзакционных издержек производителей, отделению информации от устройств и технологий и, как следствие, развитию интеграционных процессов и формированию экосистем (Клейнер и др., 2020, с. 3–4). Глобальные цифровые платформы стали феноменом современной экономики, что подтверждается наличием у них ряда уникальных конкурентных преимуществ.

Важный капитал экосистем – это данные о клиентах. Так, на основе цифровых профилей клиентов и омниканальных коммуникаций можно создавать региональные бизнес-экосистемы (Абрамов и др., 2023). В глобально меняющейся среде стартапы, использующие данные о клиентах, могут быстро создавать и развивать новую стоимость и тем самым обеспечивать устойчивость экосистемы, поскольку клиентам необходим быстрый доступ к разнообразным качественным продуктам и услугам с минимальными усилиями через удобные цифровые каналы.

Эмпирические исследования показали, что предпринимательские экосистемы могут существенно стимулировать различные аспекты процесса запуска, бизнес-планирования и финансирования нового предприятия (Audretsch et al., 2019). Экосистемы стали популярными также среди практиков и политиков на региональном уровне, потому что позволяют повысить предпринимательскую активность и улучшить привлекательность местной экономической среды, а это выгодно и для предпринимателей, и для органов публичной власти (Prencipe et al., 2020, p. 35). С политической точки зрения следует стимулировать формирование территориальных экосистем, основанных на доверии, обмене знаниями, здравом смысле и идентичности, что позволяет развиваться в логике устойчивого развития (Tolstykh et al., 2020, p. 19). Результаты исследования отечественных ученых А. В. Овчинниковой и С. Д. Зимина, основанного на соотнесении индекса развития предпринимательских экосистем и среднегодовых темпах роста валового регионального продукта 79 субъектов Российской Федерации в 2005–2019 годах, «свидетельствуют о том, что регионы с относительно высокой рождаемостью новых организаций при относительно низкой официальной ликвидации обладают более высокими ключевыми показателями регионального развития» (Овчинникова и Зимин, 2021, с. 376).

Цифровая экосистема региона при развитии цифровой трансформации может определять контуры и являться основой для регионального развития. Управленческие процессы в цифровой экосистеме с учетом сквозных цифровых технологий унифицируют, стандартизируют и систематизируют деятельность органов власти, бизнеса и граждан, что положительным образом сказывается на развитии региона (Бушуева и др., 2022, с. 17).

Вместе с тем в настоящее время не существует единого методологического определения цифровой экосистемы региона, а разные подходы к созданию цифровой экосистемы и различное понимание особенностей ее функционирования затрудняют изучение и внедрение экосистемного подхода в региональное управление¹.

Актуальность работы связана с необходимостью повышения качества и темпов цифровой трансформации государственного и муниципального управления для поиска оптимальных путей при построении цифровой экосистемы региона, отвечающей требованиям законодательства и соответствующей глобальным трендам регионального развития. Она также подтверждается фактом увеличения интереса научных сообществ к анализу вопросов, связанных с аспектами цифровизации и цифровой трансформации на уровне города, региона и государства (Добролюбова, 2022, с. 168).

Цель работы – проанализировать и обобщить подходы к определению цифровой экосистемы региона, выявить ее структурные компоненты, а также рассмотреть экономические и социальные эффекты при внедрении цифровых экосистем в регионах.

Для этого необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть подходы к определению цифровой экосистемы региона в США, Канаде, Южной Корее, Сингапуре и Великобритании;
- определить структурные компоненты цифровой экосистемы региона;
- проанализировать эффективность региональных цифровых экосистем, выявить экономические и социальные эффекты;
- консолидировать подходы к определению цифровой экосистемы региона.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ подходов к определению цифровой экосистемы региона проводился на основе данных, которые изложены в официальных документах, определяющих стратегии развития в данном направлении на среднесрочную перспективу в США, Канаде и Великобритании. Также изучены трактовки цифровой экосистемы в Сингапуре и Южной Корее, являющихся лидерами в цифровой трансформации управления.

Целесообразность выбора трактовок данных стран для анализа обусловлена следующим:

- США по показателям цифровой трансформации структурных подразделений органов власти занимали лидирующие позиции с 2017 по 2022 год включительно (Ponzoa et al., 2023, p. 17);
- Канада относится к странам, которые первыми начали формировать основы электронного правительства (Lindquist, 2022, p. 562);
- Великобритания и Южная Корея по уровню развития электронного правительства превосходят многие другие развитые страны. В частности, Великобритания с 2016 по 2020 год входила в пятерку лидеров по рейтингу развития электронного правительства, Южная Корея в 2016 году занимала 3-е место, в 2018 и в 2020 годах 3-е и 2-е место соответственно (Печникова и др., 2021, с. 208);

¹ См.: Цифровые экосистемы в России: эволюция, типология, подходы к регулированию [Электронный ресурс] // Ин-т экон. политики им. Е. Т. Гайдара. 2022. Июнь. URL: https://www.iep.ru/files/news/Issledovanie_jekosistem_Otchet.pdf (дата обращения: 04.04.2023).

– Сингапур возглавляет список во многих рейтингах оценки цифровизации. Так, например, по данным рейтинга умных городов Smart City Government Ranking с 2020 по 2021 год Сингапур был на первом месте. К тем же результатам пришли и составители рейтинга The Smart Centres Index в 2021 году (Головенчик, 2022, с. 27).

Авторы настоящей статьи проанализировали подходы к определению цифровой экосистемы региона, изложенные в отечественных научных работах.

В таблице 1 представлены базовые трактовки цифровой экосистемы региона органами государственной и муниципальной власти США, Канады, Великобритании, Южной Кореи и Сингапура.

Таблица 1/ Table 1

**Подходы к определению цифровой экосистемы региона (государства) /
Approaches to defining the digital ecosystem of the region (state)**

Государ- ство	Источник	Определение цифровой экосистемы региона
США	Digital ecosystem framework, USAID ²	Цифровая экосистема региона – среда, в которой заинтересованные стороны, система взаимодействия и благоприятная обстановка в совокупности позволяют людям и разным сообществам использовать цифровые технологии для доступа к услугам, сетевым взаимодействиям с целью реализации социальных и экономических возможностей. Агентство США по международному развитию (USAID) предлагает концепцию цифровой экосистемы региона, которая направлена на формирование системы и культуры цифрового взаимодействия для органов власти, бизнеса и граждан. Концепция подразумевает формирование общества в цифровой среде и включает в себя ряд взаимосвязанных блоков. Первый блок – цифровое общество – основан на правах и процессах управления. Данный блок включает: права субъектов цифровой экосистемы региона; цифровое управление; гражданское общество и СМИ в экосистеме; органы власти, реализующие управленческие решения на основе данных в реальном времени. Во второй блок – цифровую экономику – включены: специалисты, обеспечивающие функционирование цифровой экосистемы региона, и технологические стартапы для ее развития; цифровые сделки; электронная коммерция и документооборот; цифровые финансовые сервисы в рамках единой экосистемы. Третий блок – цифровая инфраструктура экосистемы – содержит: инфраструктурные решения для обеспечения доступа в экосистему; защиту данных, их интероперабельность на основе конкурентной среды; доступность данных

² Digital ecosystem framework [Online] // Official website of the United States Agency for International Development. 2022. 24 Aug. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/Digital_Strategy_Digital_Ecosystem_Final.pdf (Accessed Apr. 1, 2023).

Государство	Источник	Определение цифровой экосистемы региона
		для граждан, бизнеса и органов власти в реальном времени; цифровую грамотность; цифровые различия обязанностей и ответственности участников цифровой экосистемы региона. Цифровая экосистема региона, по мнению специалистов USAID, должна распространяться на территории каждого штата и основываться на принципах равного доступа данных, кибербезопасности, включения сквозных цифровых технологий в процесс обработки данных (интернет вещей, искусственный интеллект и т. д.) и недопущения цифрового авторитаризма за счет повсеместного распространения технологий
Канада	Модель Digital Trust ³ , основанная на Trust Over Foundation	Термин подразумевает цифровую макросреду взаимосвязанных участников, реализующих свою деятельность через цифровую платформу или несколько платформ для воздействия на реальный мир через цифровой. Участники: государственные и муниципальные органы власти, бизнес и граждане. Смысл функционирования экосистемы – обеспечение комфортной жизнедеятельности граждан. Цифровая экосистема включает потоки данных, формирование и анализ которых происходит за счет сквозных цифровых технологий. Направление деятельности – создание инструментов воздействия на реальный мир через цифровой с помощью возможностей платформ и сквозных цифровых технологий по различным направлениям деятельности. Экосистемный подход для граждан подразумевает мультисервисность в цифровой платформе, для бизнеса – реализацию сервисов для коммерческой деятельности, для органов власти – реализацию государственных задач в цифровом формате с обеспечением социальных эффектов. Предусматривается достижение сетевого эффекта при обеспечении трехсторонних коммуникаций. Множественность сервисов будет обеспечиваться различными приложениями, однако не уточняется, будут ли эти приложения объединены в единую платформу. Собственниками цифровой экосистемы и связанных с ней программных решений станут органы государственной власти. Защиту персональных данных будет обеспечивать государство. Предполагается организация процесса сбора данных в реальном времени с помощью сквозных цифровых технологий, в основном интернета вещей, для модернизации сервисов, анализа информации и повышения качества управленческих решений, результаты которых через цифровую экосистему будут отражаться в реальности. Реализация концепции цифровой экосистемы планируется в Британской Колумбии в долгосрочной перспективе

³ What is Digital Trust? [Online] // Official website of the Province of British Columbia. URL: <https://digital.gov.bc.ca/digital-trust/about/what-is-digital-trust/> (Accessed Apr. 4, 2023).

Государство	Источник	Определение цифровой экосистемы региона
Великобритания	Assessing the UK's Regional Digital Ecosystems ⁴	Цифровая экосистема региона – территориальные бизнес-экосистемы, интегрированные в единую цифровую среду для обеспечения цифровых коммуникаций с гражданами и органами власти. Разработчиками цифровых экосистем являются бизнес-структуры. Развитие таких экосистем обусловлено масштабированием деятельности бизнеса и созданием им множества сервисов для граждан. Органы власти могут присоединяться к данной цифровой макросреде, реализуя свои локальные задачи в цифровом формате. Цифровая экосистема функционирует с помощью сквозных цифровых технологий в цифровой инфраструктуре региона, которая от нее отделена. Инфраструктура – это комплекс устройств для обеспечения функционирования цифровой макросреды, а цифровая экосистема – комплекс сервисов различных бизнес-структур и органов власти, объединенных в едином цифровом поле
Южная Корея	Данные официального сайта электронного правительства Южной Кореи ⁵	Цифровая экосистема государства – цифровая макросреда данных, управлением которыми занимается бизнес, органы власти и граждане. Основу развития цифровой экосистемы государства составляет бизнес, чья деятельность масштабируется, в результате чего его данные в экосистеме систематизируются и расширяются. Целесообразность создания цифровой экосистемы заключается в повышении качества управленческих решений, что положительным образом сказывается на социальной и экономической деятельности государства и государственного управления в целом. Органы государственного управления в этом контексте должны предоставить бизнесу и гражданам необходимую платформу для обмена и управления данными, а также интегрировать в цифровую экосистему собственную деятельность для улучшения обратной связи с бизнесом и гражданами, что позитивно отразится на развитии государства в целом. Необходимо развитие механизма стандартизации, однако интерфейс экосистемы должен модифицироваться таким образом, чтобы стать наиболее удобным для граждан и бизнеса. Граждане в цифровой экосистеме отслеживают деятельность органов власти, получают государственные услуги, устанавливают связи с бизнесом в качестве потребителей. Бизнес в цифровой экосистеме отчитывается о своей деятельности властным структурам, предоставляет услуги гражданам и органам власти. Органы власти обеспечивают функционирование экосистемы, организуют через нее механизм

⁴ Department for digital, culture, media & sport: Assessing the UK's regional digital ecosystems (a final report) [Online] // United Kingdom public sector information website. 2021. 16 Sept. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1020407/Digital_Regional_Ecosystems_report_v9.1.pdf (Accessed Apr. 1, 2023).

⁵ 디지털 선도국가, 데이터 생태계 조성으로 실현한다! [Online] // 과학기술정보통신부. 2022. 13 Feb. URL: <https://www.korea.kr/news/pressReleaseView.do?newsId=156495305> (Accessed Apr. 2, 2023).

Государство	Источник	Определение цифровой экосистемы региона
		управления цифровой инфраструктурой государства, модернизируют услуги для граждан и бизнеса с учетом развития сквозных цифровых технологий, задействованных в экосистеме
Сингапур	Digital economy framework for action: Singapore ⁶ , Digital Government Blueprint ⁷	Термин подразумевает цифровую среду на основе комплекса цифровых платформ, где главенствующей является платформа государства. В цифровой среде бизнес взаимодействует с гражданами и органами власти для создания системы бизнес-деятельности. Это подразумевает разработку механизмов работы в цифровом двойнике с воздействием на инфраструктуру государства и отражением процессов в реальном времени с возможностью планирования, прогнозирования и моделирования деятельности. Граждане в цифровой экосистеме используют информацию для контрольных функций и для реализации своих гражданских прав при взаимодействии с органами власти. Государственные структуры организуют деятельность в цифровой среде таким образом, чтобы иметь возможность воздействовать через данную среду на реальный мир. Для этих целей функционирует цифровой двойник. Стоит отметить, что он является составной частью цифровой экосистемы, где множество цифровых платформ обеспечивают функционирование основных отраслей деятельности государства в цифровой среде. Главный механизм совершенствования цифровой экосистемы – работа с данными, поступающими в реальном времени из цифровой инфраструктуры государства с помощью сквозных цифровых технологий. Последние также являются инструментом реализации управленческих решений на основе актуальных данных для органов власти и бизнеса в цифровой среде. Реализация цифровой экосистемы в Сингапуре планируется с 2023 года

Источник: составлено авторами.

По мнению американских и намибийских исследователей, цифровую экосистему можно определить как совокупность предприятий, государственных организаций и граждан, взаимодействующих в цифровой среде, которая формируется путем объединения нескольких ранее созданных цифровых сервисов (Oduor et al., 2020, p. 2). После стандартизации множества цифровых сервисов, которые используются бизнесом и органами власти совместно с гражданами, формируется цифровая платформа, где может быть налажен

⁶ Digital economy framework for action: Singapore [Online] // Infocomm media development authority. URL: <https://www.imda.gov.sg/-/media/imda/files/sg-digital/sgd-framework-for-action.pdf> (Accessed Apr. 2, 2023).

⁷ Digital Government Blueprint [Online] // Official website of the Government Technology Agency of Singapore. URL: <https://www.tech.gov.sg/digital-government-blueprint> (Accessed Apr. 2, 2023).

механизм государственного управления территорией, на которой функционирует цифровая экосистема (государство, регион, город). Цифровая экосистема включает: биологический аспект – люди в экосистеме, осуществляющие коммуникации и использующие цифровые сервисы; экономический аспект – институты в экосистеме, влияющие на социальные и экономические блага при мультисервисности и цифровых коммуникациях, результат чего в виде управленческого решения отражается в реальности; цифровой аспект – технологии в экосистеме, обеспечивающие автоматизацию процессов сбора и управления данными в реальном времени (например, устройства интернета вещей, искусственный интеллект и т. д.) (Oduor et al., 2020, p. 2). Главное преимущество – сетевой эффект и массовость без изолированности участников экосистемы, что позволяет качественно улучшать и развивать предоставление различных благ при невысоких эксплуатационных затратах.

В работе Е. Бессоновой, Ю. Келеш и А. Бабичева под цифровой экосистемой региона понимается сложная самоорганизующаяся, саморегулирующаяся, саморазвивающаяся цифровая среда, включающая входные и выходные потоки данных бизнеса и органов власти, которые осуществляют деятельность в этой экосистеме в целях экономического и социального развития общества при оптимизации бюджетных средств для обеспечения данных процессов (Bessonova et al., 2022, p. 209). Создание «продуктивной» цифровой экосистемы региона авторы объясняют возможностью сокращения цифрового неравенства регионов, что положительным образом скажется на социальном и экономическом развитии государства в целом. Основой для формирования цифровой экосистемы являются национальные проекты в данной сфере деятельности, в России – национальный проект «Цифровая экономика»⁸, направленный на интеграцию сквозных цифровых технологий в разные сферы жизнедеятельности региона. Это напрямую влияет на формирование самоорганизующейся цифровой экосистемы региона при создании множества приложений, объединенных в одном цифровом поле, в следующих отраслях: транспорт, образование, финансы, здравоохранение, СМИ, государственное и муниципальное управление, торговля. Данные отрасли функционируют в цифровой макросреде, обеспеченной единым цифровым полем (платформа, приложение), где бизнес и органы власти реализуют стоящие перед ними задачи, а граждане коммуницируют с указанными акторами в соответствии со своими правами и обязанностями.

На основе проанализированных трактовок цифровой экосистемы региона в таблице 2 представлены ее структурные компоненты.

⁸ *Цифровая экономика РФ* [Электронный ресурс] // Официальный сайт М-ва цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyanDEX.ru%2f (дата обращения: 02.04.2023).

**Структурные компоненты цифровой экосистемы региона /
Structural components of the digital ecosystem of the region**

Структурный компонент	Характеристика
Сквозные цифровые технологии	Интернет вещей, искусственный интеллект, большие данные – сквозные цифровые технологии, обеспечивающие сбор и обработку информации в реальном времени с возможностью дальнейшего отражения управленческих решений на основе данных в инфраструктуре региона
Цифровая платформа	Единая цифровая система для взаимодействия граждан, бизнеса и органов власти, в которой обрабатываются полученные с помощью сквозных цифровых технологий данные, а сформированные на их основе управленческие решения отражаются в инфраструктуре региона с помощью панели команд цифровой платформы. Данная система может обеспечивать доступ к цифровому двойнику, если он имеется
Данные	Информация, полученная с помощью сквозных цифровых технологий из цифровой инфраструктуры региона и поступающая в реальном времени в цифровую платформу для нужд органов власти, бизнеса и граждан. Данные хранятся в региональной базе данных, которая позволяет систематизировать задачи при выстраивании процесса планирования и прогнозирования. Доступ к открытым данным имеют все участники экосистемы. Государство и правительство региона обеспечивают безопасность данных
Участники	Граждане в цифровой экосистеме, имеющие возможность использовать данные в реальном времени для коммуникаций с бизнесом и органами власти для реализации контрольных функций. Бизнес в цифровой экосистеме, использующий данные органов власти в реальном времени для выстраивания своих процессов, коммуницирующий с гражданами для предоставления услуг, с органами власти для отчетности или для получения услуг, интегрирующий в цифровую экосистему данные через индивидуальные сквозные цифровые технологии, которые функционируют в цифровой инфраструктуре региона. Органы власти, коммуницирующие с гражданами и бизнесом по вопросам, связанным с их прямыми функциями, механизм реализации которых возможен в цифровой среде. Данные интегрируются в цифровую экосистему из индивидуальных сквозных цифровых технологий по различным отраслям деятельности. Функционал цифровой экосистемы модернизируется в соответствии с актуальными данными и реалиями научно-технического прогресса
Сетевые взаимодействия	Мультисервисность цифровой экосистемы, позволяющая гражданам, органам власти и бизнесу с помощью сетевого эффекта увеличивать количество направлений деятельности в экосистеме, что положительным образом сказывается на социальных и экономических результатах региона

Структурный компонент	Характеристика
Сервисы	Множество сервисов, которые обеспечены приложениями, связанными единой платформой управления или группой платформ управления, и отвечают за определенную сферу деятельности органов власти и бизнеса, где участники реализуют непосредственные управленческие решения в цифровой среде
Права и обязанности участников	Непосредственные права и обязанности граждан, бизнеса и органов власти, обеспечиваемые, гарантируемые и реализуемые в цифровой экосистеме на основе законодательства государства

Источник: составлено авторами.

Следует отметить, что при проектировании цифровых экосистем выделенные структурные компоненты являются необходимыми, но недостаточными. Их нужно учитывать при разработке проектов в области цифровой трансформации в регионах. Выявление достаточных условий требует самостоятельных исследований эффективности развития цифровых экосистем, поскольку важны такие их характеристики, как человекоцентричность, удобство и польза для участников.

Для анализа эффективности цифровых экосистем рассмотрим опыт зарубежных стран. Так, например, в США у истоков построения цифровых экосистем стоят крупные бизнес-игроки в сфере IT. Бизнес-гиганты Google, Apple, Facebook и Amazon (GAFA) формировали цифровые экосистемы для организации цифровых коммуникаций с гражданами при диверсификации своей деятельности. Впоследствии в данные цифровые экосистемы начали интегрироваться и органы власти (Rosa and Nauge, 2022, p. 431). По прогнозам McKinsey & Company, предиктивная аналитика может снизить затраты на обслуживание цифровых инфраструктур регионов на 10–40 % при снижении сроков принятия решений на 50 %. Сокращение времени простоя цифровой инфраструктуры региона положительно повлияет на качество управленческих решений, что отразится на социальных и экономических показателях. Обеспечение предиктивной аналитики планируется за счет развития искусственного интеллекта. На данную сквозную цифровую технологию совокупные инвестиции до 2026 года составят около 32 млрд долларов США (Дементьев, 2022, с. 9).

В Канаде, в городе Калгари в провинции Альберта, планируется использовать цифровую экосистему региона для прогнозирования и моделирования погодных условий на основе спутниковых данных. Повышение готовности к чрезвычайным ситуациям составит около 95 %, а запуск экосистемы планируется до 2030 года (Ghaith et al., 2022, p. 13). В Цифровой хартии Канады (Canada's Digital Charter) исследователи предполагают, что использование искусственного интеллекта в различных отраслях для обработки данных, поступающих в режиме реального времени из цифровой инфраструктуры стран, увеличит мировой ВВП примерно на 1,2 %, а дополнительный экономический эффект к 2030 году составит около 13 трлн долларов США⁹.

⁹ Canada's Digital Charter in action: A plan by Canadians, for Canadians [Online] // Official website of the Government of Canada. 2019. 23 Oct. URL: https://www.ic.gc.ca/eic/site/062.nsf/eng/h_00109.html (Accessed March 10, 2023).

В Великобритании сквозные цифровые технологии, собирающие данные в режиме реального времени из всех сфер деятельности, по подсчетам специалистов, приведут к увеличению доходов и росту бюджетов на 19 % к 2030 году (Tomlinson et al., 2023, p. 330). Уже сейчас за счет автоматизации многих процессов фиксируется снижение нагрузки на государственный аппарат. Последнее уже отмечается при работе с цифровой системой European Union Settlement Scheme (EUSS), позволяющей гражданам Европейского союза подавать заявления на пребывание в Великобритании (Barnard et al., 2022, p. 379).

В Южной Корее активно внедряется экосистема интернета вещей в отрасли сельского хозяйства на основе инфраструктуры 5G-сетей. Кроме того, цифровая инфраструктура обеспечивает автономное функционирование дронов и роботов, а управление ими доступно через приложения. Время доставки грузов сокращается примерно на 60 % по сравнению с доставкой традиционными видами транспорта. По результатам совместной оценки чиновников Южной Кореи и компании Google экономия бюджетных расходов к 2030 году в результате полномасштабной цифровой трансформации может составить около 13 % за счет внедрения сквозных цифровых технологий, обеспечивающих сбор данных в реальном времени (Van Hilten and Wolfert, 2022, p. 10).

В Сингапуре за счет инструментов цифрового двойника к 2030 году планируется снизить на 20 % выбросы в атмосферу (по сравнению с 2021 годом) при строительстве школ при одновременном повышении энергоэффективности зданий, а также снизить на 3 млн т в год выбросы парниковых газов в атмосферу за счет объективных данных о функционировании систем, работающих на возобновляемых источниках энергии (Абрамов и Андреев, 2022, с. 119).

В России АО «Русатом Инфраструктурные решения» (АО «РИР») реализует ряд проектов, направленных на построение систем «умного города» для нужд органов местного самоуправления с функционалом для граждан. По оценкам компании, ожидаются следующие эффекты:

- снижение эксплуатационных затрат на обеспечение цифровой инфраструктуры на 30 %;
- сокращение сроков работы с обращениями граждан на 70 %;
- повышение готовности к чрезвычайным ситуациям на 90 %¹⁰.

Помимо систем умного города развиваются направления, связанные с построением цифровых двойников регионов. Рынок технологических решений цифровых двойников к 2026 году может достичь около 48,2 млрд долларов США (Bundin et al., 2022, p. 82). Свое решение предлагает и АО «РИР» в рамках проекта «Умный бережливый регион». Создание цифрового двойника региона будет позитивно влиять на качество принимаемых управленческих решений, сократив время их принятия как минимум на 30 %, а также обеспечит снижение операционных расходов регионального бюджета, оперативное реагирование на различные ситуации.

¹⁰ Умный город. Территория устойчивого роста с высоким индексом человеческого капитала [Электронный ресурс] // Сайт АО «Русатом Инфраструктурные решения». С. 8. URL: <https://www.rusatom-utilities.ru/upload/iblock/44a/c5sa8v43uee28fk1gbww6hwijssht8d9.pdf> (дата обращения: 03.04.2023).

Представленные примеры функционирования цифровых экосистем свидетельствуют о том, что организация механизма сбора и работы с данными в реальном времени позволяет:

- снизить эксплуатационные издержки функционирования инфраструктур территорий, на которых работает цифровая экосистема (пример США и Южной Кореи);
- уменьшить негативное воздействие потенциальных чрезвычайных ситуаций и их последствий социального и экономического характера (пример Канады);
- ускорить и автоматизировать процессы предоставления социальных гарантий гражданам и другим пребывающим в стране людям (пример Великобритании);
- сократить время доставки грузов (пример Южной Кореи);
- стимулировать развитие зеленой экономики (пример Сингапура);
- сократить срок коммуникаций между гражданами, бизнесом и органами власти (пример России).

Принимая во внимание представленные результаты, можно с уверенностью сказать, что цифровая экосистема является стратегически важным инструментом для оптимизации бюджетных ресурсов и одновременного увеличения доходов региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, цифровая экосистема региона – это цифровая макросреда для взаимодействия граждан, бизнеса и органов власти, способствующая стабильному и устойчивому социально-экономическому развитию региона путем повышения качества управленческих решений за счет организации механизма сбора и обработки информации об инфраструктуре региона в режиме реального времени с использованием сквозных цифровых технологий. Основой региональной цифровой экосистемы является цифровая платформа / несколько платформ / единая цифровая платформа с определенными сервисами, ориентированная на конкретные сферы деятельности регионального правительства и обеспечивающая удобное взаимодействие между гражданами, бизнесом и властью. В ней непосредственные участники – граждане, предприятия и органы власти – выстраивают коммуникационные процессы; реализуют свои права и обязанности в соответствии с национальным и региональным законодательством; совершенствуют возможности цифровой экосистемы в соответствии с научно-техническим прогрессом; предоставляют (предприятия и органы власти) и получают услуги (предприятия, органы власти, граждане); интегрируют информацию в цифровую экосистему посредством индивидуальных сквозных цифровых технологий (предприятия и органы власти). Сетевой характер взаимодействия в цифровой экосистеме региона положительно влияет на социальную и экономическую жизнь территории.

В России при реализации проектов в области цифровой трансформации целесообразно строить цифровые экосистемы на уровне регионов, так как такие экосистемы предоставляют инструменты по стандартизации

регионального управления и средства по обеспечению перехода на второй и третий этапы цифровой трансформации, что в условиях догоняющего развития страны является стратегически важным.

Список источников

Абрамов В. И., Андреев В. Д. Анализ методики оценки цифровой трансформации государственного управления в Сингапуре в контексте использования в регионах России // Информатизация в цифровой экономике. 2022. Т. 3, № 3. С. 111–124. <https://doi.org/10.18334/ide.3.3.116585>.

Абрамов В. И., Андреев В. Д. Анализ стратегий цифровой трансформации регионов России в контексте достижения национальных целей // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023а. № 1. С. 89–119. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-1-89-119>.

Абрамов В. И., Андреев В. Д. Совершенствование методики оценки индекса цифровой зрелости регионов России с учетом аспектов второго и третьего этапа цифровой трансформации ГМУ на основе зарубежного опыта // Управленческие науки. 2023б. Т. 13, № 1. С. 32–46. <https://doi.org/10.26794/2304-022X-2023-13-1-32-46>.

Абрамов В. И., Гордеев В. В., Столяров А. Д. Создание региональных бизнес-экосистем на основе цифровых профилей клиентов и омниканальных коммуникаций // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13, № 5. С. 1521–1540. <https://doi.org/10.18334/epp.13.5.117670>.

Бушуева М. А., Масюк Н. Н., Брагина З. В. и др. Превращение экономики региона в экосистему в парадигме цифрового развития // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2022. Т. 11, № 3. С. 13–18. https://doi.org/10.57145/27128482_2022_11_03_03.

Головенчик Г. Г. Рейтинговый анализ приоритетных направлений развития умных городов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2. С. 26–38. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-26-38>.

Дементьев В. Е. Перспективы России при цифровом доминировании Китая и США // Проблемы прогнозирования. 2022. № 4. С. 6–17. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-193-6-17>.

Дмитриева Л. В. Практики и подходы цифровой трансформации к совершенствованию регионального управления [Электронный ресурс] // Социальные и экономические системы. 2022. № 6.7. С. 176–195. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49790393_67026955.pdf (дата обращения: 02.04.2023).

Добролюбова Е. И. Оценка цифровой зрелости государственного управления // Информационное общество. 2021. № 2. С. 37–52. https://doi.org/10.52605/16059921_2021_02_37.

Добролюбова Е. И. Оценка эффективности цифрового правительства с помощью опросов: обзор международной литературы и перспективы будущих исследований // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 5. С. 152–181. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-5-152-181>.

Клейнер Г. Б. Социально-экономические экосистемы в свете системной парадигмы // Системный анализ в экономике – 2018: сб. тр. V Междунар.

науч.-практ. конф. – биеннале / Под общ. ред. Г. Б. Клейнера, С. Е. Щепетовой. М.: Прометей, 2018. С. 5–14. <https://doi.org/10.33278/SAE-2018.rus.005-014>.

Клейнер Г. Б., Рыбачук М. А., Карпинская В. А. Развитие экосистем в финансовом секторе России // Управленец. 2020. Т. 11, № 4. С. 2–15. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-4-1>.

Овчинникова А. В., Зимин С. Д. Оценка связей предпринимательских экосистем с уровнем экономического развития регионов России // Журнал прикладных экономических исследований. 2021. Т. 20, № 3. С. 362–382. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2021.20.3.015>.

Печникова Н. С., Охотников И. В., Сибирко И. В. Обзор состояния процесса цифровизации экономики: отечественная практика и зарубежный опыт [Электронный ресурс] // Российский экономический вестник. 2021. Т. 4, № 5. С. 207–213. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47320529_17283608.pdf (дата обращения: 01.04.2023).

Степанов А. А., Савина М. В., Степанов И. А. Эффективность цифровой трансформации: сущность, содержание, критерии оценки // Экономические системы. 2022. Т. 15, № 1. С. 12–24. <https://doi.org/10.29030/2309-2076-2022-15-1-12-24>.

Худов А. М. Теоретико-методические аспекты организации механизма управления региональной экономикой на основе систематизации этапов цифровой трансформации // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 4. С. 293–299.

Чернов В. А. Экосистемные изменения структуры социально-экономических отношений // Мир новой экономики. 2022. Т. 16, № 3. С. 113–124. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2022-16-3-113-124>.

Audrethsch D. B., Cunningham J. A., Kuratko D. F. et al. Entrepreneurial ecosystems: Economic, technological, and societal impacts // The Journal of Technology Transfer. 2019. Vol. 44. P. 313–325. <https://doi.org/10.1007/s10961-018-9690-4>.

Barnard C., Fraser Butlin S., Costello F. The changing status of European Union nationals in the United Kingdom following Brexit: The lived experience of the European Union Settlement Scheme // Social & Legal Studies. 2022. Vol. 31, № 3. P. 365–388. <https://doi.org/10.1177/09646639211032337>.

Bessonova E., Kelesh Yu., Babichev A. Shaping an effective ecosystem of the regional digital economy in the context of uneven digital development // ICCS 2021: Comprehensible science / Ed. by T. Antipova. Cham: Springer, 2022. P. 207–218. https://doi.org/10.1007/978-3-030-85799-8_18.

Bundin M., Martynov A., Shireeva E. Legal issues on the use of “digital twin” technologies for smart cities // EGOSE 2021: Electronic governance and open society: Challenges in Eurasia / Ed. by A. V. Chugunov, M. Janssen, I. Khodachek et al. Cham: Springer, 2022. P. 77–86. https://doi.org/10.1007/978-3-031-04238-6_7.

Ghaith M., Yosri A., El-Dakhakhni W. Synchronization-enhanced deep learning early flood risk predictions: The core of data-driven city digital twins for climate resilience planning // Water. 2022. № 14. Art. № 3619. <https://doi.org/10.3390/w14223619>.

Godoy M. F., Ribas Filho D. Facing the BANI World // International Journal of Nutrology. 2021. Vol. 14, № 2. Art. № 33. <http://doi.org/10.1055/s-0041-1735848>.

Holzmann P., Gregori P. The promise of digital technologies for sustainable entrepreneurship: A systematic literature review and research agenda // *International Journal of Information Management*. 2023. Vol. 68. Art. № 102593. <http://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2022.102593>.

Kudryavtseva T. Yu., Kozhina K. S., Prause G. K. et al. Assessment of economic efficiency, effects and risks of digitalization projects of garment industry in Russia // *Journal of Applied Economic Research*. 2023. Vol. 22, № 1. P. 72–98. <http://doi.org/10.15826/vestnik.2023.22.1.004>.

Lindquist E. A. The digital era and public sector reforms: Transformation or new tools for competing values? // *Canadian Public Administration*. 2022. Vol. 65, № 3. P. 547–568. <http://doi.org/10.1111/capa.12493>.

Oduor C. O., Shikongo S., Iyawa G. E. et al. Digital ecosystems for public enterprises: Prospects and challenges [Электронный ресурс] // *IST-Africa 2020 conference proceedings* / Ed. by M. Cunningham, P. Cunningham. Danvers: IST-Africa Institute and IIMC International Information Management Corporation Ltd., 2020. 7 p. URL: http://www.ist-africa.org/Conference2020/outbox/ISTAfrica_Paper_ref_89_11316.pdf (дата обращения: 07.04.2023).

Ponzoa J. M., Gómez A., Mas J. M. EU27 and USA institutions in the digital ecosystem: Proposal for a digital presence measurement index // *Journal of Business Research*. 2023. Vol. 154. Art. № 113354. <http://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.113354>.

Prencipe A., Corsi C., Rodríguez-Gulías M. J. et al. Influence of the regional entrepreneurial ecosystem and its knowledge spillovers in developing successful university spin-offs // *Socio-Economic Planning Sciences*. 2020. Vol. 72. Art. № 100814. <https://doi.org/10.1016/j.seps.2020.100814>.

Rosa F. R., Hauge J. A. GAFA's information infrastructure distribution: Interconnection dynamics in the global North versus global South // *Policy and Internet*. 2022. Vol. 14, № 2. P. 424–449. <http://doi.org/10.1002/poi3.278>.

Tolstykh T., Gamidullaeva L., Shmeleva N. et al. Regional development in Russia: An ecosystem approach to territorial sustainability assessment // *Sustainability*. 2020. Vol. 12, № 16. Art. № 6424. <https://doi.org/10.3390/su12166424>.

Tomlinson J., Maxwell J., Welsh A. Discrimination in digital immigration status // *Legal Studies*. 2023. Vol. 42, № 2. P. 315–334. <http://doi.org/10.1017/lst.2021.33>.

Van Hilten M., Wolfert S. 5G in agri-food – A review on current status, opportunities and challenges // *Computers and Electronics in Agriculture*. 2022. Vol. 201. Art. № 107291. <http://doi.org/10.1016/j.compag.2022.107291>.

Zhang Z., Jin J., Li S. et al. Digital transformation of incumbent firms from the perspective of portfolios of innovation // *Technology in Society*. 2023. Vol. 72. Art. № 102149. <http://doi.org/10.1016/j.techsoc.2022.102149>.

Информация об авторах

В. И. Абрамов – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры управления бизнес-проектами ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», 115409, Россия, г. Москва, Каширское шоссе, 31

SPIN-код (РИНЦ): 9180–0782

AuthorID (РИНЦ): 1002285

Web of Science ResearcherID: AEL-7284-2022

Scopus Author ID: 56005129700

В. Д. Андреев – студент 2 курса магистратуры «Цифровые технологии в государственном и муниципальном управлении» факультета бизнес-информатики и управления комплексными системами ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», 115409, Россия, г. Москва, Каширское шоссе, 31

SPIN-код (РИНЦ): 1710–8852

AuthorID (РИНЦ): 1156778

Web of Science ResearcherID: GRN-7966-2022

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 14.04.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 28.04.2023.

References

Abramov, V. I. and Andreev, V. D. (2022), “Analysis of the methodology for assessing the digital transformation of public administration in Singapore in the context of its use in Russian regions”, *Informatization in the Digital Economy*, vol. 3, no. 3, pp. 111–124, <https://doi.org/10.18334/ide.3.3.116585>.

Abramov, V. I. and Andreev, V. D. (2023a), “Analysis of strategies for digital transformation of Russian regions in the context of achieving national goals”, *Public Administration Issues*, no. 1, pp. 89–119, <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-1-89-119>.

Abramov, V. I. and Andreev, V. D. (2023b), “Improving the methodology for assessing the digital maturity index of Russian regions, taking into account aspects of the second and third stages of the digital transformation of state and municipal administration based on foreign experience”, *Management Sciences*, vol. 13, no. 1, pp. 32–46, <https://doi.org/10.26794/2304-022X-2023-13-1-32-46>.

Abramov, V. I., Gordeev, V. V., Stolyarov, A. D. (2023), “Creation of regional business ecosystems based on digital customer profiles and omnichannel communications”, *Ekonomika, Predprinimatelstvo i Pravo*, vol. 13, no. 5, pp. 1521–1540, <https://doi.org/10.18334/epp.13.5.117670>.

Bushueva, M. A., Masyuk, N. N., Bragina, Z. V. et al. (2022), “Transformation of the regional economy into an ecosystem in the paradigm of digital development”, *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, vol. 11, no. 3, pp. 13–18, https://doi.org/10.57145/27128482_2022_11_03_03.

Golovenchik, G. G. (2022), "Rating analysis of priority areas for the development of smart cities, *Economic and Social Research*, no. 2, pp. 26–38, <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-26-38>.

Dementiev, V. E. (2022), "Prospects for Russia under the digital domination of China and the United States", *Studies on Russian Economic Development*, vol. 33, no. 4, pp. 359–366, <https://doi.org/10.1134/S1075700722040037>.

Dmitrieva, L. V. (2022), "Digital transformation practices and approaches to improving regional governance", *Social and Economic Systems*, no. 6.7, pp. 176–195 [Online], available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_49790393_67026955.pdf (Accessed Apr. 2, 2023).

Dobrolyubova, E. I. (2021), "Assessing government digital maturity", *Information Society*, no. 2, pp. 37–52, https://doi.org/10.52605/16059921_2021_02_37.

Dobrolyubova, E. I. (2022), "Evaluating digital government performance using surveys: International literature review and prospects for the future research", *Public Administration Issues*, no. 5, pp. 152–181, <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-5-152-181>.

Kleiner, G. B. (2018), "Socio-economic ecosystems in the light of the system paradigm", in Kleiner, G. B. and Schepetova, S. E. (eds.), *Sistemnyi analiz v ekonomike – 2018: sbornik trudov V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii – biennale* [System analysis in economics – 2018: Proceedings of the V International scientific and practical conference – biennale], Prometei, Moscow, Russia, pp. 5–14, <https://doi.org/10.33278/SAE-2018.rus.005-014>.

Kleiner, G. B., Rybachuk, M. A. and Karpinskaya, V. A. (2020), "Development of ecosystems in the financial sector of Russia", *The Manager*, vol. 11, no. 4, pp. 2–15, <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-4-1>.

Ovchinnikova, A. V. and Zimin, S. D. (2021), "Assessment of relations of business ecosystems with the level of economic development of regions of Russia", *Journal of Applied Economic Research*, vol. 20, no. 3, pp. 362–382, <https://doi.org/10.15826/vestnik.2021.20.3.015>.

Pechnikova, N. S., Okhotnikov, I. V. and Sibirko, I. V. (2021), "Review of the state of the digitalization of the economy: Domestic practice and foreign experience", *Russian Economic Bulletin*, vol. 4, no. 5, pp. 207–213 [Online], available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_47320529_17283608.pdf (Accessed Apr. 1, 2023).

Stepanov, A. A., Savina, M. V. and Stepanov, I. A. (2022), "Efficiency of digital transformation: Essence, content, evaluation criteria", *Economic Systems*, vol. 15, no. 1, pp. 12–24, <https://doi.org/10.29030/2309-2076-2022-15-1-12-24>.

Khudov, A. M. (2022), "Theoretical and methodological aspects of the organization of the control mechanism regional economy on the basis of systematizing the stages of digital transformation", *Natural-Humanitarian Studies*, no. 4, pp. 293–299.

Chernov, V. A. (2022), "Ecosystem changes in the structure of socio-economic relations", *The World of New Economy*, vol. 16, no. 3, pp. 113–124, <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2022-16-3-113-124>.

Audretsch, D. B., Cunningham, J. A., Kuratko, D. F. et al. (2019), "Entrepreneurial ecosystems: Economic, technological, and societal impacts", *The Journal of Technology Transfer*, vol. 44, pp. 313–325, <https://doi.org/10.1007/s10961-018-9690-4>.

Barnard, C., Fraser Butlin, S. and Costello, F. (2022), "The changing status of European Union nationals in the United Kingdom following Brexit: The lived experience of the European Union Settlement Scheme", *Social & Legal Studies*, vol. 31, no. 3, pp. 365–388, <https://doi.org/10.1177/09646639211032337>.

Bessonova, E., Kelesh, Yu. and Babichev, A. (2022), "Shaping an effective ecosystem of the regional digital economy in the context of uneven digital development", in Antipova, T. (ed.), *ICCS 2021: Comprehensible science*, Springer, Cham, Switzerland, pp. 207–218, https://doi.org/10.1007/978-3-030-85799-8_18.

Bundin, M., Martynov, A. and Shireeva, E. (2022), "Legal issues on the use of "digital twin" technologies for smart cities", in Chugunov, A. V., Janssen, M., Khodachek, I. et al. (eds.), *EGOSE 2021: Electronic governance and open society: Challenges in Eurasia*, Springer, Cham, Switzerland, pp. 77–86, https://doi.org/10.1007/978-3-031-04238-6_7.

Ghaith, M., Yosri, A. and El-Dakhkhni, W. (2022), "Synchronization-enhanced deep learning early flood risk predictions: The core of data-driven city digital twins for climate resilience planning", *Water*, vol. 14, art. no. 3619, <https://doi.org/10.3390/w14223619>.

Godoy, M. F. and Ribas Filho, D. (2021), "Facing the BANI World", *International Journal of Nutrology*, vol. 14, no. 2, art. no. 33, <http://doi.org/10.1055/s-0041-1735848>.

Holzmann, P. and Gregori, P. (2023), "The promise of digital technologies for sustainable entrepreneurship: A systematic literature review and research agenda", *International Journal of Information Management*, vol. 68, art. no. 102593, <http://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2022.102593>.

Kudryavtseva, T. Yu., Kozhina, K. S., Prause, G. K. et al. (2023), "Assessment of economic efficiency, effects and risks of digitalization projects of garment industry in Russia", *Journal of Applied Economic Research*, vol. 22, no. 1, pp. 72–98, <http://doi.org/10.15826/vestnik.2023.22.1.004>.

Lindquist, E. A. (2022), "The digital era and public sector reforms: Transformation or new tools for competing values", *Canadian Public Administration*, vol. 65, no. 3, pp. 547–568, <http://doi.org/10.1111/capa.12493>.

Oduor, C. O., Shikongo, S., Iyawa, G. E. et al. (2020), "Digital ecosystems for public enterprises: Prospects and challenges", in Cunningham, M. and Cunningham, P. (eds.), *IST-Africa 2020 Conference Proceedings*, IST-Africa Institute and IIMC International Information Management Corporation Ltd., Danvers, MA, US, 7 p. [Online], available at: http://www.ist-africa.org/Conference2020/outbox/ISTAfrica_Paper_ref_89_11316.pdf (Accesses Apr. 7, 2023).

Ponzoa, J. M., Gómez, A. and Mas, J. M. (2023), "EU27 and USA institutions in the digital ecosystem: Proposal for a digital presence measurement index", *Journal of Business Research*, vol. 154, art. no. 113354, <http://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.113354>.

Prencipe, A., Corsi, C., Rodríguez-Gulías, M. J. et al. (2020), "Influence of the regional entrepreneurial ecosystem and its knowledge spillovers in developing successful university spin-offs", *Socio-Economic Planning Sciences*, vol. 72, art. no. 100814, <https://doi.org/10.1016/j.seps.2020.100814>.

Rosa, F. R. and Hauge, J. A. (2022), “GAFA’s information infrastructure distribution: Interconnection dynamics in the global North versus global South”, *Policy and Internet*, vol. 14, no. 2, pp. 424–449, <http://doi.org/10.1002/poi3.278>.

Tolstykh, T., Gamidullaeva, L., Shmeleva, N. et al. (2020), “Regional development in Russia: An ecosystem approach to territorial sustainability assessment”, *Sustainability*, vol. 12, no. 16, art. no. 6424, <https://doi.org/10.3390/su12166424>.

Tomlinson, J., Maxwell, J. and Welsh, A. (2023), “Discrimination in digital immigration status”, *Legal Studies*, vol. 42, no. 2, pp. 315–334, <http://doi.org/10.1017/lst.2021.33>.

Van Hilten, M. and Wolfert, S. (2022), “5G in agri-food – A review on current status, opportunities and challenges”, *Computers and Electronics in Agriculture*, vol. 201, art. no. 107291, <http://doi.org/10.1016/j.compag.2022.107291>.

Zhang, Z., Jin, J., Li, S. et al. (2023), “Digital transformation of incumbent firms from the perspective of portfolios of innovation”, *Technology in Society*, vol. 72, art. no. 102149, <http://doi.org/10.1016/j.techsoc.2022.102149>.

Information about the authors

V. I. Abramov – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Business Project Management, National Research Nuclear University MEPhI, 31 Kashirskoe shosse, Moscow, 115409, Russia

SPIN-code (RSCI): 9180–0782

AuthorID (RSCI): 1002285

Web of Science ResearcherID: AEL-7284-2022

Scopus Author ID: 56005129700

V. D. Andreev – 2nd year student of the Master’s degree program “Digital Technologies in State and Municipal Management”, Faculty for Business Informatics and Integrated Systems Management, National Research Nuclear University MEPhI, 31 Kashirskoe shosse, Moscow, 115409, Russia

SPIN-code (RSCI): 1710–8852

AuthorID (RSCI): 1156778

Web of Science ResearcherID: GRN-7966-2022

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 14.04.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 28.04.2023.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 2. С. 272–291.

Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 2, pp. 272–291.

Научная статья

УДК 338.28

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-272-291>

УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ ШЕРИНГОВЫХ УСЛУГ: ОЦЕНКА УРОВНЕЙ ЛОЯЛЬНОСТИ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ РАЙДШЕРИНГОМ

Лариса Владимировна Лепидус¹, Александр Олегович Гостилович²✉

^{1,2} Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

¹ lvlapidus@econ.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9099-6707>

² gostaleks@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-4146-6934>

Аннотация. Введение: популярность шеринг-сервисов мобильности объясняется их способностью решить проблему «первой и последней мили» в бесшовной транспортной системе. Работа данных сервисов основана на цифровых технологиях, и это предъявляет высокие требования к качеству подобных услуг в связи с наличием традиционных альтернатив в сфере перевозок. Райдшеринг выступает ярким примером таких цифровых шеринг-сервисов и делает заманчивым выход заинтересованных в решении транспортных проблем компаний на данный рынок. **Цель:** изучение отношения пользователей райдшеринговых сервисов к качеству услуг посредством оценки уровней лояльности и потребительской удовлетворенности, а также выработка предложений по совершенствованию качества соответствующих услуг. **Методы:** системный подход, методы анализа и синтеза, методы экспертных оценок, методы социологического исследования. В исследовании приняли участие 290 респондентов из Москвы и Московской области, пользующиеся райдшерингом хотя бы раз в году. Для измерения лояльности пользователей к сервисам райдшеринга применялся индекс потребительской лояльности (NPS), предложенный Ф. Райхельдом; для оценки удовлетворенности пользователей – индекс потребительской удовлетворенности (CSI). **Результаты:** было выявлено, что первый отрицателен и составил минус 27,24 %, однако второй оценивается в 72,74 %. Драйверами лояльности стали: 1) удобство, 2) цена, 3) безопасность. В большей степени пользователи удовлетворены техническим состоянием автомобилей, безопасностью во время поездки и ее стоимостью; в меньшей степени – комфортом во время поездки, временем оформления поездки и временем на регистрацию в приложении. **Выводы:** несмотря на отрицательный уровень лояльности, райдшеринг является перспективным направлением развития сервисов мобильности, поскольку детерминанты качества, определяющие уровень лояльности, поддаются улучшению за счет повышения качества шеринговых услуг и возможности оказывать влияние на процессы, по которым выявлена низкая удовлетворенность.

Ключевые слова: экономика совместного потребления, совместная мобильность, райдшеринг, карпулинг, проблема «первой и последней мили», индекс потребительской лояльности, индекс потребительской удовлетворенности

Благодарности: авторы выражают благодарность студентам и аспирантам Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова: О. И. Лаврухиной, Т. Д. Замбае-

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

вой, А. В. Катрану, Н. Д. Пахомовой, О. А. Суставовой, И. С. Трофимову, Е. А. Москальцову и Е. И. Самохваловой за помощь в проведении анкетирования и техническую поддержку.

Для цитирования: Лapidус Л. В., Гостилович А. О. Управление качеством шеринговых услуг: оценка уровней лояльности и потребительской удовлетворенности райдшерингом // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 2. С. 272–291. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-272-291>.

Original article

QUALITY MANAGEMENT OF SHARING SERVICES: ASSESSMENT OF LOYALTY LEVELS AND CUSTOMER SATISFACTION WITH RIDESHARING

Larisa V. Lapidus¹, Alexander O. Gostilovich²✉

^{1,2} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹ lvlapidus@econ.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9099-6707>

² gostaleks@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-4146-6934>

Abstract. Introduction: the popularity of sharing mobility services explains their ability to resolve the “first-mile-last-mile” problems in a seamless transport system. The operation of these services is based on digital technologies, and this places high demands on the quality of such services due to the presence of traditional alternatives in the field of transportation. Ridesharing is a vivid example of such digital sharing services, tempting the companies interested in resolving transport problems to enter this market. **Objectives:** to explore the attitudes of ride-sharing services users to the quality of services by assessing the levels of loyalty and consumer satisfaction, as well as to develop proposals for improving the quality of relevant services. **Methods:** systematic approach, analysis and synthesis, expert assessments, sociological research. The study involved 290 respondents from Moscow and the Moscow region who use ridesharing at least once a year. To measure user loyalty to ridesharing services, the consumer loyalty index (Net Promoter Score, NPS) proposed by Frederick Reicheld was used. To assess user satisfaction, the Consumer Satisfaction Index (CSI) was used. **Results:** it has been revealed that the NPS is negative and amounted to –27.24 %; however, the CSI is estimated at 72.74 %. Loyalty drivers appear to be: (1) convenience, (2) price, (3) safety. The users' greater satisfaction is the technical condition of cars, safety during the trip and its price. The users are less satisfied with the comfort during the trip, the time of trip registration, the time to register in the application. **Conclusions:** despite the negative level of loyalty, ridesharing is a promising direction for the development of mobility services, since the quality determinants that affect the loyalty level can be improved by raising the quality of sharing services and the possibility of influencing the processes for which low satisfaction has been identified.

Keywords: sharing economy, shared mobility, ridesharing, carpooling, first-mile-last-mile, loyalty index, consumer satisfaction index

Acknowledgments: the authors express their gratitude to the students and postgraduates of the Lomonosov Moscow State University: O. I. Lavrukhina, T. D. Zambaeva, A. V. Katran, N. D. Pakhomova, O. A. Sustavova, I. S. Trofimov, E. A. Moskaltsov, and E. I. Samokhvalova for their help in conducting the survey and technical support.

For citation: Lapidus, L. V. and Gostilovich, A. O. (2023), "Quality management of sharing services: Assessment of loyalty levels and customer satisfaction with ridesharing", *Ars Administrandi*, vol. 15, no. 2, pp. 272–291, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-272-291>.

ВВЕДЕНИЕ

Цифровые технологии позволяют по-новому подойти к решению вопросов городской мобильности, связанных с выстраиванием мультимодальной транспортной услуги для построения бесшовной транспортной системы (Липидус и Липидус, 2018) и решения «проблемы первой и последней мили» (Schmoller and Bogenberger, 2020). В первую очередь эта проблема в городских транспортных системах связана с ограниченной доступностью транспортных линий с высокой пропускной способностью (Bryman et al., 2008). Райдшеринг обладает определенным потенциалом для развития гладкой бесшовной транспортной системы, предоставляемые услуги внутри которой станут основой для формирования контуров будущей мобильности (Липидус и Липидус, 2018, с. 81).

Научная категория «гладкая бесшовная транспортная система» была впервые введена Б. М. Липидусом и Л. В. Липидус. Под гладкой бесшовной транспортной системой следует понимать совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых различных интермодальных транспортных продуктов и сервисов, предлагаемых пассажирам в режиме «транспортного супермаркета» (Липидус и Липидус, 2018, с. 82). Ключевым фактором достижения гладкости бесшовной транспортной системы является подтверждение со стороны пассажиров одинакового уровня удовлетворенности сервисами на каждом виде транспорта (Липидус и Липидус, 2017, с. 59).

Сегодня, чтобы добраться из пункта А в пункт Б, люди, как правило, имеют в своем распоряжении несколько видов транспорта. Выбирая между ними, путешественники учитывают ряд критериев, такие как стоимость, время в пути, гибкость (изменения в расписании), удобство (например, расположение пунктов посадки и высадки, возможность слушать музыку или анонимность), надежность и безопасность (Furuhata et al., 2013, p. 28). Автобусы или метро предоставляют возможность передвижения по фиксированному географическому маршруту и фиксированному расписанию. Эти транспортные системы взимают с пассажира небольшую плату, но не обеспечивают особых удобств. Напротив, частные автомобили или услуги такси обходятся дороже, но являют собой более гибкий, удобный и часто более быстрый вариант. Райдшеринг относится к виду транспорта, который позволяет отдельным пассажирам совместно использовать транспортное средство для поездки и разделять транспортные расходы, такие как бензин, плата за проезд и парковку.

Согласно определению Сьюзан Шахин и Нельсона Чена из Калифорнийского университета (Беркли, США), райдшеринг – это транспортная система, которая может сочетать гибкость и скорость частных автомобилей с низкой стоимостью перевозки автобусами и метро. Преимущества райдшеринга

для участников (как водителей, так и пассажиров), общества и окружающей среды включают экономию транспортных расходов, сокращение времени в пути, уменьшение заторов на дорогах, экономию топлива и снижение загрязнения воздуха (Chan and Shaheen, 2012, p. 96).

Современные исследования испанских ученых показывают, что уровень качества сервиса напрямую влияет на намерение людей использовать райдшеринг (Arteaga-Sánchez et al., 2020, p. 725). Возникает необходимость привлечения новых пользователей и удержания существующих, что неразрывно связано с их лояльностью и удовлетворенностью данным сервисом. Это делает оценку уровней лояльности и потребительской удовлетворенности пользователей райдшеринга задачей высокой важности. Такая оценка позволит не только количественно определить основные показатели качества услуги, но и выявить зоны и причины неудовлетворенности.

Цель этого исследования заключается в изучении отношения пользователей райдшеринговых сервисов к качеству услуг посредством оценки уровней лояльности и потребительской удовлетворенности, а также в выработке предложений по совершенствованию качества соответствующих услуг. К задачам следует отнести выявление детерминант качества услуг райдшеринга, оценку уровней потребительской лояльности к сервисам, оценку уровней важности детерминант качества и удовлетворенности сервисами райдшеринга, формулировку рекомендаций по улучшению показателей.

В данной работе использовались общенаучные методы исследования: системный подход, методы анализа и синтеза, методы экспертных оценок, методы социологического исследования. Проводилось анкетирование отобранных случайным образом респондентов, воспользовавшихся райдшерингом для поездок по Москве и Московской области хотя бы один раз в течение года. Для оценки уровней лояльности и потребительской удовлетворенности применялись индекс лояльности (Net Promoter Score, NPS) и индекс потребительской удовлетворенности (Customer Satisfaction Index, CSI). Подход к расчету NPS и CSI был основан на методике расчета индексов данного типа с учетом специфики совокупности процессов, лежащих в основе производственного цикла оказания райдшеринговой услуги, и взаимосвязей между ними.

Настоящая статья состоит из четырех частей. В ее теоретической части рассмотрена природа, сущность и эволюция концепции райдшеринга. Далее определены детерминанты качества услуг, предоставляемых операторами райдшеринговых сервисов. Также в статье описаны авторский подход к эмпирическому исследованию и методология оценки уровней лояльности и удовлетворенности пользователей райдшеринга, основанная на традиционном представлении о количественной оценке NPS и CSI. В рамках проведенной работы выявлены драйверы лояльности и потребительской удовлетворенности в сегменте райдшеринга, представлены зоны для улучшения качества электронных сервисов и другие детерминанты, характеризующие качество услуг райдшеринговых сервисов в России.

В ходе исследования выяснилось, что пользователи нелояльны, но удовлетворены сервисами райдшеринга в Москве и Московской области. Индекс лояльности (NPS) отрицателен и составляет минус 27,24 %, при этом инте-

гральный индекс потребительской удовлетворенности (CSI₁) оценивается на уровне 72,74 %. В большей степени пользователи удовлетворены техническим состоянием автомобилей, безопасностью во время поездки и ее стоимостью; в меньшей степени – комфортом во время поездки, временем оформления поездки, временем на регистрацию в приложении. Выводы статьи будут полезны руководителям компаний по предоставлению услуг мобильных приложений и сервисов райдшеринга, государственным регулирующим органам и транспортным компаниям.

Научная новизна данного исследования заключается в адаптации классических подходов к оценке лояльности и удовлетворенности потребителей для нового сегмента транспортной отрасли, порожденного цифровой экономикой, а именно райдшерингового сервиса. Результаты исследования представляют практическую значимость для решения проблемы городской мобильности и могут лечь в основу корректировки маркетинговых стратегий сервисов райдшеринга в условиях растущей конкуренции между видами городского транспорта.

Статья подготовлена на базе исследования по оценке качества услуг райдшеринговых сервисов, проведенного в рамках проекта «Шеринговые технологии как инструмент решения проблемы “первой и последней мили” в бесшовной транспортной системе», который был разработан в период с 2019 по 2020 год на программе Executive MBA МГУ имени М. В. Ломоносова командой в составе Д. А. Колкова (конкурс «Лидеры России»), О. В. Скачкова (конкурс «Лидеры России»), И. П. Щетинкина (конкурс «Лидеры России»), К. А. Бермана (конкурс «Лидеры России»), А. В. Тесленко (конкурс «Лидеры России»), А. О. Гостиловича. Руководитель проекта – доктор экономических наук, профессор Л. В. Лапидус.

Полное исследование состоит из четырех частей:

1. Совершенствование качества услуг каршеринговых сервисов: оценка уровней лояльности и потребительской удовлетворенности.
2. Качество шеринговых услуг: оценка уровней лояльности и потребительской удовлетворенности райдшерингом.
3. Управление качеством услуг байкшеринговых и кикшеринговых сервисов: оценка уровней лояльности и потребительской удовлетворенности.
4. Драйверы лояльности и потребительской удовлетворенности шеринговыми сервисами на транспорте (каршеринг, байкшеринг, кикшеринг, райдшеринг).

В данной статье представлены результаты по второй части исследования.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Природа и сущность райдшеринга

Райдшеринг – одна из ранних и типичных форм экономики совместного потребления (Zhu et al., 2017). В основе концепции райдшеринга лежит идея о том, что несколько незнакомых людей, чьи маршруты и время в пути схожи или частично пересекаются, могут поехать в одном автомобиле, чтобы разделить расходы на топливо, парковку, дорожные сборы и т. п. (Agatz et al.,

2012). Стремительное развитие райдшеринга в последнее десятилетие можно объяснить главным образом популярностью технологии мобильного интернета и применением инновационных технологий, таких как GPS и облачные вычисления, которые обеспечивают динамическое совместное использование поездок в реальном времени и делают этот вид мобильности намного более гибким и удобным (Dong et al., 2018).

Первые формы райдшеринга появились в середине XX века, когда Управление гражданской обороны США призвало к эффективному использованию автопарка в попытке сохранить резину для военных целей¹. С тех пор технологии и бизнес-модели значительно эволюционировали. Современный райдшеринг состоит из карпулинга (carpooling), некоммерческого / кооперативного карпулинга (nonprofit / cooperative carpooling), ванпулинга (vanpooling), гибкого карпулинга (flexible carpooling) и P2P-райдшеринга (P2P ridesharing) (Chan and Shaheen, 2012, p. 99). Краткие характеристики данных бизнес-моделей представлены в таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

**Характеристики бизнес-моделей райдшеринга /
Characteristics of ridesharing business models**

Название	Годы появления	Характеристика	Примеры сервисов
Карпулинг (carpooling)	1940-е	Поиск попутчиков, компенсирующих часть затрат на поездку	Carpooling.com, Едем.рф, InDrive, BlaBlaCar
Некоммерческий / кооперативный карпулинг (nonprofit / cooperative carpooling)	1940-е	Поиск попутчиков, плата за поездку с которых необязательна	Liftshare
Ванпулинг (vanpooling)	1970-е	Поиск попутчиков для путешествия на фургонах (до 15 человек)	Программа King County Metro Vanpool, округ Кинг, штат Вашингтон
Гибкий карпулинг (flexible carpooling)	2010-е	Подбор попутчиков в заранее установленных местах без предварительного контакта	Проект в Сиэтле, США
P2P-райдшеринг (P2P ridesharing)	2010-е	Быстрый поиск пассажиров с помощью цифровых платформ в режиме реального времени (аналог такси)	Uber, Lyft, Яндекс.Такси

Источник: составлено авторами на основе исследования Б. Коэна и Я. Кизманна (Cohen and Kietzmann, 2014).

¹ Rationing of consumer goods // Columbia Law Review. 1942. Vol. 42, № 7. P. 1170–1181. <https://doi.org/10.2307/1117570>.

Карпулинг. Владельцы транспортных средств берут с собой в поездку попутчиков. Если ранние версии этой бизнес-модели ориентировались на сарафанное радио и доски объявлений компаний для контакта водителей с пассажирами, то развитие информационных и коммуникационных технологий позволило использовать более эффективный подход для обеспечения современных схем автоперевозок (например, Carpooling.com, BlaBlaCar и т. п.). Большинство вариаций карпулинга не связаны с извлечением прибыли и поддерживают субсидирование расходов владельца транспортного средства, способствуя при этом устранению пробок на дорогах и уменьшению загрязнения окружающей среды.

Некоммерческий / кооперативный карпулинг. Многие поставщики услуг карпулинга являются некоммерческими сервисами. Например, Liftshare, основанная в 1999 году как социальное предприятие, руководствуется миссией, а не прибылью.

Ванпулинг. Зародился в 1970-х годах в США при поддержке крупных корпораций и в соответствии с Законом о федеральной помощи на автомобильных дорогах (Kircher and Wapensky, 1978) и предполагает путешествие попутчиков в одном фургоне (до 15 человек). Сегодня существует целый ряд ванпулов, в том числе спонсируемые корпорациями ванпулы для использования сотрудниками, частные ванпулы для пассажиров пригородных поездов или поездок в аэропорты и отели, а также субсидируемые государством ванпулы.

Гибкий карпулинг. Вместо заранее оговоренного места встречи предполагает использование специально отведенных мест для подбора попутчиков, где водители и потенциальные попутчики могут встретиться и договориться о поездке. Несмотря на потенциальную возможность оптимизировать ресурсы, сегодня гибкий карпулинг встречается редко. Самым крупным примером остается проект в Сиэтле², запущенный в 2010 году и финансируемый штатом Вашингтон.

P2P-райдшеринг. С появлением новых интернет- и мобильных технологий стал важной альтернативой мобильности в городах по всему миру. Обычно использует возможности социальных сетей и технологии мобильной геолокации для обеспечения совместного использования поездок в режиме реального времени между участниками сети (например, Lyft, Uber, Яндекс.Такси).

Настоящее исследование направлено на изучение качества услуг карпулинга как сегмента райдшеринга.

Детерминанты качества райдшеринговых сервисов

Управление качеством райдшеринговых сервисов имеет особенности, связанные с разнообразием моделей их организации, каждая из которых включает специфические процессы и подпроцессы, влияющие на качество услуг. При этом определение критериев, по которым целесообразно произво-

² *Misek Sh.* Carpool pilot project. Interim report to the legislature [Online] // Official website of the Washington State Legislature. 2011. Feb. 11 p. URL: https://app.leg.wa.gov/ReportsToTheLegislature/Home/GetPDF?fileName=Carpool%20Pilot%20Project%20Interim%20Report_e05cb8c1-a9b3-4fcd-a5b3-c5a3ee15885b.pdf (Accessed March 10, 2023).

дить оценку качества услуги райдшеринга в целом, остается актуальной задачей для операторов райдшеринга в каждом конкретном регионе при каждой конкретной модели. Для выявления детерминант качества были рассмотрены исследования ученых разных регионов мира (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

**Обзор исследований по теме оценки качества услуг райдшеринга /
Review of research on assessing the quality of ridesharing services**

Авторы	Регион	Детерминанты качества райдшеринга
И. Балачандран, И. Хамза (Balachandran and Hamzah, 2017)	156 респондентов в Малайзии	Релевантность объявлений, надежность, цена, скорость поиска поездки / попутчика, комфорт в поездке, удовлетворенность внешним видом попутчиков
К. Миттендорф (Mittendorf, 2017)	221 респондент в Германии	Удобство знакомства попутчиков, доверие между ними, доверие к сервису, доверие к водителям, время поиска водителя, удобство организации поездки
К. Ли (Lee, 2017)	92 респондента в Бостоне (США)	Безопасность, обоснование доплаты, справочная система (FAQ), частота изменений в ofercie, модерация поездок
Е. Сон, Х. Ким, Д. Ли (Sung et al., 2018)	322 респондента в Южной Корее	Экономическая выгода, устойчивость, удовольствие, социальные отношения, модерация, сетевой эффект (рекомендации), намерения водителей и пассажиров
З. В. Ю. Ли, Т. Чан, М. С. Балажи и др. (Lee et al., 2018)	296 респондентов в Гонконге	Качество информации и системы, доверие, предполагаемый риск, предполагаемая выгода, намерения участников, рейтинговая система
С. М. А. Эльмегид, М. А. Рагхеб, П. И. Тантави и др. (Elmeguid et al., 2018)	502 респондента в Египте	Экономия и снижение затрат, осведомленность о правилах поездки / прозрачность системы, качество обслуживания в поездке, безопасность транзакций, надежность сервиса, техническое состояние транспорта
Ю. Лю, Ю. Ян (Liu and Yang, 2018)	394 респондента в Китае	Правовое регулирование, взаимозаменяемость сервисов, воспринимаемая полезность и простота использования, доверие к платформе, поведенческие намерения, гендерное равенство

Источник: составлено авторами с учетом результатов исследований А. Кусванто, А. Хармади, С. Сундари и др. (Kuswanto et al., 2019).

На основе анализа и оценки качества услуг райдшеринга в мировой практике (табл. 2), обзора состояния экономики совместного потребления в России³ и собственной экспертной оценки авторами исследования было выявлено одиннадцать детерминант качества сервисов райдшеринга: безопасность во время поездки; стоимость поездки; комфорт во время поездки; техническое состояние автомобиля; состояние здоровья водителя / пассажира; рейтинг водителя; количество попутчиков в одном автомобиле; время, затраченное на ожидание попутчика; время оформления поездки; время, затраченное на регистрацию в приложении; безопасность проводимого платежа. В данном исследовании предпочтение отдавалось комбинации количественных и качественных показателей.

С указанными детерминантами во многом совпадают детерминанты качества, которые выделили Н. Мухаммед, М. С. Махмуд и М. С. Хок в разработанной ими методологии исследований качества услуг райдшеринговых сервисов в развивающихся странах, а именно: поведение и опыт водителя; отношение водителя к соблюдению правил дорожного движения (соблюдение ограничения скорости, тенденция к обгону и т. д.); качество транспортного средства; чистота транспортного средства; безопасность поездки; комфортность поездки; надежность биллинговой системы; время ожидания машины; время поездки; удобство мобильного приложения; комиссии за использование сервиса; качество работы службы поддержки (Mohammad et al., 2022).

Предложенные авторами настоящей статьи детерминанты качества легли в основу методики оценки показателей важности и удовлетворенности пользователей сервисами райдшеринга в России. Сравнительный анализ полученных результатов позволил выявить те детерминанты, чей уровень важности превышает уровень удовлетворенности и, как следствие, требует особого внимания со стороны операторов райдшеринга. На основе данных показателей был рассчитан индекс потребительской удовлетворенности (CSI).

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В проведенном исследовании по оценке уровней потребительской лояльности и удовлетворенности шеринг-сервисами в сегменте райдшеринг приняли участие 290 респондентов из Москвы и Московской области, пользующихся райдшерингом хотя бы один раз в течение года. Респондентам предлагалось заполнить электронную анкету с вопросами по двум группам. Первая группа вопросов была направлена на оценку лояльности пользователей райдшеринга и выявление причин, по которым они будут или не будут рекомендовать услуги райдшеринга своим друзьям и знакомым; вторая группа вопросов связана с оценкой установленных в теоретической части исследования детерминант качества сервисов райдшеринга.

Для измерения лояльности пользователей к сервисам райдшеринга применялся индекс потребительской лояльности (NPS). Данный индекс был

³ Экономика совместного потребления в России 2019 [Электронный ресурс] // Сайт ТИАР-Центра. 18 с. URL: https://tiarcenter.ru/wp-content/uploads/2020/03/RAEC_Sharing-economy-in-Russia-2019_March-2020.pdf (дата обращения: 10.03.2023).

предложен Фредериком Райхельдом в 2003 году⁴ и с тех пор широко используется в научных исследованиях. В данной работе NPS рассчитывался путем обработки и анализа полученных ответов на вопрос «Насколько вероятно, что вы будете рекомендовать услуги райдшеринга своим друзьям, знакомым? Оцените по 10-балльной шкале: от 1 балла (точно не буду рекомендовать) до 10 баллов (обязательно буду рекомендовать) в соответствии с вашими ощущениями».

Все респонденты были разделены на три группы:

- 1) «промоутеры» – самые лояльные потребители услуг, готовые рекомендовать услуги райдшеринга своим знакомым (поставили 9–10 баллов);
- 2) «нейтралы» – нейтральные (пассивные) потребители услуг, которых устраивает качество услуг райдшеринга, но в целом они нелояльны к сервису (поставили 7–8 баллов);
- 3) «критики» – потребители услуг, которые не удовлетворены услугами райдшеринга и нелояльны (поставили 1–6 баллов).

Индекс NPS равен разнице между долей «промоутеров» и «критиков» в общем числе респондентов и оценивается в диапазоне от минус 100 % до плюс 100 %.

Наиболее популярной методикой оценки удовлетворенности пользователей различными сервисами является оценка CSI (Hill et al., 2003). Существует большое разнообразие индексов, оценивающих удовлетворенность потребителей и опирающихся на разные методологии, сферу применения и другие специфические особенности (Eboli and Mazzulla, 2009). Для измерения уровня удовлетворенности пользователей сервисами райдшеринга в данном исследовании применялся индекс потребительской удовлетворенности.

Придерживаясь общепринятого фреймворка для расчета CSI (Hill et al., 2003, p. 15), авторы статьи использовали вспомогательные показатели «важность» (B) и «удовлетворенность» (Y) по детерминантам качества сервисов райдшеринга, измеряемые на основе субъективного выбора респондента по шкале от 1 до 5 баллов. В итоге были рассчитаны индексы потребительской удовлетворенности (CSI_i) по каждому критерию качества ($i = [1, 11]$) и интегральный индекс потребительской удовлетворенности (CSI_I), определяемый по формуле:

$$CSI_I = \frac{\sum_{i=1}^n B_i Y_i}{n}$$

где CSI_I – интегральный индекс потребительской удовлетворенности;

B_i – важность i -го критерия;

Y_i – удовлетворенность по i -му критерию;

n – количество критериев.

Дальнейшим шагом в расчетах являлась оценка максимального и минимального значений CSI_I . Расчет максимального значения производился

⁴ Reichheld F. F. The one number you need to grow [Online] // Harvard Business Review. 2003. Dec. URL: <https://hbr.org/2003/12/the-one-number-you-need-to-grow> (Accessed March 8, 2023).

при условии, что степень удовлетворенности по всем критериям равна 5, а минимального – при условии, что степень удовлетворенности равна 1. Таким образом, при перерасчете были выявлены следующие интервалы и варианты удовлетворенности респондентов, пользующихся райдшеринговыми сервисами:

85–100 % – восхищенный пользователь;

70–85 % – удовлетворенный пользователь;

40–70 % – нейтральный пользователь;

20–40 % – неудовлетворенный пользователь.

Соответствие CSI_i одному из перечисленных диапазонов характеризует удовлетворенность пользователей сервисами райдшеринга.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Профиль респондентов

По возрастному критерию респонденты разделились на следующие категории: 73 % (преобладающая доля) относятся к возрастному диапазону от 20 до 35 лет (поколение Y), 13 % – к диапазону от 36 до 54 лет, 13 % – 19 лет и младше и, наконец, самая малочисленная группа (1 %) входит в возрастной диапазон 55–76 лет. По половому признаку мужчины и женщины разделились в равных долях. По роду занятий представлены следующие категории респондентов: два наиболее многочисленных сегмента занимают наемные работники – 45 %; учащиеся и студенты – 39 %; 13 % относят себя к категории «руководитель, предприниматель», прочие занятия – 3%.

На вопрос о наличии водительского удостоверения большая часть респондентов (68 %) ответила утвердительно, при этом оставшиеся 32 % респондентов сообщили об отсутствии у них прав на управление транспортным средством. У 50 % респондентов нет личного автомобиля, при этом 36 % сообщили о наличии автомобиля в личном пользовании, а 14 % респондентов – о том, что в силу отсутствия у них личного автомобиля иногда пользуются автомобилем родителей или знакомых.

Индекс потребительской лояльности (NPS)

Полученный в результате расчета индекс NPS составил минус 27,24. Это отражает тот факт, что количество лояльных потребителей услуг райдшеринга («промоутеров») значительно (на 27,24 пункта) меньше количества пассажиров, которые не удовлетворены услугами сервисов и которые нелояльны к сервисам («критиков»).

В целях выявления причинно-следственных связей, определяющих желание или нежелание рекомендовать услуги райдшеринга своим знакомым, а также для выяснения характеристик услуги, оказывающих влияние на лояльность пользователей, то есть драйверов лояльности (*loyalty drivers*), респондентам были заданы вопросы о причинах положительных или отрицательных рекомендаций сервисов райдшеринга своим друзьям и знакомым. Выявленные драйверы лояльности представлены в таблице 3.

Драйверы лояльности / Loyalty drivers⁵

Будут рекомендовать	Не будут рекомендовать
1. Удобно (49,9 %). 2. Обычно дешевле, чем альтернативный транспорт (21,4 %). 3. Удобный способ для междугородних поездок (14,3 %)	1. Опасно (50 %). 2. Плохие водители (10 %). 3. Не вижу в этом чего-то действительно удобного (10 %)

Источник: составлено авторами на основе результатов собственного исследования.

Почти половина лояльных респондентов будет рекомендовать сервисы райдшеринга, поскольку это удобно; пятая часть респондентов считает, что райдшеринг дешевле традиционного транспорта; седьмая часть выделяет удобство райдшеринга для междугородних поездок. Так, по данным сервиса BlaBlaCar, 91 % пользователей утверждают, что райдшеринг позволяет экономить на поездках⁶. В России еще в 2017 году сервисами поиска попутчиков пользовались 13 % жителей Москвы и Московской области⁷, а в 2022-м – уже порядка 42 % жителей страны⁸.

Основным барьером для рекомендации сервисов райдшеринга служит их опасность – 50 % нелояльных респондентов; плохие навыки вождения водителей выделяют 10 %, и такое же число нелояльных респондентов не видит удобств в данных сервисах. В сети Интернет освещено множество пользовательских историй о нарушениях водителями правил сервисов райдшеринга, самые громкие из них связаны с уголовными преступлениями во время поездок⁹. В целом в России сервисы для поиска попутчиков нередко используют специализированные на перевозках или из «серой» зоны ИП и ООО, обеспечивающие низкое качество поездок в стремлении снизить издержки¹⁰.

⁵ В круглых скобках указано значение доли респондентов, которые ответили тем или иным образом. В таблицу включены наиболее значимые ответы.

⁶ *Исследование: сколько можно сэкономить с BlaBlaCar* [Электронный ресурс] // Офиц. сайт BlaBlaCar. 2016. URL: <https://blog.blablacar.ru/blablalife/novyi-vzgliad/socialnaya-znachimost/ckolkomozhno-sekonomit-s-blablacar> (дата обращения: 05.03.2023).

⁷ *Исследование: у райдшеринга в России хорошие перспективы* [Электронный ресурс] // Seldon.News. 2017. 29 авг. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/175137201> (дата обращения: 08.03.2023).

⁸ Flynn J. 20+ riveting ridesharing industry statistics [2023]: Average ridesharing revenue, market share and more [Online] // Zippa. 2023. 6 March. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/175137201> (Accessed March 8, 2023).

⁹ *Кемеров И. Этот страшный и опасный BlaBlaCar* [Электронный ресурс] // Fishki.net. 2019. 1 янв. URL: <https://fishki.net/2824471-jetot-strashnyj-i-opasnyj-blablacar.html> (дата обращения: 05.03.2023).

¹⁰ *BlaBlaCar стал тем, для чего не предназначался* [Электронный ресурс] // Хабр. 2019. 10 янв. URL: <https://habr.com/ru/articles/435604/> (дата обращения: 08.03.2023).

Индекс потребительской удовлетворенности (CSI)

Для расчета интегрального индекса потребительской удовлетворенности (CSI_i) использовались средние баллы по показателям «важность» (B_i) и «удовлетворенность» (Y_i) по каждой из выявленных одиннадцати детерминант качества сервисов райдшеринга. В первую очередь сервисам райдшеринга следует направить усилия на улучшение по тем детерминантам, по которым наблюдается доминирование важности над удовлетворенностью – когда для пользователя сервиса фактор имеет более высокую значимость, чем то, как он оценивает свою удовлетворенность его состоянием (рис.).

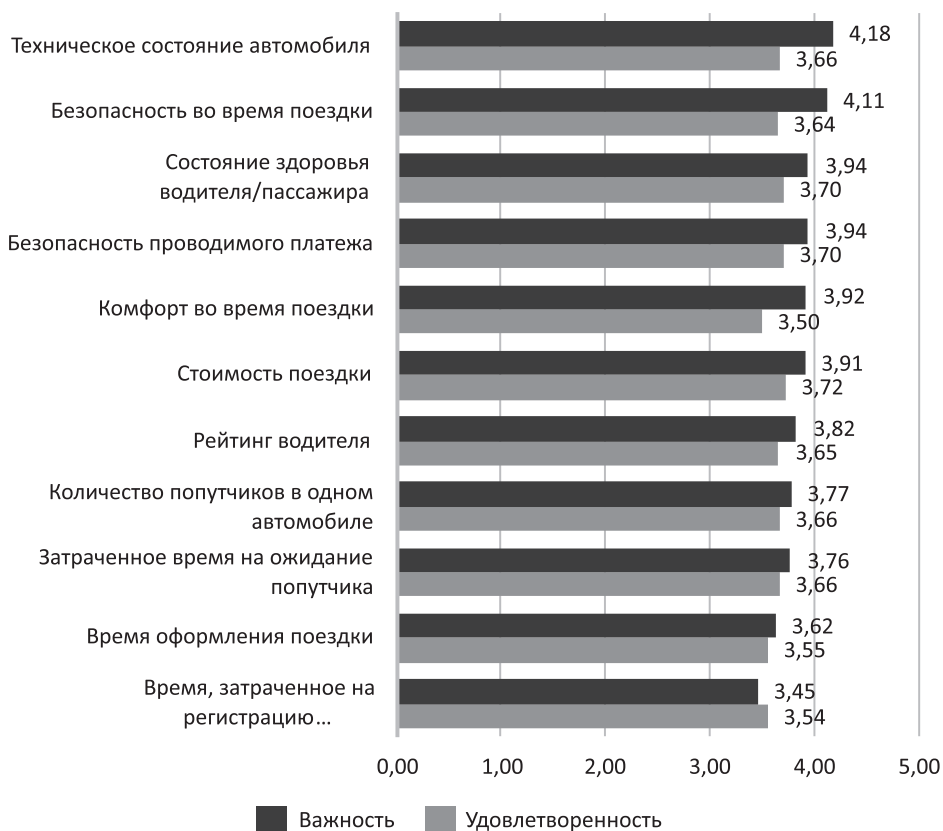

Рис. Сравнение детерминант качества сервисов райдшеринга по важности и удовлетворенности / Fig. Comparison of ridesharing quality determinants by importance and satisfaction

Источник: составлено авторами на основе результатов собственного исследования.

«Лидирующими» детерминантами для улучшения являются «техническое состояние автомобиля», «безопасность во время поездки» и «состояние здоровья водителя / пассажира». Самая важная для пользователя райдшеринга детерминанта качества – «техническое состояние автомобиля» (4,18/5), однако удовлетворенность данным показателем составляет только 3,66

из 5 баллов. Так, в пользовательском соглашении BlaBlaCar отдельно отмечается обязательство использовать автомобиль в надлежащем техническом состоянии и в полном соответствии с применимыми юридическими правилами и процедурами – в частности, должна быть в наличии действительная диагностическая карта¹¹.

Райдшеринговые компании стараются взаимодействовать с государственными органами для обеспечения безопасности во время поездок и контроля состояния здоровья водителя / пассажира. Так, Минтранс России были предложены следующие регулирующие меры: у водителей обязательно должны быть права категории В и стаж не менее двух лет; в сутки водитель может делать только две поездки, за одну поездку – перевозить в машине не более пяти человек; оплата услуг водителя возможна только в безналичной форме через онлайн-сервис; предельный размер платы устанавливает правительство с учетом цен на топливо, смазочные материалы, проезда по платным дорогам и т. д.¹²

Удовлетворенность по такой детерминанте качества, как «время, затраченное на регистрацию в приложении», превышает уровень важности на 3 % (рис. 1). Однако, как будет показано далее, интегральный индекс потребительской удовлетворенности по этой детерминанте – один из самых низких (табл. 4). Интегральный индекс потребительской удовлетворенности (CSI_i) пользователей райдшеринга равен 14,03, или 72,74 %. Для более детального рассмотрения составляющих интегрального индекса были рассчитаны индексы по отдельным детерминантам (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

**Индексы потребительской удовлетворенности пользователей райдшеринга
по отдельным детерминантам / Indices of consumer satisfaction of ridesharing users
by individual determinants**

№	Критерий	Показатель U_i	Показатель V_i	Индекс CSI_i	Доля от максимально возможного CSI_p , %
1	Техническое состояние автомобиля	3,66	4,18	15,27	79,19
2	Безопасность во время поездки	3,64	4,11	14,98	77,68
3	Стоимость поездки	3,72	3,91	14,57	75,54
4	Безопасность проводимого платежа	3,70	3,94	14,55	75,47
5	Состояние здоровья водителя / пассажира	3,70	3,94	14,55	75,47

¹¹ Условия использования. П. 8.2. Обязательства водителей [Электронный ресурс] // Официальный сайт BlaBlaCar. 2022. 6 дек. URL: <https://blog.blablacar.ru/about-us/terms-and-conditions> (дата обращения: 05.03.2023).

¹² Раксина А. Вместе безопаснее? Кто позаботится о попутчиках в совместных поездках [Электронный ресурс] // ИТАР-ТАСС. 2019. 1 июля. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5394828> (дата обращения: 05.03.2023).

№	Критерий	Показатель U_i	Показатель V_i	Индекс CSI_i	Доля от максимально возможного CSI_p , %
6	Рейтинг водителя	3,65	3,82	13,96	72,40
7	Количество попутчиков в одном автомобиле	3,66	3,77	13,83	71,71
8	Время, затраченное на ожидание попутчика	3,66	3,76	13,77	71,40
9	Комфорт во время поездки	3,50	3,92	13,69	71,00
10	Время оформления поездки	3,55	3,62	12,88	66,77
11	Время, затраченное на регистрацию в приложении	3,54	3,45	12,24	63,49

Источник: составлено авторами на основе результатов собственного исследования.

Таким образом, наибольшую удовлетворенность респонденты продемонстрировали состоянием следующих критериев: «техническое состояние автомобиля» (79,19 %), «безопасность во время поездки» (77,68 %), «стоимость поездки» (75,54 %). Наименьшая удовлетворенность респондентов выявлена по критериям «время, затраченное на регистрацию в приложении» (63,49 %), «время оформления поездки» (66,77 %) и «комфорт во время поездки» (71 %).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты данного исследования показывают, что индекс потребительской лояльности (NPS) отрицателен и равен минус 27,24 %. Самыми сильными драйверами лояльности являются удобство сервиса в целом, потенциальная экономия в путешествии и возможность удобно совершать междугородные поездки. При этом основной негатив у респондентов вызвали вопросы безопасности и компетентности водителей, а скептицизм проявился в отношении действительного удобства сервисов. Компаниям в сфере райдшеринга необходимо в значительной мере проработать данные аспекты, чтобы обеспечить лояльность своих пользователей.

Интегральный индекс удовлетворенности потребителей (CSI_p) равен 72,74 % и означает высокий уровень удовлетворенности пользователей райдшеринга услугами сервисов. Тем не менее расчет CSI_p , дифференцированный по отдельным критериям качества, показал, что потребители в низкой степени удовлетворены такими критериями, как «время, затраченное на регистрацию в приложении», «время оформления поездки» и «комфорт во время поездки». Операторам райдшеринга следует уделить особое внимание данным параметрам деятельности.

Исследование М. Ф. Шамсудина и его коллег из малайзийского Университета Куала-Лумпура показало, что, поскольку затраты на переключение между брендами и лояльность к цифровым сервисам ниже для шеринг-услуг, чем для традиционных услуг, критически важно измерять удовлетворенность

и лояльность пассажиров, пользующихся услугами райдшеринга. Результаты данного исследования продемонстрировали: как имидж райдшерингового сервиса, так и цена услуги существенно влияют на удовлетворенность клиентов. Однако с точки зрения лояльности клиентов статистически значимым является только имидж сервиса (Shamsudin et al., 2023). Поэтому, несмотря на достигнутые успехи в обеспечении уровня удовлетворенности качеством сервисов, российским операторам райдшеринга следует уделять повышенное внимание именно вопросам лояльности.

Список источников

Ланидус Б. М., Ланидус Л. В. Формирование бесшовной транспортной системы – новая парадигма открытого железнодорожного транспорта в условиях цифровой трансформации // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 1. С. 79–88.

Ланидус Л. В., Ланидус Б. М. Гладкая бесшовная транспортная система – инновационная модель будущего: природа, сущность, детерминанты качества // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2017. № 2. С. 45–64.

Agatz N., Erera A., Savelsbergh M. et al. Optimization for dynamic ride-sharing: A review // European Journal of Operational Research. 2012. Vol. 223, № 2. P. 295–303. <https://doi.org/10.1016/j.ejor.2012.05.028>.

Arteaga-Sánchez R., Belda-Ruiz M., Ros-Galvez A. et al. Why continue sharing: Determinants of behavior in ridesharing services // International Journal of Market Research. 2020. Vol. 62, № 6. P. 725–742. <http://doi.org/10.1177/1470785318805300>.

Balachandran I., Hamzah I. B. The influence of customer satisfaction on ride-sharing services in Malaysia // International Journal of Accounting and Business Management. 2017. Vol. 5, № 2. P. 184–196. <http://doi.org/10.24924/ijabm/2017.11/v5.iss2/184.196>.

Bryman A., Becker S., Sempik J. Quality criteria for quantitative, qualitative and mixed methods research: A view from social policy // International Journal of Social Research Methodology. 2008. Vol. 11, № 4. P. 261–276. <http://doi.org/10.1080/13645570701401644>.

Chan N. D., Shaheen S. A. Ridesharing in North America: Past, present, and future // Transport Reviews. 2012. Vol. 32, № 1. P. 93–112. <https://doi.org/10.1080/01441647.2011.621557>.

Cohen B., Kietzmann J. Ride on! Mobility business models for the sharing economy // Organization & Environment. 2014. Vol. 27, № 3. P. 279–296. <http://doi.org/10.1177/1086026614546199>.

Dong Y., Wang S., Li L. et al. An empirical study on travel patterns of internet based ride-sharing // Transportation Research. Part C: Emerging Technologies. 2018. Vol. 86. P. 1–22. <https://doi.org/10.1016/j.trc.2017.10.022>.

Eboli L., Mazzulla G. A new customer satisfaction index for evaluating transit service quality // Journal of Public Transportation. 2009. Vol. 12, № 3. P. 21–37. <http://doi.org/10.5038/2375-0901.12.3.2>.

Elmeguid S. M. A., Ragheb M. A., Tantawi P. I. et al. Customer satisfaction in sharing economy the case of ridesharing service in Alexandria, Egypt // The Business and Management Review. 2018. Vol. 9, № 4. P. 373–382.

Furuhata M., Dessouky M., Ordóñez F. et al. Ridesharing: The state-of-the-art and future directions // *Transportation Research. Part B: Methodological*. 2013. Vol. 57. P. 28–46. <http://doi.org/10.1016/j.trb.2013.08.012>.

Hill N., Brierley G., MacDougall R. How to measure customer satisfaction. 2nd ed. Hampshire: Gower Publishing, 2003. 151 p.

Kircher D., Wapensky L. Vanpooling: An overview. Denver, CO: Environmental Protection Agency, 1978. 54 p.

Kuswanto A., Sundari S., Harmadi A. et al. The determinants of customer loyalty in the Indonesian ride-sharing services: Offline vs online // *Innovation and Management Review*. 2019. Vol. 17, № 1. P. 75–85. <https://doi.org/10.1108/INMR-05-2019-0063>.

Lee C. Dynamics of ride-sharing competition [Электронный ресурс] // *ISEAS Economics Working Paper*. 2017. Art. № 2017-05. 35 p. URL: <https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ISEASEWP2017-05Lee.pdf> (дата обращения: 01.03.2023).

Lee Z. W. Y., Chan T. K. H., Balaji M. S. et al. Why people participate in the sharing economy: An empirical investigation of Uber // *Internet Research*. 2018. Vol. 28, № 3. P. 829–850. <https://doi.org/10.1108/IntR-01-2017-0037>.

Liu Y., Yang Y. Empirical examination of users' adoption of the sharing economy in China using an expanded technology acceptance model // *Sustainability*. 2018. Vol. 10, № 4. Art. № 1262. <https://doi.org/10.3390/su10041262>.

Mittendorf C. The implications of trust in the sharing economy – An empirical analysis of Uber [Электронный ресурс] // *Proceedings of the 50th Hawaii International Conference on System Sciences* / Ed. by T. X. Bui, R. Sprague, Jr. Big Island, HI, 2017. P. 5837–5846. <http://doi.org/10.24251/HICSS.2017.703>. URL: <http://hdl.handle.net/10125/41866> (дата обращения: 09.03.2023).

Mohammad N. B., Mahmud M. S., Hoque M. S. User satisfaction and system efficiency towards ride sharing service: Study on Uber Bangladesh [Электронный ресурс] // *Proceedings of the 6th International Conference on Civil Engineering for Sustainable Development (ICCESD 2022)* / Ed. By Q. H. Bari, Q. S. Hossain et al. Khulna: Khulna University of Engineering and Technology, 2022. Art. № 4251. URL: https://iccesd.com/proc_2022/Papers/TRE-4251.pdf (дата обращения: 09.03.2023).

Schmoller S., Bogenberger K. Carsharing: An overview on what we know // *Demand for emerging transportation systems. Modeling adoption, satisfaction, and mobility patterns* / Ed. by C. Antoniou, D. Efthymiou et al. Amsterdam; Oxford; Cambridge, MA: Elsevier, 2020. P. 211–226. <http://doi.org/10.1016/B978-0-12-815018-4.00011-5>.

Shamsudin M. F., Abu Bakar A. R., Hashim F. Understanding passengers' satisfaction and loyalty towards ridesharing services // *Global Business and Organizational Excellence*. 2023. Vol. 42, № 2. P. 29–44. <http://doi.org/10.1002/joe.22176>.

Sung E., Kim H., Lee D. Why do people consume and provide sharing economy accommodation? – A sustainability perspective // *Sustainability*. 2018. Vol. 10, № 6. Art. № 2072. <https://doi.org/10.3390/su10062072>.

Zhu G., So K. K. F., Hudson S. Inside the sharing economy: Understanding consumer motivations behind the adoption of mobile applications // *International Journal of Contemporary Hospitality Management*. 2017. Vol. 29, № 9. P. 2218–2239. <https://doi.org/10.1108/IJCHM-09-2016-0496>.

Информация об авторах

Л. В. Лapidус – доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, заведующий Лабораторией прикладного отраслевого анализа экономического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», 119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1

SPIN-код (РИНЦ): 2574-5420

AuthorID (РИНЦ): 412334

Web of Science ResearcherID: AAZ-8362-2020

Scopus Author ID: 56346948300

А. О. Гостилович – кандидат экономических наук, инженер Лаборатории прикладного отраслевого анализа экономического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», 119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1

SPIN-код (РИНЦ): 8130-0979

AuthorID (РИНЦ): 973195

Web of Science ResearcherID: AAR-1814-2021

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 18.03.2023; одобрена после рецензирования 15.04.2023; принята к публикации 15.04.2023.

References

Lapidus, B. and Lapidus, L. (2018), "Seamless transport system formation – A new paradigm of open railway transport under digital transformation", *International Journal of Management Theory and Practice*, 2018, no. 1, pp. 79–88.

Lapidus, L. V. and Lapidus, B. M. (2017), "Smooth seamless transport system – The innovative model of the future: nature, essence, quality determinants", *Moscow University Economics Bulletin*, no. 2, pp. 45–64.

Agatz, N., Erera, A., Savelsbergh, M. et al. (2012), "Optimization for dynamic ride sharing: An overview", *European Journal of Operational Research*, vol. 223, no. 2, pp. 295–303, <https://doi.org/10.1016/j.ejor.2012.05.028>.

Arteaga-Sánchez, R., Belda-Ruiz, M., Ros-Galvez, A. et al. (2020), "Why keep sharing: Determinants of behavior in ride-sharing services", *International Journal of Marketing Research*, vol. 62, no. 6, pp. 725–742, <http://doi.org/10.1177/1470785318805300>.

Balachandran, I. and Hamzah, I. B. (2017), "The influence of customer satisfaction on ride-sharing services in Malaysia", *International Journal of Accounting and Business Management*, vol. 5, no. 2, pp. 184–196, <http://doi.org/10.24924/ijabm/2017.11/v5.iss2/184.196>.

Brayman, A., Becker, S. and Sempik, J. (2008), "Quality criteria for quantitative, qualitative and mixed research methods: A view from the point of view of social policy", *International Journal of Social Research Methodology*, vol. 11, no. 4, pp. 261–276, <http://doi.org/10.1080/13645570701401644>.

Chan, N. D. and Shaheen, S. A. (2012), "Ridesharing in North America: Past, present and future", *Transport Reviews*, vol. 32, no. 1, pp. 93–112, <https://doi.org/10.1080/01441647.2011.621557>.

Cohen, B. and Kitzmann, J. (2014), "Drive on! Mobility business models for the sharing economy", *Organization & Environment*, vol. 27, no. 3, pp. 279–296, <http://doi.org/10.1177/1086026614546199>.

Dong, Y., Wang, S., Li, L. et al. (2018), "An empirical study on travel patterns of internet based ride-sharing", *Transportation Research. Part C: New Technologies*, vol. 86, pp. 1–22, <https://doi.org/10.1016/j.trc.2017.10.022>.

Eboli, L. and Mazulla, G. (2009), "A new customer satisfaction index for assessing the quality of transit services", *Journal of Public Transport*, vol. 12, no. 3, pp. 21–37, <http://doi.org/10.5038/2375-0901.12.3.2>.

Elmeguid, S. M. A., Ragheb, M. A., Tantawi, P. I. et al. (2018), "Customer satisfaction in sharing economy the case of ridesharing service in Alexandria, Egypt", *Business and Management Review*, vol. 9, no. 4, pp. 373–382.

Furuhata, M., Dessouky, M., Ordóñez, F. et al. (2013), "Ridesharing: The state-of-the-art and future directions", *Transport Research, Part B: Methodological*, vol. 57, pp. 28–46, <http://doi.org/10.1016/j.trb.2013.08.012>.

Hill, N., Brierley, G. and MacDougall, R. (2003), *How to measure customer satisfaction*, 2nd ed., Gower Publishing, Hampshire, UK.

Kircher, D. and Wapensky, L. (1978), *Vanpooling: An overview*, Environmental Protection Agency, Denver, CO, US.

Kuswanto, A., Sundari S., Harmadi, A. et al. (2019), "The determinants of customer loyalty in the Indonesian ride-sharing services: Offline vs online", *Innovation and Management Review*, vol. 17, no. 1, pp. 75–85, <https://doi.org/10.1108/INMR-05-2019-0063>.

Lee, C. (2017), "Dynamics of ride-sharing competition", *ISEAS Economics Working Paper*, art. no. 2017-05, 35 p. [Online], available at: <https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ISEASEWP2017-05Lee.pdf> (Accessed March 1, 2023).

Lee, Z. W. Y., Chan, T. K. H., Balaji, M. S. et al. (2018), "Why people participate in the sharing economy: An empirical investigation of Uber", *Internet Research*, vol. 28, no. 3, pp. 829–850, <https://doi.org/10.1108/IntR-01-2017-0037>.

Liu, Y. and Yang, Y. (2018), "Empirical examination of users' adoption of the sharing economy in China using an expanded technology acceptance model", *Sustainability*, vol. 10, no. 4, art. no. 1262, <https://doi.org/10.3390/su10041262>.

Mittendorf, C. (2017), "The implications of trust in the sharing economy – An empirical analysis of Uber", in Bui, Tung X. and Sprague, R. Jr. (eds.), *Proceedings of the 50th Hawaii International Conference on System Sciences*, Big Island, HI, pp. 5837–5846, <http://doi.org/10.24251/HICSS.2017.703> [Online], available at: <http://hdl.handle.net/10125/41866> (Accesses March 9, 2023).

Mohammad, N. B., Mahmud, M. S. and Hoque, M. S. (2022), "User satisfaction and system efficiency towards ride sharing service: Study on Uber Bangladesh",

in Bari, Q. H., Hossain, Q. S. et al. (eds.), *Proceedings of the 6th International Conference on Civil Engineering for Sustainable Development (ICCESD 2022)*, Khulna University of Engineering and Technology, Khulna, Bangladesh, art. no. 4251 [Online], available at: https://iccesd.com/proc_2022/Papers/TRE-4251.pdf (Accesses March 9, 2023).

Schmoller, S. and Bogenberger, K. (2020), “Carsharing: An overview on what we know”, in Antoniou, C., Efthymiou, D. et al. (eds.), *Demand for emerging transportation systems. Modeling adoption, satisfaction, and mobility patterns*, Elsevier, Amsterdam, Netherlands, Oxford, UK, Cambridge, MA, US, pp. 211–226, <http://doi.org/10.1016/B978-0-12-815018-4.00011-5>.

Shamsudin, M. F., Abu Bakar, A. R. and Hashim, F. (2023), “Understanding passengers’ satisfaction and loyalty towards ridesharing services”, *Global Business and Organizational Excellence*, vol. 42, no. 2, pp. 29–44, <http://doi.org/10.1002/joe.22176>.

Sung, E., Kim, H. and Lee, D. (2018), “Why do people consume and provide sharing economy accommodation? – A sustainability perspective”, *Sustainability*, vol. 10, no. 6, art. no. 2072, <https://doi.org/10.3390/su10062072>.

Zhu, G., So, K. K. F. and Hudson, S. (2017), “Inside the sharing economy: Understanding consumer motivations behind the adoption of mobile applications”, *International Journal of Contemporary Hospitality Management*, vol. 29, no. 9, pp. 2218–2239, <https://doi.org/10.1108/IJCHM-09-2016-0496>.

Information about the authors

L. V. Lapidus – Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Head of the Applied Industrial Analysis Laboratory, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

SPIN-code (RSCI): 2574-5420

AuthorID (RSCI): 412334

Web of Science ResearcherID: AAZ-8362-2020

Scopus Author ID: 56346948300

A. O. Gostilovich – Ph.D in Economic Sciences, Engineer of the Applied Industrial Analysis Laboratory, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

SPIN-code (RSCI): 8130-0979

AuthorID (RSCI): 973195

Web of Science ResearcherID: AAR-1814-2021

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 18.03.2023; approved after reviewing 15.04.2023; accepted for publication 15.04.2023.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 2. С. 292–310.

Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 2, pp. 292–310.

Научная статья

УДК 316.454.2

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-292-310>

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И КОНКУРС «ЛИДЕРЫ РОССИИ»

Иван Андреевич Лавров¹✉, Ольга Викторовна Крыштановская²

^{1,2} Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

¹ lavrov.sociology@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-3567-4502>

² olgakryshat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5278-0940>

Аннотация. Введение: прекращение существования Советского Союза вызвало деструктивные последствия для социальной мобильности: границы социальных классов стали расплывчаты, а новые социальные лифты не созданы. Особенно острой эта проблема оказалась для высшей части правящего класса: он остался без работающих инструментов поиска и подготовки кадров, а общество – без понимания принципов отбора и продвижения наверх. С 2000-х годов началась активная государственная работа по институционализации новых каналов мобильности. Однако их закрытость и непрозрачность не в полной мере способствовали решению имеющихся проблем. Осознание этих ограничений вызвало к жизни новый механизм социальной мобильности – конкурс «Лидеры России». **Цель:** оценить роль конкурса «Лидеры России» в качестве канала вертикальной социальной мобильности и получить ответ на вопрос: является ли конкурс «Лидеры России» действенным социальным лифтом или первостепенное значение имеет создание образа равных и открытых возможностей, который легитимизирует политические карьерные продвижения? **Методы:** метод социологического биографического анализа информации о 313 победителях конкурса (с 2017 по 2020 год). **Результаты:** в работе рассмотрены данные о дальнейшем карьерном продвижении победителей, роли конкурса в расширении социального бассейна рекрутирования истеблишмента, его омоложении и преодолении гендерной асимметрии. **Выводы:** конкурс «Лидеры России» является значимым социальным лифтом в современном российском обществе и обеспечивает процессы вертикальной социальной мобильности. Но это касается далеко не всех победителей конкурса, многие из них так и не получают политических назначений и карьерного развития. При этом победа в конкурсе обеспечивает восходящие социальные перемещения для представителей крупных государственных

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

корпораций или людей, уже состоящих на государственной службе, за которыми, вполне вероятно, скрываются движущие силы иного рода. Эти факторы могут свидетельствовать о номинальной открытости конкурса и ведущей роли его PR-функции.

Ключевые слова: социальная стратификация, социальная мобильность, социальный лифт, правящий класс, механизмы рекрутирования, лидеры России, политическая элита

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01579 «Легитимация социальной стратификации в России».

Для цитирования: Лавров И. А., Крыштановская О. В. Социальная мобильность и конкурс «Лидеры России» // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 2. С. 292–310. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-292-310>.

Original article

SOCIAL MOBILITY AND THE “LEADERS OF RUSSIA” COMPETITION

Ivan A. Lavrov¹✉, Olga V. Kryshchanovskaya²

^{1,2} Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

¹ lavrov.sociology@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-3567-4502>

² olgakrysht@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5278-0940>

Abstract. Introduction: the collapse of the Soviet Union had a destructive effect on social mobility: the boundaries of social classes were blurred, and new social elevators were not created. This problem was particularly acute for the upper ruling class, which was left without working tools for personnel search and training, and for the society having lack of understanding of the selection and promotion to the top principles. Since the 2000s, the government has been actively working to institutionalize new mobility channels. However, their closed and non-transparent nature did not fully address the problems. Awareness of these limitations brought to life a new mechanism of social mobility – “The Leaders of Russia” competition. **Objectives:** to assess the role of “The Leaders of Russia” competition as a channel for vertical social mobility. We presume to address the question: is “The Leaders of Russia” an effective social elevator or is it primarily aimed at creating an image of equal and open opportunities that legitimizes political career advancement? **Methods:** a sociological biographical analysis of information on 313 winners of the competition (2017–2020). **Results:** the research covered the data on the further career advancement of competition winners; the competition’s role in expanding the social recruitment pool of the political elite, rejuvenating it, and overcoming gender asymmetry. **Conclusions:** “The Leaders of Russia” competition acts as a significant social elevator in contemporary Russian society and provides processes of vertical social mobility. But it should be noted that this does not apply to all the competition winners, as many of them do not get political appointments and career development. At the same time, winning the competition provides upward social movements for representatives of large state corporations or people already in public service who are possibly enjoying the different kind of support or driving forces that are not obvious. These factors may indicate the nominal openness of the competition and the leading role of its PR function.

Keywords: social stratification, social mobility, social elevator, ruling class, recruitment mechanisms, leaders of Russia, political elite

Acknowledgements: the research was supported by the grant program of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-01579 “Legitimation of social stratification in Russia”.

For citation: Lavrov, I. A. and Kryshтанovskaya, O. V. (2023), “Social mobility and ‘The Leaders of Russia’ competition”, *Ars Administrandi*, vol. 15, no. 2, pp. 292–310, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-292-310>.

ВВЕДЕНИЕ

После распада СССР существовавшие в советский период ценности и нормы были разрушены, а многие из новых аспектов уклада российского общества до сих пор находятся на стадии формирования и институционализации. Это касается и вопросов, связанных с социальной стратификацией. Заменить принятую в Советском Союзе схему устройства общества «рабочий класс – крестьянство – прослойка интеллигенции» была призвана западная классовая модель «высший класс – средний класс – низший класс». Но эта модель в постсоветском обществе вызвала существенные противоречия и искажения самоидентификации. Деинституционализованной оказалась не только стратификационная структура общества, но и функционировавшие механизмы социальной мобильности. В особенности эта проблема коснулась правящего сегмента высшего класса: он остался без работающих инструментов поиска и подготовки кадров, а общество – без понимания принципов отбора и продвижения наверх. Советская система восходящей политической мобильности представляла собой разветвленную сеть социальных механизмов идеологической и профессиональной подготовки начиная с юного возраста. С семи лет ребенок оказывался в рядах октябрят, а в десять вступал в пионеры. Следующим шагом был Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (комсомол), после чего, пройдя все «социальные сита»¹, молодой человек уже мог вступить в КПСС. Дальнейшее профессиональное развитие осуществлялось при помощи партийных школ (ВПШ и ВКШ) и образовательных кузниц партийных кадров (Академия народного хозяйства при Совете Министров СССР, Академия общественных наук при ЦК КПСС). Эта всесоюзная система мобильности перестала существовать вместе с государством, и общество лишилось понятных социальных лифтов.

Страна в период 1990-х годов фактически оказалась в ситуации кадрового голода, формирование истеблишмента приобрело стохастический характер. Многие опытные чиновники заменялись случайными людьми из числа родственников, знакомых, сослуживцев и однокурсников, возникали корпоративные кланы. Трансформация модели социальной стратификации и отсутствие прозрачных механизмов социальной мобильности привели к тому, что в общественном сознании многих россиян правящий класс до сих пор остается делегитимированным. Чиновники и политики первой величины, выполняющие работу высокой ответственности, многими не признаются заслуживающими общественного уважения. По результатам наших прошлых

¹ Термин П. А. Сорокина (Сорокин, 2005).

авторских исследований² мы выявили позицию российской студенческой молодежи, которая считает, что карьерных успехов в российской политике возможно добиться в основном за счет родственно-дружеских связей и наличия больших финансовых активов. Молодые люди полагают, что успешность продвижения по политической карьерной лестнице в нашем обществе не зависит от личных профессиональных качеств, тем самым лишая в своем мировоззрении этих качеств представителей правящей части высшего класса. Делегитимация правящего класса делает общество нестабильным, полным критического скептицизма и нигилизма.

С 2000-х годов началась систематическая работа по созданию системы подготовки кадров для государственной работы. Была сформирована Комиссия при Президенте Российской Федерации по вопросам государственной службы, многоуровневая программа кадрового резерва, восстановлена президентская программа в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации для подготовки управленческих кадров и пр. Однако созданная система кадровых резервов являлась закрытой и преимущественно обеспечивала продвижение специалистов, которые уже были включены в структуры власти, перемещая их с более низких позиций на более высокие. По данным нашего исследования³, на 2020 год 76,4 % участников программы кадрового резерва Президента Российской Федерации и 95,2 % кадрового резерва федерального уровня уже находились на государственной службе на момент включения в резерв. Непрозрачность программ и ограниченность их социальных источников для рекрутирования, то есть социальных групп, из которых пополняется состав истеблишмента страны, не способствовали преодолению проблемы делегитимации правящего класса. Ввиду закрытости отбора участников указанных программ изменений в общественном мнении произойти не могло: процессы селекции и подготовки развивались за кулисами, что закрепляло представление о факторах nepoтизма и клиентелизма, придающих карьерному продвижению импульс. Социальная база, из которой истеблишмент обеспечивал свое пополнение, оставалась узкой, что ограничивало эффективность управления в специфических отраслях.

Эти процессы обнажают проблему социальной мобильности в современном российском обществе. У людей, в особенности молодых, утрачивается мотивация к продвижению по социальной иерархии. Как идти наверх, если остается неясным, что собой этот верх представляет и каковы критерии его определения? Зачем двигаться вверх, если там нет достойных людей,

² Социологическое исследование проводилось в 2020 году. Были опрошены 420 представителей студенческой молодежи в возрасте от 17 до 25 лет из 38 населенных пунктов – крупных и малых городов Российской Федерации. См.: *Отчет по научно-исследовательскому проекту «Социальные лифты в российской политике»* / О. В. Крыштановская, Н. А. Юшкина, И. А. Лавров и др. М.: Гос. ун-т управления, 2021. 36 с. [Электронный ресурс]. URL: https://guu.ru/wp-content/uploads/Отчет_по_проекту_Социальные_лифты_в_политике.pdf (дата обращения: 25.02.2023).

³ В 2021 году был проведен биографический анализ всех участников программы кадрового резерва Президента Российской Федерации, начиная с его первого состава – с 2009 по 2021 год (всего 332 человека), и участников кадрового резерва федерального уровня на 1 марта 2021 года (всего 672 человека).

которых возможно принять за эталон, а от профессиональных качеств ничего не зависит? Эта проблема обоюдоострая: проявляясь в общественной демотивации, она несет неблагоприятные последствия и для государственных структур. Для выполнения своих общественных функций органы власти нуждаются в постоянном притоке, обновлении и ротации кадров. Старшее поколение истеблишмента постепенно уходит, в некоторых отраслях, особенно связанных с цифровыми технологиями, востребованы «новые люди». В создавшейся ситуации проблема обновления команды управленцев становится одной из приоритетных, и необходимо создавать «скамейку запасных», без которой устойчивое поступательное движение страны будет невозможно.

Осознание этих ограничений вызвало к жизни принципиально новую программу. В 2017 году по инициативе Президента Российской Федерации официально стартовал конкурс «Лидеры России». На основе анализа нормативных документов, регламентирующих проведение конкурса, можно заключить, что он создавался как публичный механизм селекции кадров, который открывает дорогу на государственную службу всем желающим. Конкурс проводится ежегодно, за период его существования прошло четыре сезона, в которых приняло участие в общей сложности более 800 тыс. человек, а победителями стали 419. Основная задача конкурса – выявление наиболее перспективных управленцев в пределах всей страны и дальнейшая поддержка их профессионального развития. Организатором выступает АНО «Россия – страна возможностей», учрежденная в 2018 году⁴. По итогам конкурса победители получают образовательный грант в размере 1 млн рублей для повышения квалификации по специализированным образовательным программам для управленцев и год наставничества от представителя истеблишмента страны.

Цель нашего исследования – оценить роль конкурса «Лидеры России» в качестве канала восходящей мобильности. Способствует ли этот новый социальный лифт преодолению проблемы кадрового дефицита и делегитимации правящего класса? Является ли он открытым меритократическим механизмом карьерного продвижения в России, который мотивирует восходящую политическую мобильность? Или же этот конкурс – элемент государственного пиара, создающий образ равных и открытых возможностей для всех и легитимирующий политические карьерные продвижения?

Мы предполагаем, что верно и то, и другое. «Лидеры России» в действительности выполняют функции поиска, отбора, подготовки и продвижения кадров государственной службы на конкурсной основе. Наиболее талантливые и мотивированные молодые люди имеют возможность получить значительный импульс к развитию своей профессиональной карьеры. Однако внутри конкурса существует и поток иного типа. Это люди, которые уже состоят на государственной службе, и представители крупных государственных корпораций. Для них значимым фактором продвижения в конкурсе является не меритократический принцип, а патрон-клиентские отношения. Победа в конкурсе для них выполняет функцию легитимации их дальнейших карьерных передвижений.

⁴ О создании автономной некоммерческой организации «Россия – страна возможностей» [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 22.05.2018 № 251. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71848106/> (дата обращения: 25.02.2023).

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Осмысление социальной мобильности как общественного феномена имеет многовековую традицию в научной истории. Фундаментальные работы, посвященные процессам перемещения индивидов и групп между стратами, и ставшие теоретической рамкой исследования были опубликованы П. А. Сорокиным (Сорокин, 2005; Sorokin, 2019), С. М. Липсетом и Р. Бендиксом (Lipset and Bendix, 2018), Р. Эриксоном и Дж. Голдтропом (Erikson and Goldthorpe, 2019), П. Бурдые (Reed-Danahay, 2019), Э. Гидденсом (Giddens, 2019), Р. К. Мертоном (Crothers, 2020), Р. Брином (Breen, 2019) и многими другими. В российском научном сообществе эта тема приобрела особую актуальность после распада Советского Союза. Тектонические сдвиги, произошедшие в российском обществе, повлекли за собой активную реакцию российских ученых. Важнейшие работы на эту тему были написаны Т. И. Заславской (Заславская, 1997), З. Т. Голенковой (Голенкова и др., 1999), В. В. Радаевым и О. И. Шкаратаном (Радаев и Шкаратан, 1995) и др. Основанная исследователями практика изучения социальной стратификации и мобильности находит свое продолжение в анализе современного российского социума. Например, в работах (Мареева, 2018; Тихонова, 2018; Гимпельсон и Чернина, 2020; Черныш, 2021; Козырева и Смирнов, 2022).

В нашем исследовании мы фокусируемся на проблеме социальной мобильности в российском обществе, которая также имеет достаточно высокий уровень разработанности. Большинство исследователей солидарны в том, что социальный бассейн, из которого рекрутируется политическая элита страны, узок, лимитирован и охватывает сильно ограниченный набор социальных групп. Этой позиции в своей работе придерживается А. В. Дука, констатирующий, что в начале 2010-х «произошло сужение бассейна рекрутирования элит», который стал ограничиваться высшими экономическими группами и «этнически своими» (для национальных республик) (Дука, 2014, с. 224). Д. В. Покатов характеризует этот период как «корпоративную персонекратию», при которой ключевым социальным источником пополнения правящего класса становится бизнес-элита, в особенности в регионах (Покатов, 2019, с. 90). Д. Б. Тев отмечает, что в конце 2010-х годов доминируют «тенденции внутреннего рекрутирования», а «основным источником элитных кадров служат административные структуры, прежде всего федеральные» (Тев, 2016, с. 127). Сейчас мы наблюдаем процессы постепенного расширения бассейна рекрутирования, «каналы вертикальной мобильности, способные привести человека в политику, связаны с системой образования, с успехами в профессии, с общественной деятельностью, с членством в партиях» (Крыштановская и Лавров, 2021, с. 26).

Западные исследователи также проявляют высокий интерес к вопросам формирования и рекрутинга российского правящего класса. Е. Хаски отмечает, что отличительной чертой формирования истеблишмента в России является преобладание карьерных траекторий политиков внутри государственного аппарата, которое он называет *vedomstvennost'* (Huskey, 2010, p. 371). Он сообщает, что в 2008 году около половины состава Правительства Рос-

сийской Федерации⁵ были инсайдерами, под которыми он понимает людей, выстроивших всю свою профессиональную карьеру на государственной службе и не имеющих иного опыта работы (Huskey, 2010, р. 364). По его мнению, это свидетельствует о широком охвате патрон-клиентскими отношениями российской политической системы, что подтверждает узость социальных бассейнов рекрутирования. П. Ратленд также подчеркивает ограниченность социальных групп, формирующих правящую элиту в России. К ним он причисляет ближний круг Путина, олигархов, силовиков и государственных бюрократов, указывая, что эти группы могут пересекаться (Rutland, 2018, р. 273). Многие западные исследователи сходятся во мнении о преобладающей роли силовых ведомств в качестве источника формирования российской элиты, называя выходцев из этих структур в своих работах *siloviki* (Renz, 2006; Bremmer and Charap, 2007; Rivera and Rivera, 2014; Taylor, 2017). С. Фортеस्कю по результатам исследования биографий чиновников в пяти федеральных министерствах⁶ приходит к выводу, что 34 % из них лично знали своего нового начальника до приема на службу (Fortescue, 2020, р. 375). В своей работе он приводит в том числе примеры, связанные с конкурсом «Лидеры России». В частности, победитель конкурса 2017–2018 годов Павел Сорокин в 2018-м был назначен на должность заместителя министра энергетики Российской Федерации Александра Новака. Однако уже с 2015 года Сорокин занимал должность директора Аналитического центра ТЭК ФГБУ «Российское энергетическое агентство» Минэнерго России и входил в команду Новака на переговорах с ОПЕК (Fortescue, 2020, р. 376). В своей статье Фортеस्कю описывает еще несколько случаев карьерного продвижения подобного характера.

Как новый канал социальной мобильности «Лидеры России» вызывают интерес и у отечественных исследователей. Н. Н. Опарина и Е. А. Панова считают, что вместе с организацией этого конкурса фактически в России был запущен механизм функционирования реальных социальных и карьерных лифтов для развития и продвижения молодых лидеров-управленцев (Опарина и Панова, 2019). И. С. Палитай и его коллеги, исследующие формирование российской политической элиты, причисляют конкурс к форме поддержки молодежных инициатив и рекрутирования молодых лидеров (Палитай и др., 2020). Ю. В. Ирхин пишет о том, что конкурс способствует поиску и отбору инновационных лидеров, востребованных политической системой (Ирхин, 2019). В целом непосредственно конкурсу посвящен очень небольшой объем академических работ, что позволяет заключить, что его научная разработка в качестве социального лифта в современной России находится на начальном этапе.

Для исследования конкурса «Лидеры России» в качестве канала социальной мобильности в России нами был использован социологический биогра-

⁵ К составу Правительства Российской Федерации Ю. Хаски относит премьер-министра, его заместителей, министров и их заместителей. Всего 86 человек.

⁶ С. Фортеस्कю использовал в своем исследовании данные о Министерстве экономического развития Российской Федерации, Министерстве энергетики Российской Федерации, Министерстве промышленности и торговли Российской Федерации, Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации и Министерстве по развитию Дальнего Востока и Арктики Российской Федерации.

фический метод. Под биографическим методом в социологии обычно понимается качественный метод исследования, приближенный к методу устной истории (*Oral History*), – когда при помощи биографической информации, полученной из дневников, мемуаров, автобиографий или нарративных интервью, анализируется субъективная составляющая различных социальных процессов (Рождественская, 2012). В нашей работе мы подходим к использованию биографического метода несколько с другой стороны. Мы рассматриваем биографию человека как последовательность секвенциальных событий, его жизненный путь, включающий в себя конкретные социальные события, например год и место рождения, получение высшего образования, трудоустройство и т. д. Соответственно при сборе биографических сведений о конкретной социальной группе анализируется не отдельная биография с целью осмысления субъективного контекста происходивших событий, а агрегированная совокупность жизненных путей, позволяющая описать объективные социальные факты и тренды. В нашем исследовании были проанализированы биографии 313 победителей конкурса «Лидеры России» (с 2017 по 2020 год)⁷. Вся доступная информация была собрана из открытых источников в сети Интернет⁸, формализована, классифицирована, закодирована и введена в специально созданную базу данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Омоложение кадров. Возрастной анализ победителей конкурса «Лидеры России» демонстрирует, что группа рожденных в 1980-е годы становится основным источником формирования пула перспективных политических кадров (61,6 %). При этом значимую долю среди победителей представляет профессионально юное поколение 1990-х (8,9 %), а доля рожденных в 1960-х среди победителей незначительна (3,4 %). Представителей 1950-х и более ранних годов рождения среди победителей конкурса нет (рис. 1). Средний возраст победителя конкурса – 38 лет. Исследование актуальной политической элиты страны⁹, использующее биографии членов Правительства Российской Федерации (включая председателя и его заместителей, министров, директоров служб и руководителей агентств), руководителей Администрации Президента Российской Федерации, глав регионов, депутатов Государственной Думы 8-го созыва и сенаторов Совета Федерации, установило, что средний возраст представителя истеблишмента России – 54 года. Следовательно, средняя разница в возрасте между представителем политической элиты России и победителем конкурса «Лидеры России» – 16 лет. Заметим, что 16 лет – это очень существен-

⁷ Четвертый конкурс «Лидеры России» (2021–2022 гг.) не был включен в анализ, так как на момент проведения исследования биографическая информация о большинстве его победителей в открытых источниках отсутствовала.

⁸ Предпочтение отдавалось биографическим сведениям, опубликованным на официальных сайтах государственных, коммерческих и общественных организаций (например, на сайте министерства, вуза, профессионального сообщества и т. д.). При отсутствии официальных источников информации в исследовании использовались верифицируемые материалы из крупных федеральных и региональных СМИ.

⁹ Часть результатов проведенного исследования опубликована (Viktorov and Kryshantovskaya, 2023).

ный показатель и с социальной точки зрения: представитель поколения 1980-х имел принципиально иную социализацию, он развивался и проходил профессиональное становление уже в реалиях современной России, ему более присущи прогрессивные и рыночные ценности. Таким образом, на основании возрастного анализа можно заключить, что конкурс «Лидеры России» выполняет функцию омоложения кадрового состава элиты – функцию, которая в значительно меньшей степени до этого выполнялась программой кадрового резерва.

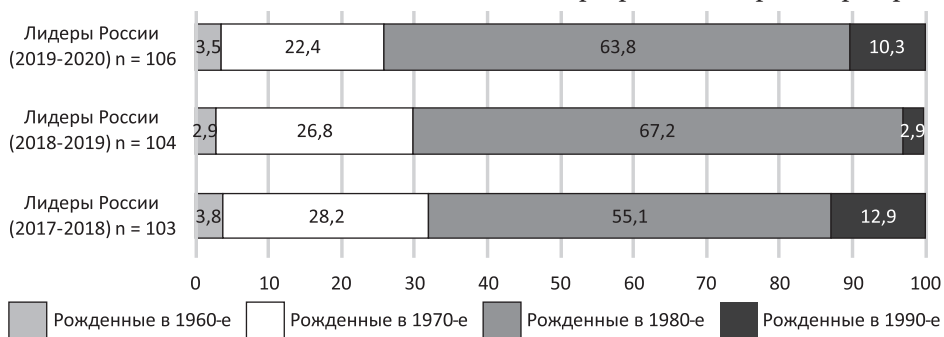

Рис. 1. Возрастное распределение среди победителей конкурса «Лидеры России» (%) /
Fig. 1. "The Leaders of Russia" competition winners by age groups (%)

Источник: собственные расчеты авторов.

Выравнивание гендерной асимметрии. Если в действующей политической элите в целом женщины составляют примерно 6,5 %, то среди победителей конкурса их в среднем 16,6 % (рис. 2). Причем из года в год этот показатель растет, достигнув к 2020-му 24,5 %, что может указывать на наличие тренда увеличения количества женщин в российской политической системе. Значимо и то, что среди 52 женщин-победительниц конкурса 13 (25 %) были впервые кооптированы в структуры власти. Это высокий показатель, поскольку среди мужчин доля, впервые получивших политическое назначение равна 11,9 %. Таким образом, становится возможным назвать конкурс «Лидеры России» значимым социальным лифтом в политику для женщин, который обеспечивает их инкорпорацию и дальнейшее продвижение.

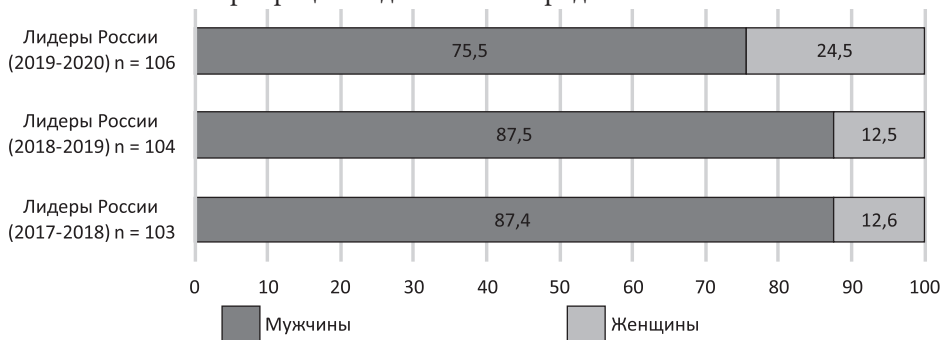

Рис. 2. Гендерное распределение среди победителей конкурса «Лидеры России» (%) /
Fig. 2. "The Leaders of Russia" competition winners by gender (%)

Источник: собственные расчеты авторов.

Инкорпорация новых людей. До участия в конкурсе на государственной службе находилось 11,5 % победителей, для которых конкурс стал инструментом движения от более низких позиций к высоким. Для Президентского кадрового резерва этот же показатель равен 76,4 %, что свидетельствует о концептуально иной функции «Лидеров России» в современной системе восходящей социальной мобильности, заключающейся в открытом наборе перспективных управленческих кадров. Еще более значимым показателем является то, что после победы в конкурсе на различные государственные должности были приглашены 13,8 % тех, кто прежде не имел такого опыта. Этот показатель достиг своего пика в первом сезоне (2017–2018 годы), после которого более чем каждый пятый победитель был кооптирован в политическую систему (рис. 3). Произошел всплеск политического трудоустройства победителей, так как до этого функция открытого поиска и отбора кандидатов на замещение политических должностей не имела системного характера, что обуславливало кадровый дефицит и запрос на новые управленческие кадры. Кроме того, поскольку в хронологическом порядке конкурс 2017–2018 годов был первым, то победители провели большее количество времени в «резерве» для дальнейшего развития политической карьеры. Возможно предположить, что данный показатель среди победителей более поздних конкурсов тоже будет расти. Такой процент абсорбирования системой «Лидеров России» говорит об эффективности нового механизма с точки зрения привлечения и инкорпорации людей, не имевших опыта государственной службы.

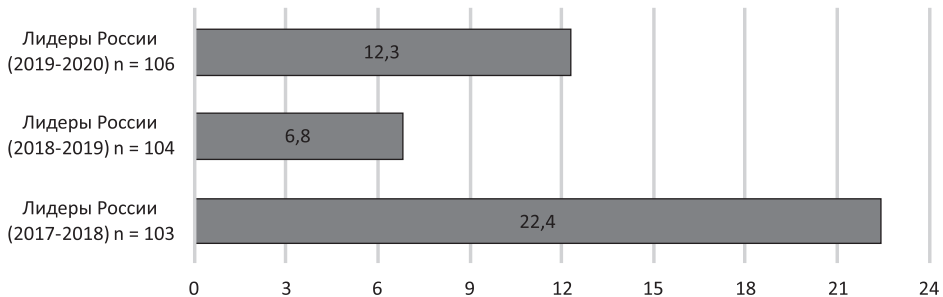

Рис. 3. Доля впервые инкорпорированных в политическую систему после победы в конкурсе «Лидеры России» (%) / Fig. 3. Proportion of first-time entrants into the political system after winning the “Leaders of Russia” competition (%)

Источник: собственные расчеты авторов.

Расширение социального бассейна для рекрутирования. Основную долю победителей конкурса «Лидеры России» составляют представители бизнес-сферы – их 75,7 %. В бизнес-сферу мы включили организации, деятельность которых направлена на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Это люди, занимающие руководящие посты, обладающие управленческими квалификациями и рыночным мышлением. Кроме них, среди победителей конкурса стоит выделить представителей общественных и научно-образовательных организаций. Под представителями общественных организаций мы понимаем волонтеров, сотрудников различных фон-

дов, ассоциаций, профсоюзов, работающих в некоммерческих организациях. Их среди победителей конкурса 6,4 %. В своих исследованиях мы наблюдаем, что волонтерство и общественная деятельность из года в год приобретают все более устойчивый статус социального лифта для молодых людей, аккумулируя молодежную энергию в позитивное для государства русло, стимулируя активную общественную деятельность и становясь фундаментом молодежной политики. Значительна среди победителей доля работников вузов, школ и исследовательских центров – их 5,4 %. Они носители академического мышления, продвигающие российскую науку и передающие свои знания новым поколениям. Стоит отметить, что доля представителей бизнес-сферы среди победителей конкурса из года в год снижается – с 82,5 % в конкурсе 2017–2018 годов до 67 % в конкурсе 2019–2020 годов. Заменяют их работники сферы науки и образования, увеличившие свою долю с 1 % в 2017–2018 годах до 12,3 % в 2019–2020 годах (рис. 4). Государство при отборе управленцев расширяет социальный бассейн для рекрутирования, и есть основания предполагать, что этот тренд сохранится, а конкурс «Лидеры России» продолжит насыщать органы власти людьми с разными типами мышления.

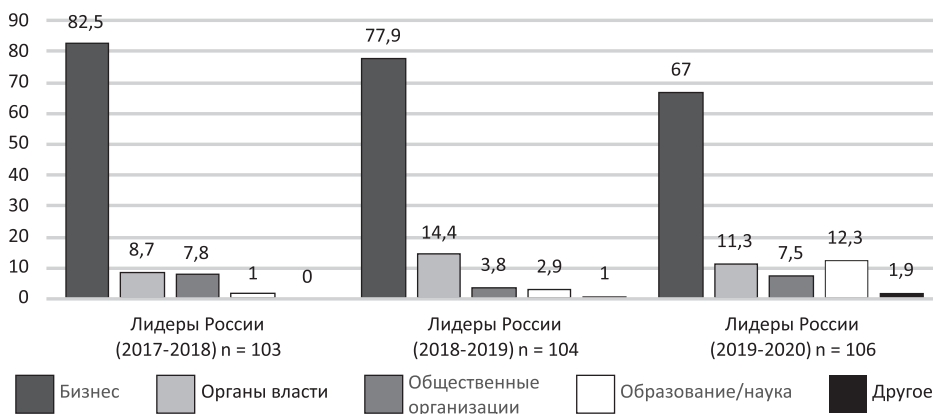

Рис. 4. Сфера работы до участия в конкурсе победителей конкурса «Лидеры России» (%) / Fig. 4. Employment sphere prior to participation in "The Leaders of Russia" competition (%)

Источник: собственные расчеты авторов.

Обеспечение всех уровней власти. Следует отметить, что каждый сезон конкурса «Лидеры России» имеет свою специфику в уровне политических должностей, которые занимают его участники после победы. Большинство из них (58,2 %) назначаются на должности регионального уровня (рис. 5). Многие победители получают приглашение из регионов, чаще всего родных для них, занять должности заместителей глав регионов или руководителей департаментов в региональной администрации. 30,4 % продолжают карьеру в органах федеральной власти, как правило получая должности руководителей департаментов в министерствах. Особо высокое значение этого показателя было отмечено по результатам первого конкурса (2017–2018 годы): 40,6 % победителей продолжили работу в федеральных ведомствах. Среди них шестеро заняли должности заместителей федеральных министров

(энергетики, здравоохранения, экономического развития, строительства и цифрового развития). Это свидетельствует о высокой роли пула победителей конкурса для «второго этажа» федеральной исполнительной власти. Имея в виду политическую молодость победителей конкурса, можно с уверенностью отнести их к высокоперспективной группе чиновников, которые будут претендовать на повышение своего статуса в ближайшее десятилетие. Конкурс 2018–2019 годов стал поставщиком кадров для муниципальной власти: 36,4 % победителей продолжили политическую карьеру именно на этом уровне. Наиболее распространенный трек – это приглашение мэра столицы региона, в основном родного, с последующим назначением на должность его заместителя. Стоит особо выделить кейс Нижнего Новгорода – родного города первого заместителя руководителя Администрации Президента Российской Федерации С. В. Кириенко, идейного вдохновителя и создателя конкурса. Трое победителей конкурса были назначены именно в администрацию Нижнего Новгорода, а один из них, Ю. В. Шалабаев, в 2020 году стал главой города.

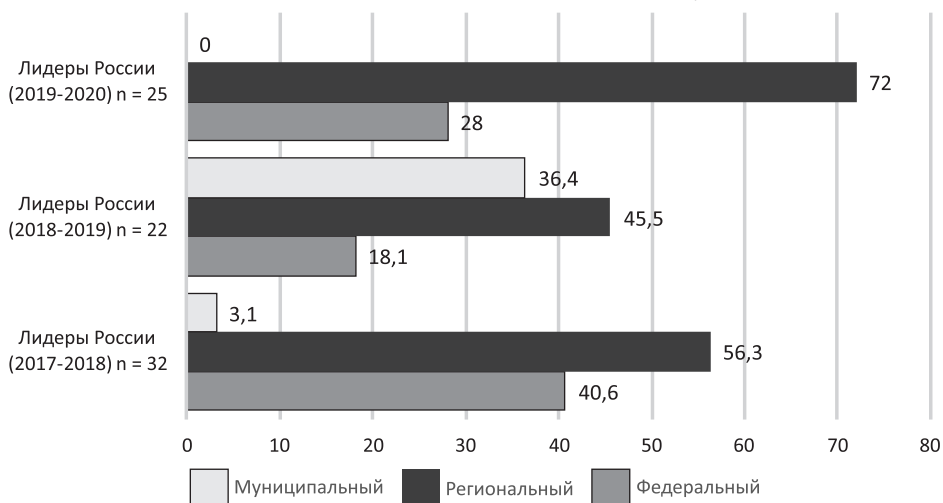

Рис. 5. Уровень власти, к которому относится должность, занимаемая победителями конкурса «Лидеры России» (%) / Fig. 5: Level of authority to which the job position occupied by “The Leaders of Russia” competition winners belongs (%)

Источник: собственные расчеты авторов.

Два потока мобильности. По результатам проведенного исследования можно говорить о наличии двух гетерогенных потоков социальной мобильности, образуемых конкурсом «Лидеры России». Они включают отличающиеся социальные группы, для каждой из которых конкурс выполняет разные функции.

Первый поток состоит из людей, которые не имели опыта государственной службы и работы в государственных корпорациях. Их 56,9 %. Государство, осознавая ограниченность и истощаемость имевшихся социальных источников для кооптации, которыми оперировала система обеспечения восходящей мобильности, создает новый механизм, призванный увеличить

площадь социального бассейна рекрутирования. Значительную долю людей, формирующих первый поток, составляют уроженцы российских регионов, которые до этого не имели отчетливо выраженного централизованного социального лифта. Таким образом, истеблишмент расширяет географию поиска талантливых управленцев, вовлекая в процесс инкорпорации специалистов со всей территории России. Но социальный бассейн расширяется не только географически, но и за счет профессионального опыта победителей конкурса. Подавляющее большинство из них – успешные частные предприниматели, сотрудники коммерческих и некоммерческих организаций, вузов, школ и медицинских учреждений. Первый поток – это своего рода «чистый лист» для органов власти. Государство предоставляет социальный лифт с широкими критериями входа в него, отбирает наиболее способных претендентов, после чего при помощи грантов на специализированные образовательные программы и системы наставничества проводит в том числе идеологическую подготовку претендентов, которые впоследствии формируют управленческий резерв страны. Можно сказать, что подобный механизм рассчитан не только на кооптацию (поиск, отбор, подготовку и назначение на государственную должность), но и на мировоззренческую ассимиляцию.

Второй поток – это люди, уже состоящие на государственной службе или имеющие опыт работы в крупных государственных корпорациях и организациях, большинство акций которых находится в федеральной собственности¹⁰. Их 43,1 %. Они «жители» государственной системы, для которых победа в конкурсе играет принципиально иную роль. Конкурс «Лидеры России», кроме функций поиска, отбора, подготовки и инкорпорации наиболее перспективных кадров, осуществляет и легитимацию карьерного продвижения. Чиновнику или служащему государственной корпорации не требуется проходить процедуры публичных выборов для профессионального повышения, решение о его продвижении принимает вышестоящий руководитель в организационной иерархии. Но если карьерное перемещение связано со значительным повышением социального статуса и приобретением существенных полномочий, то ему способствует прочное обоснование. Подобное назначение можно охарактеризовать как переход в высшую общественную страту, который становится предметом публичного поля. В таком случае победа в конкурсе «Лидеры России» – это социальный капитал, свидетельствующий о конкурентных преимуществах победителя, а сам конкурс – инструмент легитимации карьерного продвижения, за которым могут стоять факторы иного характера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного исследования мы пришли к выводу, что конкурс «Лидеры России» выступает в роли значимого социального лифта в современном российском обществе и обеспечивает процессы вертикальной соци-

¹⁰ Согласно перечню. См.: *Об утверждении перечня стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ* [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 04.08.2004 № 1009. URL: <https://base.garant.ru/187281/> (дата обращения 24.02.2023).

альной мобильности. Конкурс расширяет социальные источники, кооптируемые в органы власти, путем инкорпорации в политическую систему людей, которых мы назовем аутсайдерами. Эти люди никогда не занимали должности государственной службы, зато у них обширный профессиональный опыт в частном бизнесе, общественных организациях, научных и образовательных учреждениях. Большинство победителей конкурса, получивших политические назначения, представители когорты 1980–90-х годов рождения, что свидетельствует о содействии конкурса омоложению государственного аппарата. «Лидеры России» способствуют продвижению в органы власти женщин, становясь существенным лифтом их политической карьеры. Таким образом, можно сказать, что конкурс в действительности служит инструментом преодоления существующих проблем, связанных с поиском, отбором и подготовкой управленческих кадров.

Но основывается ли этот отбор на меритократических принципах? На наш взгляд, лишь отчасти. Вслед за западным исследователем С. Фортестью, который приводит частные примеры патрон-клиентских отношений, сформировавшихся до участия в «Лидерах России», мы видим, что около половины победителей уже состояли на государственной службе или являлись сотрудниками крупных государственных корпораций (назовем их инсайдерами). Стоит предупредить, что имеющегося у нас эмпирического материала недостаточно, чтобы судить о наличии пристрастности для всего этого потока, однако его величина позволяет говорить о недостаточной прозрачности движущих сил внутри конкурса. Мы считаем, что в данном случае конкурс выполняет функцию легитимации карьерных продвижений инсайдеров, которая нуждается в дальнейшем исследовании.

Таким образом, гипотеза нашего исследования подтверждается. Наиболее талантливые и мотивированные аутсайдеры имеют возможность получить существенный импульс к развитию своей профессиональной карьеры: «Лидеры России» выполняют функции поиска, отбора, подготовки и продвижения кадров государственной службы на конкурсной основе. Но к ним примыкает практически равная доля инсайдеров, для которых значимым фактором продвижения являются патрон-клиентские отношения.

Список источников

Гимпельсон В. Е., Чернина Е. М. Положение на шкале доходов и его субъективное восприятие // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 2. С. 30–56. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-46-2-2>.

Голенкова З. Т. Витюк В. В., Черных А. И. и др. Социальное расслоение и социальная мобильность. М.: Наука, 1999, 191 с.

Дука А. В. Постсоветская элита: институционализация и рекрутирование // Политические институты России и Франции: традиции и современность: сб. науч. тр. / Отв. ред. Д. В. Ефременко, Н. Ю. Лапина. М.: Ин-т науч. информ. по обществ. наукам РАН, 2014. С. 203–228.

Заславская Т. И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5–23.

- Ирхин Ю. В. «Лидеры России»: новые кадры для решений новых управленческих задач // Вопросы политологии. 2019. Т. 9, № 4. С. 640–648.
- Козырева П. М., Смирнов А. И. Человек уважаемый: динамика и особенности самоидентификации, 1994–2020 гг. // Социологический журнал. 2022. Т. 28, № 2. С. 8–25. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.2.8984>.
- Крыштановская О. В., Лавров И. А. Политическая карьера для поколения интернета // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 4. С. 18–27. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-18-27>.
- Мареева С. В. Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9, № 3. С. 101–120. <https://doi.org/10.19181/vis.2018.26.3.527>.
- Опарина Н. Н., Панова Е. А. «Лидеры России» как инструмент рекрутирования государственных менеджеров нового поколения // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2019. Т. 8, № 1. С. 19–24. https://doi.org/10.12737/article_5c504cafc80b01.74072495.
- Палитай И. С., Попова С. Ю., Селезнева А. В. Рекрутирование молодых политических лидеров в современной России: каналы, формы, технологии // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 68–77. <https://doi.org/10.17223/15617793/455/10>.
- Покатов Д. В. Рекрутирование современной российской политической элиты как ротация политической и административно-корпоративной элитных групп [Электронный ресурс] // Власть и элиты. 2019. Т. 6, № 1. С. 71–97. <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1>.
- Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М.: Наука, 1995. 240 с.
- Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 380 с.
- Сорокин П. А. Социальная мобильность / Пер. с англ. М. В. Соколовой. М.: Academia, 2005. 588 с.
- Тев Д. Б. Федеральная административная элита России: карьерные пути и каналы рекрутирования // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 115–130. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.10>.
- Тихонова Н. Е. Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018. № 1–2. С. 17–29. <https://doi.org/10.24411/2070-5107-2018-00001>.
- Черныш М. Ф. Институциональные основы неравенства в современном обществе // Мир России. Социология. Этнология. 2021. Т. 30, № 3. С. 6–28. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-3-6-28>.
- Breen R. Social mobility in Europe // Social stratification, class, race, and gender in sociological perspective / Ed. by D. Grusky. New York: Routledge, 2019. P. 464–479.
- Bremmer I., Charap S. The siloviki in Putin's Russia: Who they are and what they want // The Washington Quarterly. 2007. Vol. 30, № 1. P. 83–92.
- Crothers C. Reintroducing Robert K. Merton. New York: Routledge, 2020. 186 p.
- Erikson R., Goldthorpe J. H. Trends in class mobility: The post-war European experience // Social stratification, class, race, and gender in sociological perspective / Ed. by D. Grusky. New York: Routledge, 2019. P. 344–372.

Fortescue S. Russia's civil service: Professional or patrimonial? Executive-level officials in five federal ministries // *Post-Soviet Affairs*. 2020. Vol. 36, № 4. P. 365–388. <http://doi.org/10.1080/1060586X.2020.1757314>.

Giddens A. The class structure of the advanced societies // *Social stratification, class, race, and gender in sociological perspective* / Ed. by D. Grusky. New York: Routledge, 2019. P. 152–162.

Huskey E. Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case // *Communist and Post-Communist Studies*. 2010. Vol. 43, № 4. P. 363–372. <http://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.10.004>.

Lipset S. M., Bendix R. Social mobility in industrial society. New York: Routledge, 2018. 342 p.

Reed-Danahay D. Bourdieusocialspace: Mobilities, trajectories, emplacements. New York: Berghahn Books, 2019. 170 p. <https://doi.org/10.3167/9781789203530>.

Renz B. Putin's militocracy? An alternative interpretation of siloviki in contemporary Russian politics // *Europe-Asia Studies*. 2006. Vol. 58, № 6. P. 903–924. <http://doi.org/10.1080/09668130600831134>.

Rivera D. W., Rivera S. W. Is Russia a militocracy? Conceptual issues and extant findings regarding elite militarization // *Post-Soviet Affairs*. 2014. Vol. 30, № 1. P. 27–50. <http://doi.org/10.1080/1060586X.2013.819681>.

Rutland P. The political elite in post-Soviet Russia // *The Palgrave handbook of political elites* / Ed. by H. Best and J. Higley. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 273–294. http://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_19.

Sorokin P. A. Social and cultural mobility // *Social stratification, class, race, and gender in sociological perspective* / Ed. by D. Grusky. New York: Routledge, 2019. P. 303–308.

Taylor B. D. The Russian siloviki & political change // *Daedalus*. 2017. Vol. 146, № 2. P. 53–63. http://doi.org/10.1162/DAED_a_00434.

Viktorov I., Kryshтановskaya O. Presidential succession in Russia: Political cycles and intra-elite conflicts // *Russian Politics*. 2023. Vol. 8, № 1. P. 97–121. <http://doi.org/10.30965/24518921-00801005>.

Информация об авторах

И. А. Лавров – заместитель директора Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр» ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», 125047, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6

SPIN-код (РИНЦ): 7078-1189

AuthorID (РИНЦ): 1053266

Web of Science ResearcherID: ACU-0617-2022

Scopus Author ID: 57554381900

О. В. Крыштановская – доктор социологических наук, директор Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр» ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», 125047, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6

SPIN-код (РИНЦ): 5881-9789

AuthorID (РИНЦ): 357811

Web of Science ResearcherID: GLQ-7604-2022

Scopus Author ID: 57215284957

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 11.03.2023; одобрена после рецензирования 21.04.2023; принята к публикации 21.04.2023.

References

Gimpelson, V. E. and Chernina, E. M. (2020), "How we perceive our place in income distribution and how the perceptions deviate from reality", *The Journal of the New Economic Association*, no. 2, pp. 30–56, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-46-2-2>.

Golenkova, Z. T. Vityuk, V. V., Chernykh, A. I. et al. (1999), *Social'noe rassloenie i social'naya mobil'nost'* [Social stratification and social mobility], Nauka, Moscow, Russia.

Duka, A. V. (2014), "Post-soviet elite: Institutionalization and recruitment", in Efremenko, D. V. and Lapina, N. Yu. (eds.), *Politicheskie instituty Rossii i Francii: tradicii i sovremennost': sbornik nauchni: sbornik nauchnykh trudov* [Political institutions of Russia and France: Traditions and modernity. Collection of scientific papers], Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS, Moscow, Russia, pp. 203–228.

Zaslavskaya, T. I. (1997), "Social structure of modern Russian society", *Social Sciences and Contemporary World*, no. 2, pp. 5–23.

Irkhin, Y. V. (2019), "Leaders of Russia": New personnel to solve new managerial tasks", *Political Science Issues*, vol. 9, no. 44, pp. 640–648.

Kozyreva, P. M. and Smirnov, A. I. (2022), "A respected individual: Self-identification dynamics and specifics, 1994–2020", *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*, vol. 28, no. 2, pp. 8–25, <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.2.8984>.

Kryshtanovskaya, O. V. and Lavrov, I. A. (2021), "A political career for the Internet generation", *Digital Sociology*, vol. 4, no. 4, pp. 18–27, <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-18-27>.

Mareeva, S. V. (2018), "Social inequalities and social structure of modern Russia as perceived by the population", *Vestnik Instituta sotziologii*, vol. 9, no. 3, pp. 101–120, <https://doi.org/10.19181/vis.2018.26.3.527>.

Oparina, N. N. and Panova, E. A. (2019), "Leaders of Russia as a recruitment tool for state managers of a new generation", *Management of the Personnel and Intellectual Resources in Russia*, vol. 8, no. 1, pp. 19–24, https://doi.org/10.12737/article_5c504c afc80b01.74072495.

Palitay, I. S., Popova, S. Yu. and Selezneva, A. V. (2020), "Recruiting young political leaders in modern Russia: Channels, forms, technologies", *Tomsk State University Journal*, no. 455, pp. 68–77, <https://doi.org/10.17223/15617793/455/10>.

Pokatov, D. V. (2019), "Recruiting of modern Russian political elite as political and administrative-corporate elite groups rotation", *Power and Elites*, vol. 6, no. 1, pp. 71–97, <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1>.

Radaev, V. V. and Shkaratan, O. I. (1995), *Social'naya stratifikatsiya* [Social stratification], Nauka, Moscow, Russia.

Rozhdestvenskaya, E. Yu. (2012), *Biograficheskii metod v sociologii* [The biographical method in sociology], HSE Publishing house, Moscow, Russia.

Sorokin, P. A. (2005), *Social'naya mobil'nost'* [Social mobility], translated by Sokolova, M. V., Academia, Moscow, Russia.

Tev, D. B. (2016), "Federal administrative elite of Russia: Career paths and channels of recruitment", *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 115–130, <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.10>.

Tichonova, N. E. (2018), "Subjective stratification of Russian society model and its dynamic", *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*, no. 1–2, pp. 17–29, <https://doi.org/10.24411/2070-5107-2018-00001>.

Chernysh, M. F. (2021), "The institutional foundations of inequality in modern society", *Universe of Russia*, vol. 30, no. 3, pp. 6–28, <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-3-6-28>.

Breen, R. (2019), "Social mobility in Europe", in Grusky, D. (ed.), *Social stratification, class, race, and gender in sociological perspective*, Routledge, New York, NY, US, pp. 464–479.

Bremmer, I. and Charap, S. (2007), "The siloviki in Putin's Russia: Who they are and what they want", *The Washington Quarterly*, vol. 30, no. 1, pp. 83–92.

Crothers, C. (2020), *Reintroducing Robert K. Merton*, Routledge, New York, NY, US.

Erikson, R. and Goldthorpe, J. H. (2019), "Trends in class mobility: The post-war European experience", in Grusky, D. (ed.), *Social stratification, class, race, and gender in sociological perspective*, Routledge, New York, NY, US, pp. 344–372.

Fortescue, S. (2020), "Russia's civil service: Professional or patrimonial? Executive-level officials in five federal ministries", *Post-Soviet Affairs*, vol. 36, no. 4, pp. 365–388, <http://doi.org/10.1080/1060586X.2020.1757314>.

Giddens, A. (2019), "The class structure of the advanced societies", in Grusky, D. (ed.), *Social stratification, class, race, and gender in sociological perspective*, Routledge, New York, NY, US, pp. 152–162.

Huskey, E. (2010), "Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case", *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 43, no. 4, pp. 363–372, <http://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.10.004>.

Lipset, S. M. and Bendix, R. (2018), *Social mobility in industrial society*, Routledge, New York, NY, US.

Reed-Danahay, D. (2019), *Bourdieu and social space: Mobilities, trajectories, emplacements*, Berghahn Books, New York, NY, US, <https://doi.org/10.3167/9781789203530>.

Renz, B. (2006), "Putin's militocracy? An alternative interpretation of siloviki in contemporary Russian politics", *Europe-Asia Studies*, vol. 58, no. 6, pp. 903–924, <http://doi.org/10.1080/09668130600831134>.

Rivera, D. W. and Rivera, S. W. (2014), "Is Russia a militocracy? Conceptual issues and extant findings regarding elite militarization", *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no. 1, pp. 27–50, <http://doi.org/10.1080/1060586X.2013.819681>.

Rutland, P. (2018), "The political elite in post-Soviet Russia", in Best, H. and Higley, J. (eds.), *The Palgrave handbook of political elites*, Palgrave Macmillan, London, UK, pp. 273–294, http://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_19.

Sorokin, P. A. (2019), "Social and cultural mobility", in Grusky, D. (ed.), *Social stratification, class, race, and gender in sociological perspective*, Routledge, New York, NY, US, pp. 303–308.

Taylor, B. D. (2017), "The Russian Siloviki & Political Change", *Daedalus*, vol. 146, no. 2, pp. 53–63, http://doi.org/10.1162/DAED_a_00434.

Viktorov, I. and Kryshchanovskaya, O. (2023), "Presidential succession in Russia: Political cycles and intra-elite conflicts", *Russian Politics*, vol. 8, no. 1, pp. 97–121, <http://doi.org/10.30965/24518921-00801005>.

Information about the authors

I. A. Lavrov – Deputy Director of the Scientific Center of Digital Sociology "Yadov-center", Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya sq., Moscow, 125047, Russia

SPIN-code (RSCI): 7078-1189

AuthorID (RSCI): 1053266

Web of Science ResearcherID: ACU-0617-2022

Scopus Author ID: 57554381900

O. V. Kryshchanovskaya – Doctor of Sociological Sciences, Director of the Scientific Center of Digital Sociology "Yadov-center", Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya sq., Moscow, 125047, Russia

SPIN-code (RSCI): 5881-9789

AuthorID (RSCI): 357811

Web of Science ResearcherID: GLQ-7604-2022

Scopus Author ID: 57215284957

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 11.03.2023; approved after reviewing 21.04.2023; accepted for publication 21.04.2023.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 2. С. 311–337.

Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 2, pp. 311–337.

Научная статья

УДК 378:32

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-311-337>

ВНУТРИСТРАНОВАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ)

Марина Васильевна Цыбряева¹

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия,

mtsbyraeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9777-2597>

Аннотация. Введение: в современной системе отечественного высшего образования академическая мобильность играет значимую роль при выстраивании международных научно-образовательных коммуникаций, а также выступает инструментом «мягкой силы». Дистанционное обучение в период пандемии COVID-19 способствовало повышению привлекательности виртуальной академической мобильности, при этом со стороны российского государства интереса к институту внутристрановой академической мобильности практически нет. **Цель:** показать проблемы и перспективы развития внутристрановой академической мобильности в области профессионального политологического образования. **Методы:** институциональный метод, контент-анализ, сравнительный анализ. **Результаты:** анализ сайтов столичных и региональных вузов, входящих в программу академического лидерства «Приоритет-2030» и осуществляющих образовательный процесс по направлениям подготовки 41.03.04 и 41.04.04 «Политология», показал, что во всех высших учебных заведениях есть разделы по реализации академической мобильности как вектора международного сотрудничества, однако развитие внутристрановой академической мобильности находится на стадии зарождения. **Выводы:** планомерное развитие академической мобильности внутри страны в области профессионального политологического образования будет содействовать подготовке высококвалифицированных специалистов, способных анализировать социально-экономическую и политическую ситуации в конкретном российском регионе, что в значительной степени позволит достичь основных целей национального развития Российской Федерации.

Ключевые слова: академическая мобильность, политологическое образование, национальные проекты, государственная политика, цифровизация, социокультурные основания, Болонская система, региональная политика

Для цитирования: Цыбряева М. В. Внутристрановая академическая мобильность как инструмент национального развития (на примере политологического образования) // Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 2. С. 311–337. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-311-337>.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

INTRA-COUNTRY ACADEMIC MOBILITY AS A TOOL OF NATIONAL DEVELOPMENT (A CASE STUDY OF POLITICAL SCIENCE EDUCATION)

Marina V. Tsybryaeva¹

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, mtsybryaeva@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9777-2597>

Abstract. Introduction: academic mobility plays an important role in the building international scientific and educational communications in the modern system of Russian higher education and acts as a tool of “soft power”. Online learning during the COVID-19 pandemic helped to increase the attractiveness of virtual academic mobility, while there is practically no interest from Russian government in the development of intra-country academic mobility. **Objectives:** to show the issues and the prospects for the development of intra-country academic mobility in the field of professional political science education. **Methods:** institutional method, a content analysis, a comparative analysis. **Results:** analysis of the websites of metropolitan and regional universities included in the academic leadership program “Priority 2030” and carrying out the educational process in the fields of study 41.03.04 and 41.04.04 “Political Science” showed that all higher educational institutions have sections on the academic mobility realization as an international vector of cooperation. However, the development of intra-country academic mobility is in its infancy. **Conclusions:** the systematic development of academic mobility within the country in the field of professional political science education will contribute to the training of highly qualified specialists capable of analyzing the socio-economic and political situation in a particular Russian region, which, to a large extent, will allow achieving the main goals of Russia’s national development.

Keywords: academic mobility, political science education, national projects, public policy, digitalization, socio-cultural foundations, the Bologna system, regional policy

For citation: Tsybryaeva, M. V. (2023), “Intra-country academic mobility as a tool of national development (a case study of political science education)”, *Ars Administrandi*, vol. 15, no. 2, pp. 311–337, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-311-337>.

ВВЕДЕНИЕ

Отечественное высшее образование является значимым и приоритетным направлением развития государства: показателем социально-экономического роста, фактором конкурентоспособности на мировой арене и значимым инструментом «мягкой силы».

Согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» образование включает в себя два важных компонента: обучение и воспитание¹. Их содержание базируется на социокультурных основаниях российского общества и его богатом культурно-историческом наследии. Защита и сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей,

¹ Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/70291362/> (дата обращения: 27.11.2022).

постоянно находящихся под воздействием экзогенных и эндогенных факторов, являются главной целью проводимой государством политики², что в первую очередь затрагивает систему высшего образования.

В связи с обострением геополитической ситуации вопросы модернизации отечественной национальной системы высшего образования становятся актуальными и острыми. Заявление о выходе России из Болонской системы вызвало столько же обсуждений³, как и о вступлении в нее двадцать лет назад. Интеграционные процессы российского общества, связанные с вхождением России в единое международное образовательное пространство с опорой на принципы Болонской декларации, переориентируются на создание «нашей собственной уникальной системы образования, в основе которой должны лежать интересы национальной экономики и максимальное пространство возможностей для каждого студента»⁴. На повестке дня встает вопрос «синтеза советской системы и опыта последних десятилетий»⁵.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Академическая мобильность до и после пандемии COVID-19

Работы отечественных и зарубежных авторов, посвященные академической мобильности, акцентируют внимание на ней в первую очередь как на инструменте развития и выстраивания международных связей, указывая то на образовательную (Артамонова и Демчук, 2016; Рязанцев и др., 2019; Квасова и др., 2022), то на научную ее составляющие (Сергеев, 2015; Fahey and Kenway, 2010). Можно встретить труды, касающиеся специальных образовательных программ по развитию академической мобильности, которые внесли колоссальный вклад в процесс формирования мирового научно-образовательного пространства: Erasmus+ (Jacobone and Moro, 2015) и Tempus (Wilson, 1993). Ряд исследователей рассматривают академическую мобильность с точки зрения применения «мягкой силы» (Алиева и Амбарцумян, 2022; Ковба и Грибовод, 2019). И все авторы сходятся во мнении, что академическая мобильность – это необходимый компонент в современном образовательном процессе высшей школы.

Идея создания системы высшего образования, не ограниченной территорией государства, существовала на всем протяжении второй половины

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 09.11.2022 № 809. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 27.11.2022).

³ Воробьева Ю. Россия выходит из Болонской системы: кого и как это коснется [Электронный ресурс] // РБК. 2022. 28 мая. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/28/05/2022/628e29749a794747a1ee085d (дата обращения: 01.12.2022).

⁴ Тадтаев Г., Пламенев И. Минобрнауки заявило о планах отказаться от Болонской системы [Электронный ресурс] // РБК. 2022. 24 мая. URL: <https://www.rbc.ru/society/24/05/2022/628d070a9a79476c3892ec27> (дата обращения: 01.12.2022).

⁵ Майер А. Путин объявил о реформе высшего образования [Электронный ресурс] // Ведомости. 2023. 21 февр. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/02/21/963818-vladimir-putin-obyavil-o-reforme-obrazovaniya> (дата обращения: 27.02.2023).

XX века (Цигулева, 2014, с. 227). Развитие академической мобильности началось в Европе в 1990-х годах. Общеввропейской целью трансформационных процессов в сфере высшего образования того времени стало создание единого пространства высшего образования, что явилось следствием организации Европейского союза. Содействие академической мобильности заключалось в «преодолении препятствий для эффективного осуществления свободного передвижения для студентов, преподавателей, ученых и административного персонала»⁶. Академическая мобильность должна была привести к непрерывному обмену информацией и опытом, получению в процессе обучения новых знаний и компетенций, необходимых для дальнейшего трудоустройства и личностного роста, что в совокупности будет способствовать повышению эффективности государственного управления.

В сентябре 2003 года в Берлине на встрече министров образования В. М. Филиппов поставил свою подпись в декларации о присоединении России к Болонскому процессу. В действующем на тот момент времени Федеральном законе «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» говорилось об «интеграции системы высшего и послевузовского профессионального образования Российской Федерации при сохранении и развитии достижений и традиций российской высшей школы в мировую систему высшего образования»⁷.

После многолетней и плодотворной работы по введению принципов Болонской декларации в систему отечественного образования 1 сентября 2013 года вступил в силу новый Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», в котором указано, что «Российская Федерация содействует развитию сотрудничества российских и иностранных образовательных организаций, международной академической мобильности обучающихся, педагогических, научных и иных работников системы образования»⁸. Очевидно, что в документе под академической мобильностью подразумевалось выстраивание международного сотрудничества.

В Указе Президента Российской Федерации по вопросам миграционной политики, в части научно-образовательной среды, говорится, что академическая мобильность создана для «благоприятного режима свободного перемещения обучающихся, научных и педагогических работников в целях развития науки, профессионального образования, повышения уровня подготовки научных кадров и специалистов для отраслей экономики и сферы государственного управления Российской Федерации»⁹.

⁶ Ministerial Conference Bologna 1999 [Online] // Official website of European High Education Area and Bologna Process. URL: <http://www.ehea.info/page-ministerial-conference-bologna-1999> (Accessed Dec. 8, 2022).

⁷ О высшем и послевузовском профессиональном образовании [Электронный ресурс]: Федер. закон от 22.08.1996 № 125-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/135916/> (дата обращения: 29.11.2022).

⁸ Об образовании в Российской Федерации...

⁹ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 31.10.2018 № 622. URL: <https://base.garant.ru/72092260/> (дата обращения 10.12.2022).

Из вышеприведенных частей нормативных правовых актов вытекает, что академическая мобильность призвана решать разноуровневые задачи. С одной стороны, она способствует повышению эффективности работы органов государственной власти, с другой – стимулирует процессы интернационализации и интеграции в единое мировое пространство высшего образования, которые включают в себя:

- 1) обучение иностранных граждан;
- 2) продолжение обучения на следующем уровне образования в другом учебном заведении;
- 3) осуществление включенного обучения студентами и преподавателями с вузами-партнерами;
- 4) развитие сетевых образовательных программ с получением нескольких дипломов.

Если рассматривать общемировую тенденцию развития академической мобильности на современном этапе, то стоит выделить в ней два периода – до пандемии COVID-19 (2020 год) и после, так как именно это событие явилось отправной точкой для трансформационных процессов в мировом образовательном пространстве.

Исследование “International student mobility flows and COVID-19 realities”, проведенное Институтом международного образования в 2021 году, показывает, что с 1998 по 2018 год наблюдался стремительный рост количества желающих получить образование за рубежом и стать участниками включенного обучения. Если в 1998 году насчитывалось 2 млн 200 тыс. человек, то в 2018-м их количество составляло 5 млн 600 тыс. (Mason, 2021, p. 5). В 2020 году пандемия COVID-19 перестроила общемировую систему образования и показала цифровую дифференциацию всех субъектов образовательного процесса. Реализация физической академической мобильности по сравнению с 2019 годом упала на 20 %, но к 2021 году ситуация начала улучшаться (Mason, 2021, p. 14): академическая мобильность видоизменилась и продолжила существовать в виде виртуальной – без пересечения государственных границ и с использованием дистанционных образовательных технологий (Рябинина, 2022, с. 226). Внедрение новых цифровых методов реализации академической мобильности приобрело привлекательные черты, что поспособствовало расширению возможностей в получении высшего и дополнительного образования в разных регионах, не выходя из дома (Laufer et al., 2021, p. 2). Плюсы такой реализации – в ее открытости, доступности, вариативности, меньшей финансовой затратности, стирании пространственных границ и выборе образовательной программы под свой тайм-менеджмент.

Академическая мобильность формирует у ее участников набор знаний, умений и навыков, содействующих профессиональному и карьерному росту, что повышает общий уровень человеческого капитала в конкретной стране. Она развивает адаптационную способность в новых реалиях, а также ведет к политико-культурному и языковому обмену. Академическая мобильность дает возможность для выстраивания и налаживания вертикальных и горизонтальных коммуникаций в научно-образовательном пространстве. Это элемент междисциплинарности, который крайне важен современному политологу.

Политологическое образование в современной России

Усиливающиеся процессы политизации основных сфер жизнедеятельности человека формируют многочисленные вызовы (Бронников и Цыбряева, 2021, с. 134). Глобальный мир пост-правды становится обыденной частью нашей реальности. Санкционное давление со стороны Запада на Россию видоизменяет политический процесс и ставит на первое место вопросы национальной безопасности и защиты национальных интересов. Поэтому объективное объяснение связанных друг с другом многогранных социально-политических событий возможно только при наличии высококвалифицированных специалистов, а это, в свою очередь, является предметом политологического образования.

Основная задача отечественной политической науки – изучение изменений в социальной структуре и сознании современного российского общества в глобальном и национальном аспектах, а также в реалиях цифровизации и интеллектуальных систем¹⁰. Для ее решения нынешнее политологическое образование на всех уровнях подготовки должно быть представлено междисциплинарными и профильными образовательными программами, что поможет повысить конкурентоспособность вузов внутри страны и за ее пределами, а также даст абитуриенту право выбора наиболее привлекательной для него образовательной траектории.

В этом плане способна помочь академическая мобильность, ставшая одним из компонентов социально-экономической политики любого цивилизованного государства (Mathies and Cantwell, 2022, p. 238). Академическая мобильность рассматривается в контексте выстраивания международных коммуникаций, которые играют важную роль. Но у нее есть и другое направление – внутространовое, которому уделяется меньше внимания, но с возрастанием санкционного давления к нему должен быть проявлен интерес со стороны российских властей¹¹. Под внутространовой академической мобильностью подразумевается перемещение студентов и преподавателей в другой вуз в пределах одной страны на определенный период с целью обучения, преподавания, проведения исследований. В данной работе рассматриваются два компонента такой мобильности: включенное обучение и сетевые образовательные программы. Их развитие может поспособствовать формированию стратегически важных направлений российского общества (к примеру, внутренней геополитике России тоже уделяется недостаточно внимания).

Информационно-культурный обмен и сотрудничество в области разработки передовых инновационных технологий возможны не только с зарубежными вузами, но и внутри страны в целом. Разнообразные национальные проекты Российской Федерации в области науки и образования могут стать основой для расширения уже имеющихся профессиональных коммуникаций и, как следствие, привести к развитию внутространовой академической

¹⁰ Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы) [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 31.12.2020 № 3684-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400070256/> (дата обращения 10.12.2022).

¹¹ Михальченко Н. Болонский процесс: лучше без резких движений [Электронный ресурс] // Стимул: журнал об инновациях в России. 2022. 26 апр. URL: <https://stimul.online/articles/sreda/bolonskiy-protsess-luchshe-bez-rezkikh-dvizheniy/> (дата обращения: 19.02.2023).

мобильности. Такие проекты, как «Образование», «Наука и университеты», нацелены на развитие цифровой экономики, научно-технологических проектов, профессионального лидерства, что отвечает вызовам времени и отстаиванию национальных интересов на международной арене. Более тесное сотрудничество региональных и столичных вузов друг с другом в рамках совместных образовательных программ, включенного обучения поможет достичь поставленных целей как со стороны государства, так и со стороны политологического сообщества.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В основе проводимого исследования внутривузовской академической мобильности в области отечественного политологического образования лежит программа стратегического академического лидерства «Приоритет-2030». Будучи преемником проекта «5-100», она начала работать в 2021 году и основной своей целью поставила занятие лидирующих позиций России в развитии исследовательских разработок в приоритетных направлениях¹². Программа по государственной поддержке вузов концентрирует свое внимание на передовых отраслях науки и на получении качественного высшего образования во всех регионах страны, что позволит достичь национальных целей развития Российской Федерации.

На декабрь 2022 года в программу «Приоритет-2030» вовлечен 121 вуз из восьми федеральных округов. При распределении обучающихся по отраслям знаний первое место принадлежит блоку «Инженерные науки» (40,1 %), второе место занимают «Науки об обществе» (24,2 %).

Выбор объектов для изучения был ориентирован на вузы, осуществляющие образовательный процесс по укрупненной группе специальностей и направлений (УГСН) 41.00.00 «Политические науки и регионоведение»: среди 121 участника программы 52 вуза готовят специалистов по указанной УГСН, но только 34 из них выпускают политологов. Большинство университетов ведут учебный процесс по двухуровневой схеме «4 + 2», но некоторые готовят только бакалавров, другие – исключительно магистров. Анализ образовательных программ проводился на базе данных сайтов вузов, что несколько ограничивает исследование. Порой актуальная информация не сразу обновляется на официальных страницах вуза в сети Интернет, к тому же вопросы академической мобильности зачастую решаются благодаря личным контактам и научным связям. Во всех высших учебных заведениях есть разделы, касающиеся международного сотрудничества с иностранными вузами-партнерами, и академическая мобильность напрямую связана именно с этим вектором развития. Встречаются англоязычные образовательные программы с получением двух дипломов. Академической мобильности, представленной включенным обучением студентов в российских вузах, нет. Исключением является наличие некоторых сетевых (совместных) образовательных программ (см. табл.).

¹² Более 100 университетов стали победителями программы «Приоритет-2030» [Электронный ресурс] // Национальные проекты России. 2021. 27 сент. URL: <https://национальныепроекты.рф/news/bolee-100-universitetov-stali-pobeditelyami-programmy-prioritet-2030> (дата обращения 03.12.2022).

Таблица / Table

Университеты – участники программы «Приоритет-2030», осуществляющие подготовку по УГСН 41.00.00 «Политические науки и регионоведение» / Universities participating of the “Priority 2030” program and providing training in the field of study 41.00.00 “Political Science and Regional Studies”

№	Вуз	Направление подготовки	Наличие академической мобильности внутри страны	Наличие международной академической мобильности (страны-партнеры)
1	Алтайский государственный университет	41.03.01, 41.04.01	Нет	КНР, Киргизия, Таджикистан, Казахстан; сетевые программы с КНР
		«Зарубежное регионоведение»		
		41.03.02, 41.04.02		
		«Регионоведение России»		
		41.03.04, 41.04.04		
2	Амурский государственный университет	«Политология»	Нет	КНР
		41.03.05, 41.04.05		
		«Международные отношения»		
		41.03.01, 41.04.01		
		«Зарубежное регионоведение»		
3	Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева	41.03.01	Нет	Указано, что есть. Но нет списка стран, с которыми заключили договоры
		«Зарубежное регионоведение»		
		41.03.04, 41.04.04		
		«Политология»		
4	Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта	41.03.05	Нет	181 иностранная организация: США, страны Европы, Латинской Америки, Азии,
		«Международные отношения»		
		41.03.04, 41.04.04	Нет	
		«Политология»		

№	Вуз	Направление подготовки	Наличие академической мобильности внутри страны	Наличие международной академической мобильности (страны-партнеры)
5	Белгородский государственный национальный исследовательский университет	41.03.01 «Зарубежное регионоведение»	Нет	Более 40 стран-партнеров из Европы, Азии, Африки, Латинской Америки, США
		41.03.02 «Регионоведение России»		
		41.03.04, 41.04.04 «Политология»		
		41.03.05, 41.04.05 «Международные отношения»		
6	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»	41.03.01, 41.04.01 «Зарубежное регионоведение»	Нет	Более 27 стран-партнеров. Сетевая программа с Италией
		41.03.04, 41.04.04 «Политология»		
		41.03.01, 41.04.01 «Зарубежное регионоведение»		
		41.03.06 «Публичная политика и социальные науки»		
7	Дальневосточный федеральный университет	41.03.01, 41.04.01 «Зарубежное регионоведение»	Нет	Страны Латинской Америки, КНР, Южная Корея, Япония, Вьетнам, Малайзия, Индия
		41.03.04, 41.04.04 «Политология»		
		41.03.05, 41.04.05 «Международные отношения»		

№	Вуз	Направление подготовки	Наличие академической мобильности внутри страны	Наличие международной академической мобильности (страны-партнеры)
8	Забайкальский государственный университет	41.03.01 «Зарубежное регионоведение»	Нет	КНР
		41.03.05, 41.04.05 «Международные отношения»		
		41.03.05 «Международные отношения»		
9	Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова	41.03.01, 41.04.01 «Зарубежное регионоведение»	Нет	Индия, Казахстан, Узбекистан, Турция, Южная Корея, Куба
		41.03.02 «Регионоведение России»		
		41.03.05, 41.04.05 «Международные отношения»		
10	Казанский (Приволжский) федеральный университет	41.03.04, 41.04.04 «Политология»	Есть в виде сетевой магистерской программы с Уфимским университетом науки и технологий	Страны Европы, Азии, США
		41.03.01, 41.04.01 «Зарубежное регионоведение»		
		41.03.05 «Международные отношения»		
11	Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова	41.03.01, 41.04.01 «Зарубежное регионоведение»	Нет	КНР, Южная Корея, Монголия, Казахстан
		41.03.05 «Международные отношения»		

№	Вуз	Направление подготовки	Наличие академической мобильности внутри страны	Наличие международной академической мобильности (страны-партнеры)
12	Кемеровский государственный университет	41.03.01 «Зарубежное регионоведение»	Нет	КНР, Монголия, Таджикистан, Киргизия, Казахстан
		41.03.04, 41.04.04 «Политология»		
		41.03.05, 41.04.05 «Международные отношения»		
		41.03.04, 41.04.04 «Политология»		
13	Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского	41.03.05, 41.04.05 «Международные отношения»	Нет	Указано, что есть. Но нет списка стран, с которыми заключили договоры
14	Марийский государственный университет	41.03.05, 41.04.05 «Международные отношения»	Нет	Указано, что есть. Но нет списка стран, с которыми заключили договоры
15	Московский государственных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации	41.03.01, 41.04.01 «Зарубежное регионоведение»	Нет	138 вузов-партнеров из 48 стран мира. Сетевые программы с Италией и Кипром
		41.03.04, 41.04.04 «Политология»	Есть в виде совместных магистерских программ на английском языке с МГУ имени М. В. Ломоносова	
		41.03.05, 41.04.05 «Международные отношения»	Есть в виде совместных образовательных программ с ИМЭМО РАН, Физическим институтом имени П. Н. Лебедева РАН, НИЦ «Курчатовский институт», Дальневосточным федеральным университетом	

№	Вуз	Направление подготовки	Наличие академической мобильности внутри страны	Наличие международной академической мобильности (страны-партнеры)
16	Московский педагогический государственный университет	41.03.04, 41.04.04 «Политология»	Нет	КНР
17	Национальный исследовательский ядерный университет «Московский инженерно-физический институт»	41.03.05 «Международные отношения»	Нет	КНР, Республика Беларусь
18	Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева	41.03.04, 41.04.04 «Политология»	Нет	Указано, что есть. Но нет списка стран, с которыми заключили договоры
19	Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского	41.03.01 «Зарубежное регионоведение» 41.03.04, 41.04.04 «Политология» 41.03.05, 41.04.05 «Международные отношения» 41.03.05, 41.04.05 «Международные отношения»	Нет	Армения, Республика Беларусь, Бразилия

№	Вуз	Направление подготовки	Наличие академической мобильности внутри страны	Наличие международной академической мобильности (страны-партнеры)
20	Национальный исследовательский Томский государственный университет	41.03.01, 41.04.01 «Зарубежное регионоведение»	Нет	Указано, что есть. Но нет списка стран, с которыми заключили договоры
		41.03.02, 41.04.02 «Регионоведение России»		
		41.03.04, 41.04.04 «Политология»		
		41.03.05, 41.04.05 «Международные отношения»		
21	Новосибирский государственный университет	41.04.04 «Политология»	Нет	Указано, что есть. Но нет списка стран, с которыми заключили договоры
22	Новосибирский государственный технический университет	41.03.01, 41.04.01 «Зарубежное регионоведение»	Нет	Указано, что есть. Но нет списка стран, с которыми заключили договоры
23	Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева	41.03.01, 41.04.01 «Зарубежное регионоведение»	Нет	КНР, Республика Беларусь, Казахстан, Таджикистан
		41.03.04, 41.04.04 «Политология»		
24	Пермский государственный национальный исследовательский университет	41.03.04, 41.04.04 «Политология»	Нет	КНР, Азербайджан, Узбекистан, Венгрия, Южная Корея
		41.03.05, 41.04.05 «Международные отношения»	Нет	
		41.03.01, 41.04.01 «Зарубежное регионоведение»	Нет	
25	Псковский государственный университет			

№	Вуз	Направление подготовки	Наличие академической мобильности внутри страны	Наличие международной академической мобильности (страны-партнеры)
26	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации	41.03.01, 41.04.01 «Зарубежное регионоведение»	Нет	Страны Европы и Азии
		41.03.02 «Регионоведение России»		
		41.03.04, 41.04.04 «Политология»		
		41.03.05, 41.04.05 «Международные отношения»		
		41.03.06 «Публичная политика и социальные науки»		
		41.03.05 «Международные отношения»		
27	Российский государственный университет нефти и газа имени И. М. Губкина	41.03.05 «Международные отношения»	Нет	Нет актуальной информации
28	Российский университет дружбы народов	41.03.01, 41.04.01 «Зарубежное регионоведение»	Нет	Франция, Казахстан, КНР, Испания, Италия, Узбекистан, Германия. Сетевые программы с КНР
		41.03.04, 41.04.04 «Политология»		
		41.03.05, 41.04.05 «Международные отношения»		
		41.03.04 «Политология»		
29	Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова	41.03.05 «Международные отношения»	Нет	Страны Европы и Азии
		41.03.05 «Международные отношения»		

№	Вуз	Направление подготовки	Наличие академической мобильности внутри страны	Наличие международной академической мобильности (страны-партнеры)
30	Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева	41.03.05 «Международные отношения»	Нет	Нет актуальной информации
31	Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения	41.04.04 «Политология» 41.03.05 «Международные отношения»	Нет	КНР, Узбекистан, Азербайджан
32	Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого	41.03.01, 41.04.01 «Зарубежное регионоведение»	Есть в виде совместной магистерской программы с Северо-Восточным федеральным университетом имени М. К. Аммосова	На данный момент не реализуют
33	Саратовский национальный исследовательский университет имени Н. Г. Чернышевского	41.03.04, 41.04.04 «Политология» 41.03.05, 41.04.05 «Международные отношения»	Нет	Указано, что есть. Но нет списка стран, с которыми заключили договоры
34	Севастопольский государственный университет	41.03.01 «Зарубежное регионоведение» 41.03.04, 41.04.04 «Политология» 41.03.05 «Международные отношения»	Нет	Нет актуальной информации

№	Вуз	Направление подготовки	Наличие академической мобильности внутри страны	Наличие международной академической мобильности (страны-партнеры)
35	Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова	41.03.01, 41.04.01 «Зарубежное регионоведение»	Есть в виде совместной магистерской программы с Санкт-Петербургским политехническим университетом Петра Великого	КНР, Казахстан, Япония
		41.04.04 «Политология»	Нет	
36	Северо-Кавказский федеральный университет	41.04.04 «Политология»	Нет	Армения, Казахстан, Узбекистан
		41.03.05, 41.04.05 «Международные отношения»	Нет	
37	Сибирский федеральный университет	41.03.05 «Международные отношения»	Нет	Указано, что есть. Но нет списка стран, с которыми заключили договоры
38	Сургутский государственный университет	41.03.04 «Политология»	Нет	Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Египет, КНР
39	Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина	41.03.04 «Политология»	Нет	КНР, ОАЭ, Сингапур, Южная Корея, Узбекистан
		41.03.05, 41.04.05 «Международные отношения»	Нет	
40	Тихоокеанский государственный университет	41.03.01, 41.04.01 «Зарубежное регионоведение»	Нет	Южная Корея, Япония, Китай
41	Тульский государственный университет	41.03.04, 41.04.04 «Политология»	Нет	Нет актуальной информации

№	Вуз	Направление подготовки	Наличие академической мобильности внутри страны	Наличие международной академической мобильности (страны-партнеры)
42	Тюменский государственный университет	41.03.01 «Зарубежное регионоведение»	Нет	Страны Европы, СНГ, Азии, США
		41.03.05, 41.04.05 «Международные отношения»		
43	Удмуртский государственный университет	41.03.04 «Политология»	Нет	КНР, Южная Корея
		41.03.05 «Международные отношения»		
44	Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина	41.03.01, 41.04.01 «Зарубежное регионоведение»	Нет	Страны Европы, Азии, Латинской Америки
		41.03.04, 41.04.04 «Политология»		
		41.03.05, 41.04.05 «Международные отношения»		
		41.03.06 «Публичная политика и социальные науки»		
45	Уфимский государственный нефтяной технический университет	41.03.01, 41.04.01 «Зарубежное регионоведение»	Нет	Указано, что есть. Но нет списка стран, с которыми заключили договоры
		41.03.06 «Публичная политика и социальные науки»		

№	Вуз	Направление подготовки	Наличие академической мобильности внутри страны	Наличие международной академической мобильности (страны-партнеры)
46	Уфимский университет науки и технологий	41.03.04, 41.04.04 «Политология»	Есть в виде сетевой магистерской программы с Казанским (Приволжским) федеральным университетом	Южная Корея, Узбекистан, Туркменистан
		41.03.05, 41.04.05 «Международные отношения»	Нет	
47	Российский университет транспорта	41.03.05, 41.04.05 «Международные отношения»	Нет	Указано, что есть. Но нет списка стран, с которыми заключили договоры
48	Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова	41.03.05 «Международные отношения»	Нет	Указано, что есть. Но нет списка стран, с которыми заключили договоры
49	Юго-Западный государственный университет	41.03.05 «Международные отношения»	Нет	Венгрия, Германия, КНР
50	Южно-Уральский государственный университет	41.03.01 «Зарубежное регионоведение»	Нет	Китай, Казахстан
		41.03.04, 41.04.04 «Политология»		
		41.03.05, 41.04.05 «Международные отношения»		

№	Вуз	Направление подготовки	Наличие академической мобильности внутри страны	Наличие международной академической мобильности (страны-партнеры)
51	Южный федеральный университет	41.03.01, 41.04.01 «Зарубежное регионоведение»	Нет	Вьетнам, Индия, Испания, КНР, Португалия, Турция, Южная Корея, страны СНГ
		41.03.02 «Регионоведение России»		
		41.03.04, 41.04.04 «Политология»		
		41.03.05, 41.04.05 «Международные отношения»		
52	Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова	41.03.04, 41.04.04 «Политология»	Нет	Азербайджан, Китай, Колумбия, Индия, Германия, Швеция, Италия, Финляндия
		41.03.06 «Публичная политика и социальные науки»		

Источник: разработано и составлено автором.

Таким образом, из 52 вузов, являющихся участниками программы «Приоритет-2030» и осуществляющих подготовку по УГСН 41.00.00 «Политические науки и регионоведение», только шесть университетов (11,5 %) имеют программы внутривузовской академической мобильности, из них половина реализуют сетевые образовательные программы, а другая половина – традиционные. При этом программы международной академической мобильности имеют 47 вузов из изучаемой совокупности, что составляет 90,4 %. Один вуз (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого) пока такие программы не реализует, на официальных сайтах еще четырех (Российский государственный университет нефти и газа имени И. М. Губкина, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Севастопольский государственный университет, Тульский государственный университет) не представлена актуальная информация.

Если брать во внимание вузы, дающие высшее образование только в области политологии, то показатель оказывается еще более низким. Из 34 университетов – получателей грантов по программе «Приоритет-2030», обучающихся по программам 41.03.04, 41.04.04 «Политология», только три вуза (8,8 %) имеют программы внутривузовской академической мобильности. Это Казанский (Приволжский) федеральный университет, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации и Уфимский университет науки и технологий. По сравнению с международной (такие программы реализуют 32 вуза, или 94,1 %), внутривузовская академическая мобильность нуждается в развитии.

Реализация академической мобильности внутри страны может создать необходимые перспективы для достижения национальных целей развития, прописанные в указе Президента Российской Федерации¹³, а кроме того, способствовать повышению эффективности работы органов государственной власти, так как порой «действующие нормы и институты не вполне соответствуют содержанию новых стратегий» (Соловьев, 2010, с. 5).

Широкое распространение внутривузовской академической мобильности приведет к накоплению человеческого капитала в интересах регионов России (Клемешев и др., 2011, с. 4), развитию отраслей экономики и передовых разработок в области современных отечественных научных технологий¹⁴. Данное предложение приобретает национальное значение. Присутствие студентов и молодых специалистов на местах позволит увидеть и оценить социально-политическую ситуацию в регионе, а значит, будет способствовать формированию комплексного подхода к решению существующих и возникающих в нем проблем (Борисова и Сулимов, 2015, с. 142). Знакомство с региональным компонентом, отождествленным с развитием конкретного научного центра (Мелешкина, 2001, с. 6–7), позволит отечественной поли-

¹³ О национальных целях развития России на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 21.07.2020 № 474. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/> (дата обращения 01.03.2023).

¹⁴ Национальные проекты России: Наука и университеты [Электронный ресурс] // Официальный сайт М-ва науки и высшего образования Рос. Федерации. URL: https://minobrnauki.gov.ru/nac_project/#structure (дата обращения: 19.02.2023).

тической науке объяснить многогранные региональные социокультурные и политические процессы. Российская Федерация многонациональна и многоконфессиональна, и у каждого из ее субъектов своя самобытность и история, что не может не отражаться на содержании образовательных программ.

Изучение и анализ региональных особенностей, с которыми сталкиваются участники внутристрановой академической мобильности, являются одной из ее главных задач. Экономический и социально-политический дисбаланс российских регионов обусловлен различными факторами: историческим развитием, географическим положением, природными ресурсами, демографической ситуацией, отношением «центр – регион», процессами урбанизации, инвестиционным климатом, миграционными потоками и др. В ряде случаев может наблюдаться этническая и религиозная специфика, поэтому государственная политика в области регионального развития должна быть инклюзивной, сетевой и учитывать многочисленные тонкие контексты. Использование внутристрановой академической мобильности – это один из механизмов выявления основных тенденций развития регионов, способствующий повышению эффективности государственного управления и достижению высоких показателей деятельности исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации¹⁵.

Весомой проблемой при реализации таких программ станет вопрос финансирования (Провалинский, 2021, с. 70). В России его основным источником продолжают оставаться бюджетные ассигнования, в редких случаях поступают инвестиции извне¹⁶. Осуществление национальных научно-образовательных проектов стимулируется проведением грантовой политики, и в первую очередь по поддержке региональных вузов. Это может привести к снижению миграционных образовательных потоков и подготовке профессионалов в регионах, выступающих в качестве интеллектуальных «доноров» (Капшук и др., 2022, с. 27) для столичных вузов, но впоследствии испытывающих «голод» в специалистах.

Однако ситуация может сложиться иначе: развитие совместных сетевых образовательных программ и реализация включенного обучения, наоборот, только усилят мобильность профессорско-преподавательского состава и молодых специалистов. Потенциально это может как стабилизировать, так и дестабилизировать кадровую политику в регионах за счет рекрутинга востребованных и необходимых специалистов в области политических наук, которых не хватает для реализации образовательного процесса. В этой ситуации вуз-партнер должен суметь грамотно провести рекламную кампанию по привлечению потенциального сотрудника, в котором он заинтересован. Поэтому государству стоит взвешенно подойти к правовому и администра-

¹⁵ Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] // Указ Президента Рос. Федерации от 04.02.2021 № 68. URL: <https://base.garant.ru/400281504/> (дата обращения: 02.03.2023).

¹⁶ Дмитриева Д. Российские вузы попали под системные риски [Электронный ресурс] // Деловой Петербург. 2022. 11 июня. URL: https://www.dp.ru/a/2022/06/10/Vuzi_popali_pod_sistemnie (дата обращения: 19.02.2023).

тивному регулированию отношений в рамках внутривузовской академической мобильности, чтобы чаша весов не склонялась в одну сторону.

Стоит отметить, что академический обмен внутри страны позволит выстраивать новые коммуникации в рамках единой национальной системы высшего образования, что приведет к развитию научного потенциала. Такие профессиональные институты в области политической науки, как Российская ассоциация политической науки и Российское общество политологов, сплачивают российское политологическое сообщество (Арутюнов и Гукова, 2021, с. 310). Площадки столичных и региональных вузов используются для проведения совместных конференций, симпозиумов и других научных мероприятий, способных объединить исследователей в некое политологическое целое. Именно здесь может быть создана почва для обсуждения совместных межвузовских образовательных программ в области политической науки, что, несомненно, расширит возможности для упрочнения профессиональных научно-образовательных связей.

Обращают на себя внимание междисциплинарные проекты. Среди них выделяются междисциплинарные школы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, начавшие свою работу в 2021 году. Ректор вуза В. А. Садовничий ставит перед ними две главные задачи – проведение современных научных исследований и подготовку кадров: «Научно-образовательные школы МГУ позволят объединить учебный процесс университета и его научный потенциал для создания новых уникальных образовательных программ, подготовки специалистов с самыми современными знаниями и навыками, для развития перспективных междисциплинарных направлений современной науки и достижения прорывных научных результатов»¹⁷. Разработками научных проектов и образовательных программ на стыке дисциплин занимаются в Высшей школе экономики (Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала), Белгородском государственном университете («Междисциплинарное обучение» кластера «Новое качество подготовки кадров»), Уральском федеральном университете (магистерские программы «Социальный краудсорсинг», «Медиакоммуникации») и других вузах.

Не обходят стороной вопрос междисциплинарности и органы государственной власти: с 1 сентября 2022 года в силу вступил приказ Минобрнауки России от 6 апреля 2021 года № 245, дающий возможность студенту перевестись после второго курса на другую образовательную программу¹⁸. Это так называемая система «2 + 2», которая уже несколько лет обсуждается в академических кругах. Уникальность такого подхода – в возможности сту-

¹⁷ Агранович М. Садовничий: Кто и как может поступить в научно-образовательные школы МГУ [Электронный ресурс] // Российская газета. 2021. 25 янв. URL: <https://rg.ru/2021/01/25/sadovnichij-kto-i-kak-smozhet-postupit-v-nauchno-obrazovatelnye-shkoly-mgu.html> (дата обращения: 19.02.2023).

¹⁸ Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры [Электронный ресурс]: Приказ М-ва науки и высшего образования Рос. Федерации от 06.04.2021 № 245. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402518156/> (дата обращения: 10.12.2022).

дента избежать «неверного» выбора направления для своей будущей профессии в динамично развивающемся и меняющемся мире. И в этом контексте реализация внутривузовской академической мобильности становится еще более востребованной. Создание сетевых совместных образовательных программ на стыке специальностей, таких, например, как «Политология» и «Востоковедение и африканистика», «Политология» и «Системы искусственного интеллекта», позволит подготовить высококвалифицированных специалистов с теми компетенциями, которые необходимы на рынке труда, а последний сделают более сбалансированным.

Таким образом, поддержка внутривузовской академической мобильности в области политологического образования:

- 1) расширит образовательное поле деятельности в области политической науки;
- 2) даст возможность познакомиться с традициями и культурой многонационального государства;
- 3) позволит проводить совместные мероприятия по сохранению исторической памяти и противодействию попыткам фальсификации истории;
- 4) будет способствовать решению Поставленных задач по развитию российского общества в совокупности с потребностями регионов и национальными интересами;
- 5) подготовит специалистов, необходимых современному рынку труда, за счет сотрудничества со сторонними организациями, являющимися участниками образовательного процесса (при реализации сетевых образовательных программ);
- 6) позволит расширить распределенное научное развитие всех регионов Российской Федерации с участием ученых мирового уровня;
- 7) нормализует кадровый баланс в субъектах Российской Федерации;
- 8) повысит эффективность работы федеральных и региональных органов власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный российский образовательный процесс полностью зависит от проводимой государственной политики, которая формирует основные задачи и приоритеты. Они определяются национальными интересами страны, а давление со стороны внешних и внутренних акторов приводит к их защите и переосмыслению.

Реализация национальных проектов Российской Федерации способствует развитию передовых отраслей экономики и инновационных технологий, которые необходимы современному обществу. Их осуществление невозможно без развития системы высшего образования, элементом которой является академическая мобильность. Она опирается на свободу передвижения в рамках единого образовательного пространства, стирающего территориальные и коммуникационные границы, и содействует интеграции и интернационализации высшего образования. Являясь инструментом «мягкой силы», она ведет к формированию необходимых политических и ценностных установок общества, дает участникам образовательного процесса возможность переместиться

в иное научно-образовательное пространство, познакомиться со спецификой исторического развития тех или иных регионов.

Результаты проводимого исследования показали, что внутривузовская академическая мобильность на территории Российской Федерации в рамках подготовки специалистов-политологов практически отсутствует. Хотя в перспективе она бы помогла студентам погрузиться в университетскую атмосферу отечественных научных центров и познакомиться с культурным разнообразием многонациональной страны.

Для студентов и молодых исследователей в области политической науки внутривузовская академическая мобильность может стать площадкой для обсуждения комплексных мер по решению экономических и социально-политических проблем не только в рамках конкретного региона, но и российского общества в целом, что позволит создать благоприятные условия для достижения национальных целей развития России.

Список источников

Алиева Л. Р., Амбарцумян К. Р. Роль международной академической мобильности в усилении эффективности политики «мягкой силы» современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15, № 2. С. 197–216. <http://doi.org/10.21638/spbu06.2022.205>.

Артамонова Ю. Д., Демчук А. Л. Развитие академической мобильности в вузах России и ФГОС // Высшее образование в России. 2016. № 12. С. 51–68.

Арутюнов А. Г., Гукова И. Н. Развитие региональных политологических школ и «фабрик мысли» // Власть. 2021. Т. 29, № 5. С. 309–312. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8577>.

Борисова Н. В., Сулимов К. А. Университетское сообщество между глобальностью и локальностью: вызовы и ответы // Политическая наука. 2015. № 3. С. 138–149.

Бронников И. А., Цыбряева М. В. Политологическое образование в современных российских вузах (2017–2021 гг.) // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18, № 4. С. 125–141. http://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_125.

Капшук Е. А., Костина Е. Ю., Орлова Н. А. и др. Образовательная миграция в современной России: тенденции и проблемы // Теория и практика общественного развития. 2022. № 3. С. 26–32. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.3.3>.

Квасова Ю. А., Леонтьева В. Л., Пулькина В. А. Академическая мобильность как инструмент международного коммуникативного взаимодействия вузов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022. Т. 2022, № 1. С. 40–49. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-1-40-49>.

Клемешев А. П., Смирнов В. А., Шутков А. Ю. и др. Онлайн-механизм внутригосударственной академической мобильности // Высшее образование в России. 2011. № 12. С. 3–8.

Ковба Д. М., Грибовод Е. Г. Международная академическая мобильность сквозь призму теории «мягкой силы» // Образование и наука. 2019. Т. 21, № 10. С. 9–31. <http://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-10-9-31>.

Мелешкина Е. Ю. Политология в российских регионах: шаги на пути саморефлексии // Политическая наука. 2001. № 3. С. 4–14.

Провалинский Д. И. Академическая мобильность в России: теоретико-правовые вопросы и пути совершенствования // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 2. С. 67–71. <https://doi.org/10.24158/per.2021.2.11>.

Рябинина А. М. Тенденции академической мобильности в условиях пандемии COVID-19 на примере МГУ имени М. В. Ломоносова [Электронный ресурс] // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 92. С. 216–238. <http://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-92-216-238>. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49023200_29868447.pdf (дата обращения: 07.03.2023).

Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Скоробогатова В. И. и др. Международная академическая мобильность в России: тенденции, виды, государственное стимулирование // Экономика региона. 2019. Т. 15, № 2. С. 420–435. <https://doi.org/10.17059/2019-2-9>.

Сергеев С. О. Академическая мобильность как инструмент мягкой силы науки // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6–1. С. 191–194.

Соловьев А. И. Институты власти и управления в стратегии российской модернизации: проблемы и перспективы // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2010. № 3. С. 3–20.

Цигулева О. В. Образовательные модели высшей школы в странах Западной Европы и России в рамках Болонского процесса // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 227–231.

Fahey J., Kenway J. International academic mobility: Problematic and possible paradigms // Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education. 2010. Vol. 31, № 5. P. 563–575. <http://doi.org/10.1080/01596306.2010.516937>.

Jacobone V., Moro G. Evaluating the impact of the Erasmus programme: Skills and European identity // Assessment and Evaluation in Higher Education. 2015. Vol. 40, № 2. P. 309–328. <http://doi.org/10.1080/02602938.2014.909005>.

Laufer M., Leiser A., Deacon B. et al. Digital higher education: A divider or bridge builder? Leadership perspectives on edtech in a COVID-19 reality // International of Journal Educational Technology in Higher Education. 2021. Vol. 18. Art. № 51. <http://doi.org/10.1186/s41239-021-00287-6>.

Mason L. International student mobility flows and COVID-19 realities / Annual IC3 Conference report. Delhi: The Institute of International Education (IIE), 2021. 28 p.

Mathies Ch., Cantwell B. Intra-regional mobility of PhD students in the European Union: The outcomes of region-making policy? // Policy Reviews in Higher Education. 2022. Vol. 6, № 2. P. 230–251. <http://doi.org/10.1080/23322969.2022.2105256>.

Wilson L. TEMPUS as an instrument of reform // European Journal of Education. 1993. Vol. 28, № 4. P. 429–436. <https://doi.org/10.2307/1503410>.

Информация об авторе

М. В. Цыбрюева – аспирант кафедры российской политики факультета политологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», 119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1

SPIN-код (РИНЦ): 6687-0400

AuthorID (РИНЦ): 1146095

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.03.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 24.04.2023.

References

Alieva, L. R. and Ambartsumyan, K. R. (2022), "The role of international academic mobility in strengthening the efficiency of "soft power" policy of modern Russia", *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 15, no. 2, pp. 197–216, <http://doi.org/10.21638/spbu06.2022.205>.

Artamonova, Yu. D. and Demchuk, A. L. (2016), "The development of academic mobility in Russian HEIs and the new FSES", *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, no. 12, pp. 51–68.

Arutyunov, A. G. and Gukova, I. N. (2021), "The development of regional political schools and think tanks", *The Power*, vol. 29, no. 5, pp. 309–312, <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8577>.

Borisova, N. V. and Sulimov, K. A. (2015), "University community between global and local: Challenges and responses", *Political Science (RU)*, no. 3, pp. 138–149.

Bronnikov, I. A. and Tsybryaeva, M. V. (2021), "Political science education in contemporary Russian universities (2017–2021)", *Discourse-P*, vol. 18, no. 4, pp. 125–140, http://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_125.

Kapshuk, E. A., Kostina, E. Yu., Orlova, N. A. et al. (2022), "Educational migration in modern Russia: Trends and issues", *Theory and Practice of Social Development*, no. 3, pp. 26–32, <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.3.3>.

Kvasova, Yu. A., Leontyeva, V. L. and Pulkina, V. A. (2022), "Academic mobility as an instrument of international communicative cooperation", *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, vol. 2022, no. 1, pp. 40–49, <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-1-40-49>.

Klemeshev, A. P., Smirnov, V. A., Shutov, A. Yu. et al. (2011), "On-line mechanism for intensification of intrastate academic mobility", *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, no. 12, pp. 3–8.

Kovba, D. M. and Gribov, E. G. (2019), "International academic mobility through the prism of soft power theory", *The Education and Science Journal*, vol. 21, no. 10, pp. 9–31, <http://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-10-9-31>.

Meleshkina, E. Yu. (2001), "Political science in Russian regions: Steps towards self-reflection", *Political Science (RU)*, no. 3, pp. 4–14.

Provalinsky, D. I. (2021), "Academic mobility in Russia: Theoretical and legal issues and ways of improvement", *Society: Politics, Economics, Law*, no. 2, pp. 67–71, <https://doi.org/10.24158/pep.2021.2.11>.

Ryabinina, A. M. (2022), "Trends in academic mobility in the context of the COVID-19 pandemic on the example of Lomonosov Moscow State University",

Public administration. E-journal, no. 92, pp. 216–238, <http://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-92-216-238> [Online], available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_49023200_29868447.pdf (Accessed March 7, 2023).

Ryazantsev, S. V., Rostovskaya, T. K., Skorobgatova, V. I. et al. (2019), “International academic mobility in Russia: Trends, types, state stimulation”, *Economy of Region*, vol. 15, no. 2, pp. 420–435, <http://doi.org/10.17059/2019-2-9>.

Sergeev, S. O. (2015), “Academic mobility as a tool of soft power of science”, *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, no. 6–1, pp. 191–194.

Solovyov, A. I. (2010), “Institutes of power and management in the strategy for modernization of Russia – Problems and prospects”, *Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*, no. 3, pp. 3–20.

Tsiguleva, O. V. (2014), “Higher education models in west European countries and Russia within the Bologna process”, *Tomsk State University Journal*, no. 388, pp. 227–231.

Fahey, J. and Kenway, J. (2010), “International academic mobility: Problematic and possible paradigms”, *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*, vol. 31, no. 5, pp. 563–575, <http://doi.org/10.1080/01596306.2010.516937>.

Jacobone, V. and Moro, G. (2015), “Evaluating the impact of the Erasmus programme: Skills and European identity”, *Assessment and Evaluation in Higher Education*, vol. 40, no. 2, pp. 309–328, <http://doi.org/10.1080/02602938.2014.909005>.

Laufer, M., Leiser, A., Deacon, B. et al. (2021), “Digital higher education: A divider or bridge builder? Leadership perspectives on edtech in a COVID-19 reality”, *International of Journal Educational Technology in Higher Education*, vol. 18, art. no. 51, <http://doi.org/10.1186/s41239-021-00287-6>.

Mason, L. (2021), *International student mobility flows and COVID-19 realities*, Annual IC3 Conference report, The Institute of International Education (IIE), Delhi, India.

Mathies, Ch. and Cantwell, B. (2022), “Intra-regional mobility of PhD students in the European Union: The outcomes of region-making policy?”, *Policy Reviews in Higher Education*, vol. 6, no. 2, pp. 230–251, <http://doi.org/10.1080/23322969.2022.2105256>.

Wilson, L. (1993), “TEMPUS as an instrument of reform”, *European Journal of Education*, vol. 28, no. 4, pp. 429–436, <https://doi.org/10.2307/1503410>

Information about the author

M.V. Tsybriaeva – Postgraduate student of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

SPIN-code (RSCI): 6573-8095

AuthorID (RSCI): 1146095

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 15.03.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 24.04.2023.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 2. С. 338–352.

Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 2, pp. 338–352.

Научная статья

УДК 338.22

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-338-352>

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И СТРУКТУРА ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ: ЭКСПЕРИМЕНТ С САМОЗАНЯТОСТЬЮ

Светлана Викторовна Дорошенко¹

¹ Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия,
doroshenkos@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8282-6062>

Аннотация. Введение: важнейшей причиной поэтапного запуска в регионах России с 2019 года эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» был вывод из тени доходов населения. Существенный ежегодный прирост численности самозанятых можно оценивать как успех проводимого эксперимента, значимыми результатами которого являются и рост предпринимательства, и увеличение налоговых поступлений в бюджет. Одновременно есть еще один показатель, который может выступать индикатором проводимой политики, – это изменение доли доходов от предпринимательской деятельности в структуре доходов населения. **Цель:** оценить с помощью эконометрических методов влияние введения налога на профессиональный доход на долю доходов от предпринимательской деятельности в структуре доходов населения в российских регионах. Подобные оценки в отечественных научных исследованиях пока отсутствуют. **Методы:** «разность разностей», панельная регрессия, статистический и графический анализ. **Результаты:** на первом этапе расчеты показали, что в четырех регионах, вступивших в эксперимент в 2019 году, ожидаемый эффект, а именно увеличение доли доходов от предпринимательской деятельности, сразу не проявился. Но оценки, полученные со вступлением в эксперимент с 1 января 2020 года девятнадцати регионов, выявили эффект воздействия, равный 0,2 %. Другими словами, несмотря на то, что и в контрольной, и в экспериментальной группе регионов средние значения изменений доли предпринимательских доходов в 2020 году были ниже по сравнению с 2019-м, введение налогового режима в девятнадцать регионов позволило значительно уменьшить это снижение по сравнению с регионами контрольной группы. **Выводы:** статистически доказанный дальнейший рост доли доходов населения от предпринимательской деятельности подтверждает,

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

наряду с такими показателями, как увеличение численности самозанятых граждан и рост налоговых поступлений в бюджет, успех введения налога на профессиональный доход.

Ключевые слова: самозанятые граждане, доходы от предпринимательской деятельности, оценка политики, метод «разность разностей», эффект воздействия, регрессионный анализ, регионы России

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания Института экономики Уральского отделения РАН на 2021–2023 годы, тема научно-исследовательской работы № 0327-2021-0011 «Институциональные модели и факторы социальной и экономической адаптации населения региона в условиях перехода к динамичному развитию».

Для цитирования: Дорошенко С. В. Государственная политика и структура доходов населения: эксперимент с самозанятостью // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 2. С. 338–352. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-338-352>.

Original article

STATE POLICY AND POPULATION INCOMES STRUCTURE: AN EXPERIMENT WITH SELF-EMPLOYMENT

Svetlana V. Doroshenko¹

¹ Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, doroshenkos@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8282-6062>

Abstract. Introduction: the most important reason for the phased launching in 2019 of the experiment on introducing a special tax regime “Tax on professional income” in the regions of Russia was to withdraw from the shadow the population incomes. A significant annual increase in the number of self-employed can be assessed as the success of the experiment, the significant results of which are both the growth of entrepreneurship and the increase in tax revenues to the budget. At the same time, there is another indicator that can act as an indicator of the policy – this is the change in the share of entrepreneurial activity income in the structure of the population incomes. **Objectives:** to assess, using econometric methods, the impact of introducing a tax on professional income on the share of entrepreneurial activity income in the population income structure in the Russian regions. Such estimates are not yet available in domestic scientific research. **Methods:** the “difference of differences” method, panel regression, statistical and graphical analysis. **Results:** at the first stage, calculations showed that in the four regions that entered the experiment in 2019, the expected effect, namely, an increase in the share of entrepreneurial activity income, did not manifest itself immediately. However, estimates on a group of 19 regions that entered the experiment from Jan. 1, 2020 revealed an impact effect equal to 0.2 %. In other words, despite the fact that in both the control and the experimental group of regions, the average values of changes in the share of entrepreneurial income were lower in 2020 compared to 2019, the introduction of the tax regime in 19 regions has significantly reduced this decrease in comparison with the control group. **Conclusions:** the statistically confirmed further growth in the share of population entrepreneurial activity income confirms the identified success of introducing the tax on professional income, along with other trends in indicators, such as an increase in the number of self-employed citizens and an increase in tax revenues to the budget. In general, such step-by-step experiments, when a solution is implemented first on one group of regions or citizens, with the use of appropriate methods, make it possible to obtain very significant results of policy evaluation.

Keywords: self-employed citizens, entrepreneurial activity incomes, policy assessment, “difference-in-differences” method, impact effect, regression analysis, regions of Russia

Acknowledgements: the research was supported by the government fund to the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2021–2023, research topic no. 0327-2021-0011 “Institutional models and factors of social and economic adaptation of the regional population under transition to dynamic development”.

For citation: Doroshenko, S. V. (2023), “State policy and population incomes structure: An experiment with self-employment”, *Ars Administrandi*, vol. 15, no. 2, pp. 338–352, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-338-352>.

ВВЕДЕНИЕ

Важнейшими причинами проведения в регионах России с 2019 года эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» стали вывод из тени доходов населения, увеличение его участия в формировании налоговой части бюджетов. По мнению Г. Ф. Ручкиной, «легализация самозанятых граждан посредством добровольного волеизъявления в сочетании с налоговым контролем, направленным на выявление таких лиц с целью постановки на учет», может оказаться действенным механизмом (Ручкина, 2020, с. 104). В Федеральном законе от 27 ноября 2018 года № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”»¹ закреплено право применения такого режима физическими лицами, в том числе индивидуальными предпринимателями, получающими доходы от деятельности, при которой они не имеют работодателя и не привлекают наемных работников. Закон определил обязанности самозанятых, а также установил ряд ограничений применения режима.

Рассчитанный на десять лет эксперимент сначала стартовал в четырех субъектах Российской Федерации: в городе Москве, Московской и Калужской областях, Республике Татарстан. Позднее, с 1 января 2020 года, к нему присоединились еще девятнадцать регионов: город Санкт-Петербург, Волгоградская, Воронежская, Ленинградская, Нижегородская, Новосибирская, Омская, Ростовская, Самарская, Сахалинская, Свердловская, Тюменская, Челябинская области, Красноярский и Пермский края, Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа, Республика Башкортостан, а с 1 июля 2020 года – уже все субъекты Российской Федерации. С 2023 года этот налоговый режим распространился на новые российские регионы: Луганскую и Донецкую народные республики, Херсонскую и Запорожскую области. Сейчас также ведется учет численности самозанятых на территории города и космодрома Байконур.

¹ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [Электронный ресурс]: Федер. закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/72113648/> (дата обращения: 28.02.2023).

Количество самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», считается одним из основных показателей успешности эксперимента. По данным Федеральной налоговой службы Российской Федерации, на 28 февраля 2023 года численность самозанятых граждан в России составила 6 989 551 человек, из них 6 635 919 человек – физические лица, 353 632 – индивидуальные предприниматели. Годом ранее, на 28 февраля 2022-го, общая численность самозанятых была зафиксирована на уровне 4 285 828 человек, из них 4 037 399 человека – физические лица и 248 429 – индивидуальные предприниматели².

Действительно, существенный ежегодный прирост численности самозанятых можно оценивать как успех эксперимента, значимыми результатами которого являются и рост предпринимательства, и увеличение налоговых поступлений в бюджет. Однако, на наш взгляд, есть еще один показатель, который может выступать индикатором проводимой политики, – это изменение доли доходов от предпринимательской деятельности в структуре доходов населения. Цель представляемого исследования – оценить с помощью метода «разность разностей» влияние введения налога на профессиональный доход на структуру доходов населения в российских регионах. Подобные оценки в отечественных научных исследованиях пока отсутствуют.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Оценка различных политических решений в социально-экономической сфере опирается на методологию оценки политики и программ, которая начала формироваться в США, а затем и в Западной Европе с конца 1950-х годов. Известный в этой сфере исследователь Х. Вольманн в свое время выделил три волны развития политического оценивания. Цель внедрения оценивания на первой волне – в 1960–70-х годах – состояла в анализе непосредственно эффектов или последствий реализации того или иного политического решения. Вторая волна, начавшаяся в 1970-х годах, связывалась с необходимостью оценки эффективности бюджетных расходов. Третья волна – конец 1980-х – 1990-е годы – была определена фактором появления концепции нового государственного менеджмента, и оценивание в этот период становится не только внешней, но и внутренней процедурой с соответствующими инструментами и технологиями (Вольманн, 2010, с. 93–94). В настоящее время оценивание является неотъемлемым институтом государственного управления практически во всех развитых и развивающихся странах.

Реализация в России и других странах СНГ бюджетной и административной реформ способствовала последовательному развитию института оценивания на постсоветском пространстве (Шамков и Дорошенко, 2012). Не ставя в данном исследовании цели глубокого анализа теоретических и методологических положений оценивания политики, а также этапов его развития в рос-

² Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной налоговой службы. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 09.03.2023).

сийском государственном управлении, отметим, что сегодня многие инструменты оценивания весьма прочно укрепились в отечественной практике. Однако одно и то же политическое решение необходимо и возможно оценивать не только на разных стадиях его реализации, но и используя различные подходы, методы и инструментарий, тем более когда речь идет об эксперименте, как в случае поэтапного внедрения режима «Налог на профессиональный доход» в российских регионах.

Безусловно, при оценивании используются и эконометрические методы. Метод «разность разностей»³ (*difference-in-differences*) сегодня считается одним из самых востребованных в эмпирической литературе. В практике оценивания политики он начал применяться в 1980-х годах. Так, Дж. М. Вулдриддж в своей известной статье (Вулдриддж, 2009) отмечал, что при анализе экономической политики оценивание методом «разность разностей» получило широкое распространение начиная с опубликования работы О. Ашенфелтера и Д. Карда (Ashenfelter and Card, 1985). Впоследствии этот метод стал применяться исследователями при оценке самых разных политических решений и действий, причем даже в исторической ретроспективе. Например, А. Маркевич и Е. Журавская использовали этот метод при оценке экономических последствий отмены в 1861 году крепостного права в царской России, а также последующей земельной реформы, которая, как установили авторы, негативно повлияла на производительность труда в сельском хозяйстве (Markevich and Zhuravskaya, 2018).

Широкую известность получили результаты ряда экономистов, использовавших метод «разность разностей». Так, Д. Кард и А. Б. Крюгер оценили влияние увеличения размера минимальной заработной платы с 1 апреля 1992 года на уровень занятости на примере ресторанов быстрого питания в двух американских штатах – Нью-Джерси и Пенсильвании (Card and Krueger, 1994). Результаты не показали ожидаемого снижения занятости из-за изменения зарплат. Эти выводы оказались устойчивы, и на них опирались долгие годы. Однако позднее исследователи Б. Коллвэй и П. Сант’Анна на основе метода «разность разностей» получили результаты, доказывающие, что повышение минимальной заработной платы приводит к сокращению занятости подростков (Callaway and Sant’Anna, 2021).

В дальнейшем А. Б. Крюгер опубликовал итоги эксперимента, в котором анализируются данные о 11 600 учащихся и их учителях, которые были случайным образом распределены по классам разного размера от детского сада до третьего класса. Статистические методы были использованы для учета неслучайного выбытия и переходов между классами. В частности, оценивалось, как влияют на успеваемость учеников размер класса, возможность получения бесплатных обедов, характеристики учителя (Krueger, 1999).

Следует отметить, что сфера образования является одной из тех, где наиболее часто применяется метод «разность разностей» для оценки последствий различных решений. Вообще, эмпирические исследования в области экономики образования нередко затрагивают причинно-следственные вопросы. Например, влияет ли образовательная политика или практика на улучшение результатов тестов учащихся? Приводит ли больший объем школьного

³ Можно также встретить перевод как «разность в разностях», «разность в различиях».

образования к более высокому заработку во взрослой жизни? Результатам подобных квазиэкспериментов, позволяющих отличить случайную ассоциацию от причинно-следственной связи, посвящено исследование Г. Швердта и Л. Вессманна (Schwerdt and Woessmann, 2020).

Подобные оценки проводятся на примере не только развитых стран, но и развивающихся. Так, в одной из работ оценивается влияние комплексной программы обучения навыкам, проводимой для молодежи в возрасте 17–25 лет, которая живет за чертой бедности (на 2 доллара в день) в регионе какао-пояса в Гане. Несмотря на то, что Гана является ведущим производителем какао и имеет растущее молодежное население, по оценкам, средний возраст какао-фермера в стране превышает 50 лет. Чтобы познакомить молодых людей с выращиванием какао и устранить потенциальные препятствия, с которыми они при этом могут столкнуться, была разработана многогранная программа обучения молодежи с конечной целью улучшить и диверсифицировать их источники средств к существованию. С помощью метода «разность разностей» были получены результаты, показавшие, что по сравнению с контрольной (не вовлеченной в программу) группой молодые люди, участвовавшие в тренинге, перенимают лучшие методы ведения сельского хозяйства (26 %), выращивают какао (24 %) и с большей вероятностью будут заниматься сельским хозяйством (22 %) (Unnikrishnan et al., 2022).

Еще одно новейшее оригинальное исследование, также затрагивающее вопросы образования, посвящено изучению эффективности обратной связи при онлайн-обучении студентов бакалавриата английскому языку как иностранному во время карантина из-за коронавирусной инфекции COVID-19. Авторы статьи применили метод «разность разностей» для сравнения экспериментальной группы, где использовались две формы обратной связи (аудиовизуальная и письменная), с контрольной группой, студенты которой получали только письменные отзывы. Исследование показало, что сочетание двух форм обратной связи приводит к более высоким образовательным результатам обучающихся, нежели только одна – письменная (Huachizaca and Yambay-Armijos, 2023).

Другой сферой довольно частого использования метода «разность разностей» является экономика здравоохранения. Так, в работе К. Добкина, Э. Финкельштейн, Р. Клуэндера и М. Дж. Нотовидигдо анализировались экономические последствия госпитализации взрослого населения (Dobkin et al., 2018). В небезынтересной статье Э. Паланиаппана и его коллег представлены результаты оценки изменений в политике здравоохранения США, направленных на предоставление медицинской страховки большему числу американцев, часто за счет расширения государственной программы Medicaid. Авторы, используя метод «разность разностей», сравнили количество получателей Medicaid, перенесших трансплантацию сердца, в штатах, которые провели реформу, и штатах, которые этого не сделали. Результаты исследования свидетельствуют о расширении государственного страхования и доступа граждан к трансплантации сердца. При этом увеличение объема трансплантации для получателей программы Medicaid произошло в основном за счет мужчин, чернокожих и азиатских пациентов (Palaniappan et al., 2022).

Достаточно тесно со здравоохранением и социальной защитой связана экономика питания. Опираясь в своей работе на метод «разность разностей», С. Бабу, Ш. Гаджанан и Д. Халлам представили результаты оценивания воздействия различных мероприятий в рамках программ социальной защиты на уровень и качество питания населения развивающихся стран (Babu et al., 2017).

Без внимания исследователей, использующих метод «разность разностей», не остается и макроэкономика. Так, одна из известных работ в этой области касается оценки влияния инфляционного таргетирования на темпы экономического роста. Ее авторы Л. Болл и Н. Шеридан на примере двадцати стран ОЭСР пришли к выводу, что это влияние не является статистически значимым (Ball and Sheridan, 2004).

Что касается самозанятости в России, то, безусловно, сегодня в нашей стране этой проблеме уделяется немало внимания. Представлены результаты сравнительных исследований, в которых самозанятость анализируется в контексте различных пересекающихся с ней форм занятости (Кубишин, 2022; Черных и Локтюхина, 2021). Изучена специфика самозанятости как особого экономического уклада в современной российской многоукладной экономике (Пациорковский, 2020). Составлен социологический портрет самозанятых граждан, проживающих в различных регионах, а также произведена оценка влияния демографических факторов на самозанятость (Голенкова и др., 2020; Дорошенко, 2021). Охарактеризована готовность незанятых граждан примерить на себя статус самозанятого (Воловская и др., 2018).

Оценивая результаты эксперимента по введению режима «Налог на профессиональный доход», исследователи приводят сведения о росте числа самозанятых граждан, а также об увеличении суммы платежей этого налога в российский бюджет, опираясь, как правило, на данные Федеральной налоговой службы. Наше исследование, опираясь на метод «разность разностей», направлено на оценку влияния проводимого в российских регионах эксперимента по введению специального налогового режима на структуру доходов населения, а именно на долю доходов от предпринимательской деятельности.

Гипотеза исследования: введение специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» способно оказать положительное влияние на изменение удельного веса доходов от предпринимательской деятельности в структуре доходов населения регионов, где эксперимент был запущен ранее, чем повсеместно по России.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Информационной базой исследования послужили данные Росстата о структуре доходов населения в зависимости от источников дохода в разрезе 85 регионов России за 2018–2020 годы, а именно удельный вес доходов от предпринимательской деятельности⁴.

Кратко и в простейшей постановке представим суть метода «разность разностей». Имеются две группы объектов (в нашем случае регионов)

⁴ Структура использования денежных доходов населения Российской Федерации [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Федер. службы гос. статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 09.03.2023).

и два временных периода, итоги (результаты) которых различны. Первая группа регионов подвергается воздействию (или участвует в эксперименте) во втором временном периоде (но не в первом). Это экспериментальная группа регионов. Вторая группа регионов воздействию не подвергается ни в первом временном периоде, ни во втором. Это контрольная группа. Наблюдение одних и тех же регионов внутри групп в каждом периоде времени позволяет использовать среднее значение итогов (результатов): из среднего значения изменения итогов в экспериментальной группе вычитается среднее значение изменения итогов в контрольной группе регионов. Это позволяет устранить смещение при сравнении итогов в обеих группах (но только во втором периоде), которое может являться следствием имеющихся постоянных различий между регионами, а также смещение при сравнении во времени, вызванное трендами, не связанными с экспериментом.

Итоговая формула ожидаемого эффекта воздействия имеет вид:

$$\delta = [Y_{э2} - Y_{э1}] - [Y_{к2} - Y_{к1}]$$

где δ – ожидаемый эффект воздействия от эксперимента;

$Y_{э1,2}$ – средние значения изменений в экспериментальной группе в периоды времени до и после эксперимента;

$Y_{к1,2}$ – средние значения изменений в контрольной группе в периоды времени до и после эксперимента.

Как уже отмечалось ранее, эксперимент по установлению специального налогового режима в российских регионах запускался поочередно. Это послужило основанием для деления нашего исследования на два этапа.

На первом этапе мы выделили четыре региона, где режим был установлен с января 2019 года, в экспериментальную группу, остальные регионы составили контрольную группу. Затем провели сравнение средних изменений долей доходов от предпринимательской деятельности в 2018 и 2019 годах в обеих группах регионов.

Расчет по вышеприведенной формуле показал, что в регионах, вступивших в эксперимент в 2019 году, ожидаемый эффект, а именно увеличение доли доходов от предпринимательской деятельности по сравнению с контрольной группой, не проявился. Полученный результат подтвержден в регрессионной модели с фиксированными эффектами с учетом временных эффектов. В таблице это модель 1, где интересующая нас переменная D статистически незначима.

Объясняющей переменной является доля доходов от предпринимательской деятельности. Переменная D (дамми-переменная) равна 1 в случае экспериментального региона и года введения налогового режима и равна 0 в случае отсутствия его действия и в регионе, и в конкретный год. Переменная dt_2 отражает учет временных эффектов.

Второй этап оценки определялся фактом подключения к эксперименту с 1 января 2020 года еще 19 российских регионов. Важно отметить: несмотря на то, что все остальные регионы ввели у себя этот режим с 1 июля 2020 года, мы сделали условное допущение, что полугодовое действие налога не могло

Результаты оценки моделей с фиксированными эффектами /
Results of evaluation of models with fixed effects

Показатели	Модель 1	Модель 2
const	6,682*** (0,01354)	6,662*** (0,03093)
D	-0,09259 (0,06811)	0,210357* (0,122163)
dt_2	-0,1074*** (0,02826)	-1,04194*** (0,0752498)
n	170	162
LSDV R2	0,9979	0,9889
Within R2	0,1745	0,7666
lnL	114,5	-20,7

Источник: рассчитано и составлено автором.

Примечание: * – $p < 0.1$, ** – $p < 0.05$, *** – $p < 0.01$.

оказать заметного влияния на изменение структуры доходов населения в этих регионах. Поэтому при оценке эффекта воздействия методом «разность разностей» в период с 2019 по 2020 год мы включили 62 региона в контрольную группу, а 19 регионов, подключившихся к эксперименту с начала 2020 года, вошли в экспериментальную группу. Из выборки мы также исключили 4 региона, где в 2020-м уже действовал налоговый режим.

В итоге ожидаемый эффект воздействия от эксперимента, рассчитанный по приведенной формуле, был выявлен и оказался равен 0,2. Другими словами, несмотря на то, что в обеих группах – и контрольной, и экспериментальной – средние значения изменений доли предпринимательских доходов в 2020 году по сравнению с 2019-м были ниже (как показали наши расчеты), введение налогового режима в 19 регионах позволило значительно уменьшить это снижение по сравнению с регионами контрольной группы. Схематично мы проиллюстрировали полученный эффект воздействия на рисунке 1.

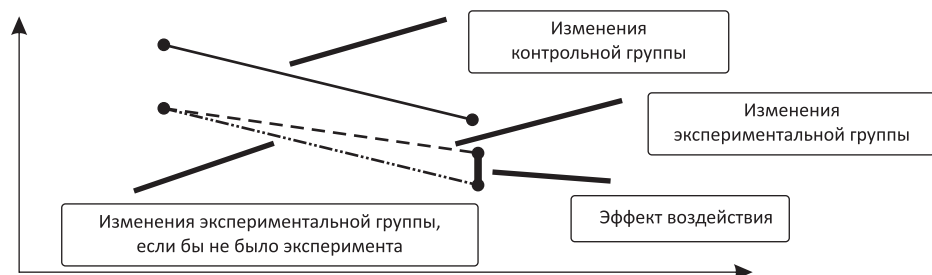

Рис. 1. Эффект воздействия от введения специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в 19 российских регионах с 1 января 2020 г. /
Fig. 1. The impact effect of the introduction of a special tax regime "Tax on professional income" in 19 Russian regions from Jan. 1, 2020

Источник: собственные расчеты автора.

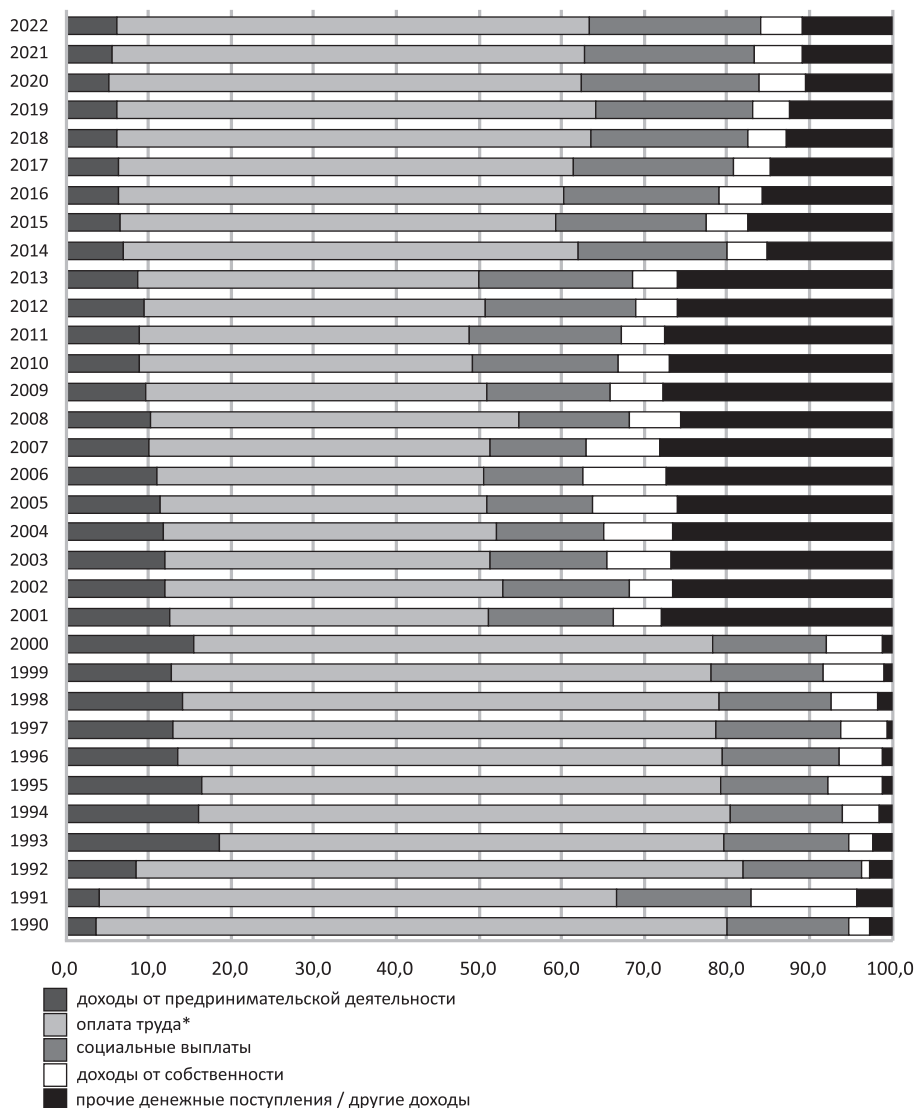

Рис. 2. Структура денежных доходов населения России в 1990–2022 гг. (в % от общего объема денежных доходов) / Fig. 2. The structure of monetary incomes of the Russian population in 1990–2022 (in % of total cash income)

Источник: составлено автором на основе статистических данных⁵.

⁵ Объем и структура денежных доходов населения Российской Федерации по источникам поступления за 2013–2022 гг. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 06.03.2023); Регионы России. Социально-экономические показатели за 2002–2021 гг. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 06.03.2023); Российская Федерация в 1992 году (Статистический ежегодник) [Электронный ресурс] // Исторические материалы: сайт. URL: <https://istmat.org/node/18226> (дата обращения: 04.03.2023); Российский статистический ежегодник за 1994–2014 гг. [Электронный ресурс] // Исторические материалы: сайт. URL: <https://istmat.org/node/21369> (дата обращения: 04.03.2023).

Результаты регрессионной модели 2 представлены в таблице. Коэффициент при интересующей нас дамми-переменной положителен и равен 0,2, что подтверждает наши расчеты по формуле. Сама переменная статистически значима на 10 %-ном уровне.

В заключении исследования для сравнения результатов представим общую динамику изменений структуры доходов населения в России за период с 1990 по 2022 год (рис. 2).

График на рисунке 2 отражает несколько этапов серьезных изменений структуры доходов российского населения. В частности, с 1990 по 1993 год наблюдался рост доли доходов от предпринимательской деятельности, который достиг пика за весь период наблюдения в 1993 году. Затем началось ее сокращение при сохранении довольно высоких значений в общей структуре. Но с 2000 года снижение доли доходов от предпринимательской деятельности стало нарастающим и более заметным. При этом с 2021 года наблюдается ее постепенное, хотя и небольшое, увеличение, одной из причин которого, на наш взгляд, и является введение специального налогового режима «Налог на профессиональный доход», то есть выход доходов из тени. В целом основную долю в структуре доходов имеет оплата труда с заметным сокращением с 2001 года на фоне увеличения доли социальных выплат и прочих поступлений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, участие второй группы из 19 регионов в эксперименте по введению специального налогового режима обеспечило им меньшее (на 0,2 %) снижение удельного веса доходов от предпринимательской деятельности в структуре доходов населения уже в год начала эксперимента. Статистически доказанный дальнейший рост доли доходов населения от предпринимательской деятельности подтверждает, наряду с такими показателями, как увеличение численности samozанятых граждан и рост налоговых поступлений в бюджет, успех введения налога на профессиональный доход. В целом подобные поэтапные эксперименты, когда какое-либо решение реализуется сначала в одной группе регионов или граждан, позволяют с использованием соответствующих методов получить весьма значимые результаты оценивания государственной политики.

Список источников

Воловская Н. М., Плюснина Л. К., Русина А. В. и др. Незанятое население и предпринимательство: предпочтения и практика ведения бизнеса (по материалам социологических исследований) // Вестник НГУЭУ. 2018. № 4. С. 171–187.

Вольманн Х. Оценивание реформ государственного управления: «третья волна» // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 93–99.

Вулдридж Д. М. Оценивание методом «разность разностей» / Пер. с англ. Б. Гершман // Квантиль. 2009. № 6. С. 25–47.

Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В., Горина Т. И. Социологический портрет самозанятых в современной России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 4. С. 821–836. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-821-836>.

Дорошенко С. В. Самозанятость как форма экономической адаптации населения регионов России и Казахстана // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2021. № 6. С. 10–23. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2021-6-10>.

Кубишин Е. С. Неформальная занятость в современной России: прежние проблемы и новые реалии // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18, № 4. С. 521–534. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.8>.

Пациорковский В. В. Самозанятость – ответ части экономически активного населения на кризис стандартных трудовых отношений // Народонаселение. 2020. Т. 23, № 1. С. 88–103. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.8>.

Ручкина Г. Ф. К вопросу о легализации самозанятых в Российской Федерации // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 3. С. 97–106. <https://doi.org/10.24411/2072-4098-2020-10304>.

Черных Е. А., Локтюхина Н. В. Актуальные социально-трудовые аспекты самозанятости в современной России // Экономическое возрождение России. 2021. № 1. С. 136–151. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-1-67-136-151>.

Шамков Ю. В., Дорошенко С. В. Институт оценки политики в пространстве ШОС // Экономика региона. 2012. № 4. С. 212–217. <https://doi.org/10.17059/2012-4-24>.

Ashenfelter O., Card D. Using the longitudinal structure of earnings to estimate the effect of training programs // Review of Economics and Statistics. 1985. Vol. 67, № 4. P. 648–660.

Babu S. C., Gajanan S. N., Hallam J. A. Nutritional implications of social protection: Application of panel data method // Nutrition economics: Principles and policy applications / Ed. by S. C. Babu, S. N. Gajanan, J. A. Hallam. London: Academic Press, 2017. P. 231–256. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-800878-2.00012-8>.

Ball L., Sheridan N. Does inflation targeting matter? // The inflation-targeting debate / Ed. by B. S. Bernanke, M. Woodford. Chicago; London: University of Chicago Press, 2004. P. 249–282.

Callaway B., Sant'Anna P. H. C. Difference-in-differences with multiple time periods // Journal of Econometrics. 2021. Vol. 225, № 2. P. 200–230. <https://doi.org/10.1016/j.jeconom.2020.12.001>.

Card D., Krueger A. B. Minimum wages and employment: A case study of the fast-food industry in New Jersey and Pennsylvania // The American Economic Review. 1994. Vol. 84, № 4. P. 772–793.

Dobkin C., Finkelstein A., Kluender R. et al. The economic consequences of hospital admissions // American Economic Review. 2018. Vol. 108, № 2. P. 308–352. <https://doi.org/10.1257/aer.20161038>.

Huachizaca V., Yambay-Armijos K. Difference-in-difference estimation in combined feedback on writing skill: A quasi-experimental study // Journal of Applied Research in Higher Education. 2023. <https://doi.org/10.1108/JARHE-07-2022-0214>.

Krueger A. B. Experimental estimates of education production functions // The Quarterly Journal of Economics. 1999. Vol. 114, № 2. P. 497–532. <https://doi.org/10.1162/003355399556052>.

Markevich A., Zhuravskaya E. The economic effects of the abolition of serfdom: Evidence from the Russian empire // *American Economic Review*. 2018. Vol. 108, № 4–5. P. 1074–1117. <https://doi.org/10.1257/aer.20160144>.

Palaniappan A., Blitzer D., Takayama H. et al. Estimating the causal effect of the Medicaid expansion on heart transplant volume with a differences-in-differences model // *JTCVSOOpen*. 2022. Vol. 11. P. 200–213. <https://doi.org/10.1016/j.xjon.2022.06.011>.

Schwerdt G., Woessmann L. Empirical methods in the economics of education // *The economics of education: A comprehensive overview*. 2nd ed. / Ed. by S. Bradley, C. Green. London: Academic Press, 2020. P. 3–20. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-815391-8.00001-X>.

Unnikrishnan V., Pinet M., Mark L. et al. Impact of an integrated youth skill training program on youth livelihoods: A case study of cocoa belt region in Ghana // *World Development*. 2022. Vol. 151. Art. № 105732. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2021.105732>.

Информация об авторе

С. В. Дорошенко – доктор экономических наук, доцент, заведующий сектором исследований адаптации региональных систем ФГБУН Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, 620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29

SPIN-код (РИНЦ): 9789-7160

AuthorID (РИНЦ): 77509

Web of Science ResearcherID: L-6719-2017

Scopus Author ID: 56470612600

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 14.03.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 17.04.2023.

References

Volovskaya, N. M., Plyusnina, L. K., Rusina, A. V. et al. (2018), “Unoccupied population and entrepreneurship: Preferences and business practice (following social research)”, *Vestnik NSUEM*, no. 4, pp. 171–187.

Wohlman, H. (2010), “Assessing state government reforms: The third wave”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 10, pp. 93–99.

Wooldridge, J. (2009), “Difference-in-differences estimation”, translated by Gershman, B., *Quantile*, no. 6, pp. 25–47.

Golenkova, Z. T., Goliusova, Yu. V. and Gorina, T. I. (2020), “Sociological portrait of the self-employed in contemporary Russia”, *RUDN Journal of Sociology*, vol. 20, no. 4, pp. 821–836, <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-821-836>.

Doroshenko, S. V. (2021), “Self-employment as an economic adaptation form of the Russia and Kazakhstan regions population”, *Intellect. Innovations. Investments*, no. 6, pp. 10–23, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2021-6-10>.

Kubishin, E.S. (2022), "Informal employment in modern Russia: Old problems and new realities", *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, vol. 18, no. 4, pp. 521–534, <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.8>.

Patsiorkovsky, V. V. (2020), "Self-employment as response of the part of economically active population to the crisis of standard labor relations", *Population*, vol. 23, no. 1, pp. 88–103, <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.8>.

Ruchkina, G. F. (2020), "In reference of legalization of the self-employed in the Russian Federation", *Property Relations in the Russian Federation*, no. 3, pp. 97–106, <https://doi.org/10.24411/2072-4098-2020-10304>.

Chernykh, E. A. and Loktyukhina, N. V. (2021), "Current social and labor aspects of self-employment in modern Russia", *Economic Revival of Russia*, no. 1, pp. 136–151, <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-1-67-136-151>.

Shamkov, Yu. V. and Doroshenko, S. V. (2012), "Institute of estimation of policy in the space of the SCO", *Ekonomy of Regions*, 2012, no. 4, pp. 212–217, <https://doi.org/10.17059/2012-4-24>.

Ashenfelter, O. and Card, D. (1985), "Using the longitudinal structure of earnings to estimate the effect of training programs", *Review of Economics and Statistics*, vol. 67, no. 4, pp. 648–660.

Babu, S. C., Gajanan, S. N. and Hallam, J. A. (2017), "Nutritional implications of social protection: Application of panel data method", in Babu, S. C., Gajanan, S. N. and Hallam, J. A. (eds.), *Nutrition Economics: Principles and Policy Applications*, Academic Press, London, UK, pp. 231–256, <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-800878-2.00012>.

Ball, L. and Sheridan, N. (2004), "Does inflation targeting matter?", in Bernanke, B. S. and Woodford, M. (eds.), *The inflation-targeting debate*, University of Chicago Press, Chicago, US, London, UK, pp. 249–282.

Callaway, B. and Sant'Anna, P. H. C. (2021), "Difference-in-differences with multiple time periods", *Journal of Econometrics*, vol. 225, no. 2, pp. 200–230, <https://doi.org/10.1016/j.jeconom.2020.12.001>.

Card, D. and Krueger, A. B. (1994), "Minimum wages and employment: A case study of the fast-food industry in New Jersey and Pennsylvania", *The American Economic Review*, vol. 84, no. 4, pp. 772–793.

Dobkin, C., Finkelstein, A., Kluender, R. et al. (2018), "The economic consequences of hospital admission", *American Economic Review*, vol. 108, no. 2, pp. 308–352, <https://doi.org/10.1257/aer.20161038>.

Huachizaca, V. and Yambay-Armijos, K. (2023), "Difference-in-difference estimation in combined feedback on writing skill: A quasi-experimental study", *Journal of Applied Research in Higher Education*, <https://doi.org/10.1108/JARHE-07-2022-0214>.

Krueger, A. B. (1999), "Experimental estimates of education production functions", *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 114, no. 2, pp. 497–532, <https://doi.org/10.1162/003355399556052>.

Markevich, A. and Zhuravskaya, E. (2018), "The economic effects of the abolition of serfdom: Evidence from the Russian empire", *American Economic Review*, vol. 108, no. 4–5, pp. 1074–1117, <https://doi.org/10.1257/aer.20160144>.

Palaniappan, A., Blitzer, D., Takayama, H. et al. (2022), "Estimating the causal effect of the Medicaid expansion on heart transplant volume with a differences-

in-differences model”, *JTCVS Open*, vol. 11, pp. 200–213, <https://doi.org/10.1016/j.xjon.2022.06.011>.

Schwerdt, G. and Woessmann, L. (2020), “Empirical methods in the economics of education”, in Bradley, S. and Green, C. (eds.), *The economics of education: A comprehensive overview*, 2nd ed., Academic Press, London, UK, pp. 3–20, <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-815391-8.00001-X>.

Unnikrishnan, V., Pinet, M., Mark, L. et al. (2022), “Impact of an integrated youth skill training program on youth livelihoods: A case study of cocoa belt region in Ghana”, *World Development*, vol. 151, art. no. 105732, <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2021.105732>.

Information about the author

S. V. Doroshenko – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Regional Systems Adaptation Research Sector, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 29 Moskovskaya Str., Yekaterinburg, 620014, Russia

SPIN-code (RSCI): 9789-7160

AuthorID (RSCI): 77509

Web of Science ResearcherID: L-6719-2017

Scopus Author ID: 56470612600

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 14.03.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 17.04.2023.

Научное издание

ARS ADMINISTRANDI (Искусство управления)

2023. Т. 15, № 2 (174–352)

Редакторы – Т. И. Ускова, Е. А. Троицкая

Корректоры – О. С. Толстогузова, И. Р. Саматов

Переводчик – М. Г. Мильман

Компьютерная верстка – И. Р. Смолянин, И. Р. Саматов

Дата выхода в свет 28.06.2023. Формат 70х100 1/16

Усл. печ. л. 15,27. Тираж 500 экз. Заказ № 269 369

Редакция научного журнала “Ars Adminisrandi” («Искусство управления»)

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,

кафедра государственного и муниципального управления

тел. (342) 239-66-89

ars-administrandi.com

e-mail: arsadmag@yandex.ru

Издательский центр

Пермского государственного национального исследовательского университета

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано в ООО «АСТЕР ДИДЖИТАЛ»

614000, Пермский край, г. Пермь, ул. Пермская, 46

тел. (342) 206-06-86

Распространяется бесплатно